

Карен Хорни
Психология женщины

Предисловие

Все более возраставшая неудовлетворенность классической фрейдовской теорией в итоге привела к тому, что в середине 30-х годов в психоанализе стало складываться новое направление, представители которого сосредоточили основное внимание на культурных и социальных условиях, определяющих формирование личности человека, его поведение и внутренние конфликты. Это направление получило название «неофрейдизм», одной из наиболее ярких фигур которого наряду с Эрихом Фроммом и Гарри Стеком Салливеном несомненно является Карен Хорни – блестящий критик Фрейда и автор собственной оригинальной теории, оказавшей значительное влияние на дальнейшее развитие психоанализа.

Карен Хорни родилась 16 сентября 1885 года в Гамбурге в семье капитана норвежского флота Берндта Даниэльсена, принявшего в дальнейшем немецкое гражданство. Это был богобоязненный, строгих правил и скупой на слова человек, в силу своей профессии редко бывавший дома. Несомненно, большее влияние на Карен оказала ее мать, Клотильда Ронзелен, голландка по происхождению, которая на семнадцать лет была моложе своего мужа и, наоборот, отличалась свободомыслием, которое сумела привить и своей дочери.

Прежде чем закончить медицинский факультет Берлинского университета, Карен Хорни училась в университетах Фрайбурга и Гёттингена. После завершения учебы она проработала несколько лет в психиатрической клинике. Еще в студенческие годы во многом под влиянием лекций Карла Абрахама, ставшего, по сути, первым ее учителем, у нее пробудился интерес к психоанализу, который и стал делом всей ее жизни.

Хорни являлась одним из первых членов Берлинского психоаналитического объединения, а в 1920 году, когда Макс Эйтингон основал Берлинский психоаналитический институт, – одним из первых его сотрудников. Коллегами Хорни были такие выдающиеся аналитики, как Карл Абрахам и Ганс Захс, у которых она прошла учебный анализ. Но все же, по собственному признанию Хорни, на формирование ее взглядов особое влияние оказали Харальд Шульц-Хенке и Вильгельм Райх: Шульц-Хенке – работами об интенциональности и актуальных конфликтных ситуациях, Райх – своими представлениями о защитных тенденциях характера. Без сомнения, теория Хорни складывалась также и под влиянием индивидуальной психологии Альфреда Адлера.

В начальный период своей деятельности, который продлился более пятнадцати лет, Хорни, несмотря на критику ряда положений Фрейда, была все же приверженцем классического, ортодоксального психоанализа. Поворотным пунктом в ее жизни явился переезд в 1932 году из Берлина в Чикаго, куда ее пригласил в качестве второго директора только что созданного Чикагского психоаналитического института Франц Александер. Это сотрудничество продлилось, правда, недолго, и уже в 1934 году Хорни переехала в Нью-Йорк.

После приезда в США в течение примерно семи лет она занималась разработкой собственной теории. Многие ее формулировки отражали социальные и культурные течения 30-40-х годов в Соединенных Штатах, царивший в стране либерально-демократический дух. Она категорически протестовала против принципиального фрейдовского пессимизма и постоянно подчеркивала присущий человеку потенциал развития и роста. Мишенью ее критики явился также и фрейдовский биологический детерминизм, поскольку она усматривала в нем недооценку социально обусловленных аспектов неврозов. Хорни приобрела многочисленных сторонников в рядах социальных работников, психологов и психиатров. Ее книги, написанные легким языком и понятные даже неспециалистам, были необычайно популярны – возможно, также и потому, что воспринимались как альтернатива пессимистическим воззрениям Фрейда на человека и его терапевтическому скептицизму.

С другой стороны, именно за свои взгляды и отступничество от ортодоксального психоанализа Хорни подверглась нападкам со стороны своих американских коллег и в 1941 году была исключена из Американской психоаналитической ассоциации. После этого Хорни

создала альтернативную Ассоциацию развития психоанализа, в которой она активно работала все последние годы жизни. Умерла Карен Хорни в Нью-Йорке 4 декабря 1952 года.

Идеи Карен Хорни прошли в своем становлении несколько этапов, каждый из которых внес существенный вклад в развитие аналитической теории. Если ранние ее научные труды позволяют говорить о ней как основателе, наряду с Хелен Дойч, науки о женской психологии, то в последующих работах она предстает как яркий представитель культуралистского направления в психоанализе и автор одной из наиболее разработанных концепций невротического конфликта и психологических защит.

В 20-х – начале 30-х годов, еще преподавая ортодоксальную теорию в Берлинском психоаналитическом институте, Хорни начала расходиться с Фрейдом по ряду принципиальных вопросов в воззрениях на психологию женщины и попыталась изменить психоаналитическую теорию изнутри, подвергнув критике идею Фрейда о психологических последствиях анатомического различия между полами. Уже в первых своих статьях Хорни стремилась показать, что женщина обладает лишь ей присущими биологической конституцией и особенностями развития, которые нельзя рассматривать с мужских позиций как некую неполноценность. Она пыталась обосновать исключительно женские психологические проблемы как результат подчиненного положения женщины в современном «маскулинном» обществе, продуктом которого является и чисто мужское представление о женщине в психоанализе: «Психоанализ – творение мужского гения, и почти все, кто развивал его идеи, тоже были мужчинами. Вполне естественно и закономерно, что им гораздо легче было изучать мужскую психологию и что развитие мужчин им было более понятно, чем развитие женщин». Исходя из этого она задает неожиданный вопрос: почему же мужчина стремится видеть женщину именно в таком свете, – и приходит к выводу, что из-за относительно малой роли мужчины в прокреации он испытывает бессознательную зависть к женщине и отсюда желание обесценить женщину, причем эта зависть, если судить по интенсивности дискредитирующей тенденции, у мужчины гораздо сильнее женской «зависти к пенису».

Подобный мужской взгляд на женщину она объясняла потребностью доминирующей в обществе стороны создать идеологию, необходимую для обеспечения своего господствующего положения, видя в женщине источник угрозы мужскому самолюбию. Этот страх, проистекающий из осознания мальчиком собственной ущербности, побуждает взрослого мужчину в качестве компенсации выдвигать на передний план идеал креативности, добиваться сексуальных «побед» или унижать объект любви. И наоборот, женщине с детских лет нет необходимости доказывать свою женскую состоятельность, а потому такой нарциссический страх перед мужчиной у нее отсутствует.

Впрочем, Хорни полагала, что для многих женщин характерны зависть к мужчинам и неудовлетворенность своей женской ролью, которые приводят к формированию «комплекса маскулинности». Поначалу она считала, что этот комплекс является неизбежным, поскольку именно благодаря ему женщина получает возможность справиться с чувствами вины и тревоги, возникших в результате эдиповой ситуации. В дальнейшем, однако, Хорни рассматривала его как следствие преимущественного положения мужчин в современном обществе и влияния социального окружения.

Хорни критикует также психоаналитическую теорию исконной мазохистской роли женщины, показывая, что такая концепция лишь отражает стереотипы мужской культуры, и раскрывает социальные условия, приводящие к формированию мазохистских тенденций у женщины.

Необходимо, однако, отметить, что, хотя Хорни посвятила значительную часть своей профессиональной жизни проблемам женской психологии, она ограничивалась лишь небольшими очерками и ее перу не принадлежат какие-либо крупные работы в этой области. И только во многом благодаря Гарольду Келману, подготовившему и опубликовавшему в 1967 году сборник ее статей под общим названием «Психология женщины», мы имеем теперь возможность оценить тот вклад, который внесла Хорни в теорию женского

психоанализа. Во всех этих ранних работах мы обнаруживаем любопытную смесь из идей классического фрейдовского психоанализа об эдиповом комплексе, либидо, зависти к пенису, регрессии и т. д. и собственных представлений о роли культуры в формировании человеческой личности. И в то же время мы видим, как акцент в ее работах все более смещался в сторону последних факторов. Вполне логичным итогом такого развития явился отход Хорни от ортодоксального психоанализа и разработка собственной теории.

В 1935 году она оставила область женской психологии, считая роль культуры одинаково важной в формировании психики женщины и мужчины. В лекции под названием «Страх женщины перед действием» Хорни выразила идею, что целью психоаналитической терапии должно быть способствование «полному и всестороннему развитию личности каждого человека».

В 1937 году выходит книга «Невротическая личность нашего времени», знаменовавшая переход к резкой оппозиции по отношению к фрейдовским теориям. В «Новых путях в психоанализе» (1939) она еще больше дистанцировалась от Фрейда, отвергнув его тезис, что возникновение неврозов зависит от инстинктивных и генетических компонентов, и выступив с критикой фрейдовской теории либидо, концепций тревоги и нарциссизма. В 1942 году Хорни публикует «Самоанализ» как платформу для своих теоретических взглядов. Эта книга явилась первым руководством по самоанализу, которое должно было помочь людям самим преодолевать собственные проблемы. Двумя последними своими работами «Наши внутренние конфликты» (1945) и «Невроз и личностный рост» (1950) Карен Хорни уже настолько отдалилась от основных фрейдовских концепций, что о каком-либо сопоставлении их теорий теперь не могло быть и речи.

В своих работах Хорни отвергает фрейдовскую идею биологического детерминизма и отстаивает онтологическую позицию «здесь и теперь». Если Фрейда занимало прежде всего развитие невроза, то Хорни – его структура. Для нее определяющие психологическую ситуацию человека силы лежат в его нынешнем бытии, то есть в личных и социальных обстоятельствах в данное время. Невротические тенденции индивида являются, соответственно, не результатом врожденных физиологических и биологических условий, а следствием важных интерперсональных событий. Хорни здесь интересовал прежде всего вопрос, как эти тенденции осуществляются здесь и теперь, каким функциям они служат и каким образом поддерживаются. Хотя и она придавала конституциональным и наследственным компонентам определенное значение, но по сути отстаивала идею доминирования приобретенного поведения по сравнению с врожденным. Она была твердо убеждена, что человек, покуда он жив, способен к изменениям и что воспитание для развития индивида является гораздо более важным, чем его природная предрасположенность. В этом ее подход разительным образом отличался от классического психоанализа и не мог не вызвать критики со стороны ортодоксальных аналитиков.

Еще одним пунктом расхождения между Хорни и Фрейдом явилось представление о внутреннем ядре личности. В «Недомогании культуры» Фрейд пессимистически утверждал, что внутреннее ядро человека представляет собой деструктивную силу, покрытую лишь тонким слоем цивилизации. Хорни выступает против этой фаталистической позиции, будучи убежденной в том, что все люди содержат в себе конструктивное ядро, которое стремится к самореализации. Теоретические построения Карен Хорни основаны на глубокой вере в то, что заложенный в человеке потенциал, несмотря на подавление со стороны семьи, общества и культуры, способен к освобождению.

Это представление напоминает понятие об интенциональности экзистенциалистов или идею Гартманна о бесконфликтной сфере Я. Шульц-Хенке говорит в этой связи об активных, в отличие от реактивных, компонентах личности, которые уже с самого раннего детства ищут возможности выражения. Хорни твердо верила в здоровое ядро личности человека, способное противостоять враждебному и манипулирующему внешнему миру, а потому для нее невроз – это особая форма самоотречения и отчуждения. Но и в этом случае человеческий потенциал остается сохранным и способным к реализации.

В своих работах Хорни говорит о глубокой беспомощности маленького ребенка, который вступает в жизнь совершенно беззащитным. Эта экзистенциальная ущербность выражается в чувстве тревоги, покинутости и изолированности, а также в крайней потребности в тепле и привязанности. От поведения окружающих, в первую очередь от семьи, зависит, как будет развиваться ребенок: останется ли он здоровым или превратится в невротика.

По сути, Хорни рассматривает два пути развития, из которых один ведет к здоровью, а другой – к неврозу. В одном случае родители способствуют самореализации ребенка, в другом случае, когда невроз родителей не позволяет им относиться к ребенку с теплом и любовью, у него возникают крайне болезненные чувства тревоги и неуверенности в себе. Чтобы справиться с этими чувствами, ребенок вынужден вооружиться рядом стратегических защитных установок. Невротические защитные механизмы служат прежде всего избеганию какой бы то ни было непосредственной конфронтации с базальной тревогой. Из-за этого чувства и поведение ребенка уже не являются выражением его самого, а диктуются стратегиями защиты, которые в конечном счете приводят человека к конфликту с самим собой и своим окружением, поскольку он не способен ни обратиться к своим Богом данным возможностям, ни интегрироваться конструктивным образом в мир людей. Согласно представлениям Хорни, этот общий процесс осуществляется целиком бессознательно. Для решения конфликта она считает важным не столько повторное переживание этого раннего опыта, сколько когнитивное и интеллектуальное осознание актуальных способов реагирования и лежащей в их основе тревоги. В противном случае защитные механизмы становятся составной частью того, что Хорни называет «порочным кругом», когда неудача защитной установки приводит к росту тревоги и соответственно усилению защитных тенденций. В конечном счете защитные механизмы пронизывают всю личность и приводят к формированию не только отдельных, изолированных невротических установок, но и невротической жизненной позиции в целом. Иными словами, это означает, что невротическая попытка смягчить страх не только не приводит к успеху, но и вызывает новую враждебность и новую тревогу.

Пытаясь совладать с тревогой, человек вырабатывает сразу несколько противоположных защитных стратегий. При этом речь идет не о простой полярности чувств, а одновременной потребности, например, к подчинению, агрессии и избеганию. В результате человек оказывается во власти неразрешимых конфликтов, которые зачастую являются динамическим центром невроза. Попавший в эту сеть невротического поведения человек вынужден обратиться к стандартным стратегиям межличностных взаимоотношений, проявляющихся в направленности к людям, против людей либо от людей. Эти стратегии Хорни называет по-разному: в «Наших внутренних конфликтах» она вводит понятия соглашательства, агрессии и ухода, тогда как в «Неврозе и личностном росте» речь идет о смирении, экспансии и обособлении; впрочем, оба ряда терминов взаимозаменяемы. Первый тип поведения характеризуется подчинением и зависимостью, второй – преобладанием антагонистических установок, третий – механизмов избегания и изоляции. В рамках этих трех типов поведения невротик отдает предпочтение той или иной стратегии, которая в дальнейшем становится типичной для всей его личности, причем выбор стратегии обычно определяется не столько самим человеком, сколько реакциями его окружения. Другие же тенденции не исчезают раз и навсегда, а продолжают существовать в бессознательном, проявляясь в завуалированном виде.

Внутри вышеописанных типичных способов поведения, по мнению Хорни, можно выделить четыре основные формы: 1) доминирование невротической тенденции, когда все остальные тенденции подавляются, игнорируются или отрицаются; 2) навязчивую потребность в эмоциональной и пространственной дистанции от окружения, которую Хорни называет обособлением. Эта установка изолирует человека как от самого себя, так и от других и в конечном счете приводит к фрустрации изнутри; 3) экстернализация, которая представляет собой проективный процесс, когда отказ, фрустрация и прочие внутренние

проблемы воспринимаются как вызванные извне, и 4) направленность на «идеализированный образ Я». На этой последней установке остановимся более подробно.

Одним из главных новшеств Карен Хорни, без сомнения, была ее концепция идеализированного Я. Тем самым она отошла от фрейдовского деления на Я, Сверх-Я и Оно и прежде всего сконцентрировала свое внимание на феномене образа себя. Идеализированное Я соответствует во многом образу, который скорее отражает некие социальные амбиции, навязанную систему ценностей общественного устройства, отчуждающие индивида от его внутренних стремлений, и препятствует процессу самореализации.

Процесс самоидеализации непосредственно связан с межличностными стратегиями защиты, которые определяют тот набор качеств, которые невротик приписывает себе в соответствии со своим идеалом: альтруизм, щедрость, уступчивость, благородство, сострадательность – у человека смиренного типа; необыкновенные ум, упорство, реалистичность, энергичность, непогрешимость и справедливость – у человека экспансивного типа и самодостаточность, независимость, свобода от страстей и желаний – у обособленного типа. Движимый идеализированным образом Я, невротик пускается «в погоню за славой»; его энергия, необходимая для самореализации, отвлекается на другую цель – сделать актуальным идеализированное Я. Именно эта цель делает его жизнь наполненной смыслом. Погоня за славой превращается в «личную религию», содержание которой определяют невротические установки самого индивида и существующие в обществе системы ценностей. Но в этой погоне за славой невротик так и не достигает столь желанного успокоения и чувства собственного превосходства. Более того, постоянные неудачи в достижении этой цели приводят к разрастанию образа «презренного Я», который и становится мишенью самокритики.

По мнению Хорни, возможность избавиться от подобных ложных представлений заключена в способности человека устанавливать искренние и доверительные отношения с другими людьми, в которых обе стороны могут общаться свободно. Благодаря такому опыту расширяется поле видения и тем самым возрастают шансы на более реалистичную самооценку. В формулировках своих терапевтических целей Хорни особое значение придает развитию таких качеств, как чувство ответственности, спонтанность, доверие к себе и искренность. Под чувством ответственности она понимает способность принимать решения без посторонней помощи и действовать исходя из собственных убеждений, то есть противоположность чувству беспомощности. Спонтанность предполагает более открытое эмоциональное поведение. Сюда относится весь спектр чувств от глубокой депрессии до душевного подъема, от негативных переживаний до позитивных, от самых сокровенных чувств до полного доверия. Только подобная эмоциональная спонтанность обеспечивает удовлетворительные дружеские и любовные отношения. Под доверием к себе имеется в виду определенная ясность относительно собственной системы ценностей и своих приоритетов. Сюда же относятся и уважение ценностей других людей и умение считаться с другими в обыденной жизни. Честность означает способность с наибольшей объективностью и непредвзятостью делать свои заключения.

Система Карен Хорни не лишена недостатков, которые не раз подвергались справедливой критике. Ее иногда сравнивают с полотном художника, написанным широкими мазками, но в котором не прорисованы детали. Так, верно говоря в целом о роли семьи как первого социального окружения в формировании здоровой или невротической личности, она оставляет без внимания такие важные в формировании невроза факторы, как динамика семейных отношений, позиция ребенка в иерархии семьи, тип отношений между родителями, установки среди братьев и сестер и т. д.

Серьезную критику вызвало также утверждение Хорни, что невротическое развитие ребенка чуть ли не целиком определяется тем, насколько невротичны его родители, – эмпирического подтверждения оно не нашло. И наоборот, не существует также надежных доказательств того, что любовь родителей – даже если они избавлены от невротических

проблем – является гарантией от невроза.

Будет ребенок развиваться невротически или нет, зависит от многих факторов, и многие упрекают Хорни в том, что она ушла от этой проблемы. Кроме того, она полностью игнорировала биологическую сторону, которая, разумеется, есть у каждого человека. Хорни верно считает, что воспитание является более важным для развития и сохранения невроза, чем природа. Но это не значит, что роль природы должна вообще отрицаться. Еще одним недостатком ее теории является то, что она не пыталась выявить принцип раскрытия присущих человеку способностей в соответствующих благоприятных условиях.

В своих работах Хорни особое значение придавала социальным и культурным факторам в развитии неврозов и подчеркивала, что аспекты приспособления играют более важную роль для невротического поведения, чем лежащие в его основе влечения. Вместе с тем Хорни не использовала в полной мере социологические и антропологические данные. Все, что она говорит на этот счет, представляется поверхностным и лишенным попытки установить какие-либо общие связи. Вместе с тем большее внимание междисциплинарным вопросам значительно обогатило бы ее теории и придало бы им более солидный базис.

И тем не менее при всех этих недостатках многие воззрения Хорни имеют непреходящую ценность. Во многих областях психоаналитического исследования она первая обратилась к эмоциональным компонентам, которые до нее не учитывались: чувствам безысходности, беспомощности и безнадежности, противоречию между высокой оценкой социального успеха, с одной стороны, и христианскими принципами любви к ближнему и стремлением каждого к любви и привязанности – с другой, а также показала, какое огромное значение в жизни человека имеет потребность в уверенности и самоуважении. Разумеется, не могла не остаться без последствий и ее резкая критика фрейдовского пансексуализма.

Книги Хорни изобилуют прекрасными и яркими изображениями типичных внутренних конфликтов человека, а ее типология характеров представляет собой мастерски выполненное описание людей, с которыми чуть ли не ежедневно сталкиваются не только клиницисты и психотерапевты, но и, пожалуй, все мы в нашей обыденной жизни.

Есть и еще один момент, в котором единодушны все, включая даже самых строгих ее критиков, – это требование Хорни рассматривать человека в контексте его реальных жизненных обстоятельств, а не теоретических абстракций. Значение этого требования трудно переоценить, тем более что, говоря словами Франца Александера, всегда есть искушение «заменить действительное наблюдение и понимание реального человека значительно менее беспокойными теоретическими выкладками».

А. М. Боковиков

Статья 1. О развитии комплекса кастрации у женщин[1]

Хотя наши знания относительно форм проявления комплекса кастрации у женщин становятся все более полными[2], соответствующего прогресса в понимании самой природы этого комплекса так и не произошло. Обилие собранного материала, ставшего уже общим достоянием, поражает даже гораздо сильнее, чем удивительный характер феномена в целом, который сам по себе становится проблемой. Изучение наблюдавшихся до сих пор форм комплекса кастрации у женщин и анализ сделанных из этих наблюдений выводов

---

[1] Доклад, прочитанный на VII Международном психоаналитическом конгрессе, Берлин, сентябрь 1922 г. Zur Genese des weiblichen Kastrationskomplexes. – Int. Zeitschr. f. Psychoanal., IX (1923), S. 12-26; On the Genesisofthe Castration Complex in Woman. – Int. J. Psycho-Anal., Vol. V, Part 1 (1924), pp. 50-65.

[2] *Abraham K.,* Manifestations of the Female Castration Complex (1921). – Int. J. Psycho-Anal., Vol. III, p. 1.

показывает, что главенствующая ныне концепция комплекса кастрации основывается на некотором фундаментальном убеждении, которое кратко можно было бы сформулировать следующим образом (отчасти я цитирую *дословно* работу Абрахама): многие женщины и в детстве, и в зрелом возрасте временно или хронически испытывают страдания из-за своего пола. Эти проявления в душевной жизни женщины прослеживаются от раннего детского желания обладать пенисом. Горестное открытие, что она полностью обделена пенисом, служит толчком для пассивных фантазий о кастрации, в то время как активные фантазии возникают из мстительного порыва, направленного на мужчину как на более благополучное существо.

В этой формулировке мы обнаруживаем в качестве аксиомы предположение, что женщина чувствует себя ущербной именно из-за своих гениталий, причем эта идея сама по себе не рассматривается в качестве проблемы, вероятно, потому, что с точки зрения мужского нарциссизма она казалась слишком очевидной, чтобы нуждаться в каком-либо объяснении. Тем не менее вывод, к которому приводит нас подобный путь исследования, – а именно что половина человечества не довольна собственным полом и что преодолеть это недовольство удается только при исключительно благоприятных условиях – представляется совершенно неудовлетворительным, причем с точки зрения не только женского нарциссизма, но и биологической науки. Потому и возникает вопрос: неужели и вправду те формы комплекса кастрации, которые мы обнаруживаем у женщин и которые оказывают столь значительное влияние не только на развитие неврозов, но и на формирование характера и судьбу вполне нормальных с житейской точки зрения женщин, основываются исключительно на неудовлетворенном желании иметь пенис? Или это лишь фасад (по крайней мере в большинстве случаев), за которым скрываются динамические силы, уже знакомые нам из исследований формирования неврозов?

Я полагаю, что к этой проблеме можно подойти с нескольких сторон. Сейчас я хочу лишь предложить, исходя из чисто онтогенетической точки зрения и в надежде помочь ее решению, некоторые соображения, постепенно укоренявшиеся во мне в результате многолетней практической работы с пациентами, среди которых подавляющее большинство составляли женщины с явно выраженным комплексом кастрации.

Согласно господствующей концепции, комплекс кастрации у женщин всецело обусловлен комплексом зависти к пенису; фактически как синоним того и другого используется термин «комплекс маскулинности». Поэтому сразу же напрашивается вопрос: чем же объясняется, что мы можем наблюдать пресловутую зависть к пенису едва ли не как неизменный, типичный феномен, даже когда субъект не ведет мужской образ жизни, не имеет предпочитаемого брата, наличие которого объясняло бы эту зависть, а в жизни женщины не произошло тех «несчастных случаев»[3], из-за которых роль мужчины могла бы показаться ей более привлекательной?

Самым важным моментом здесь, похоже, была сама постановка вопроса: как только проблема была сформулирована, давно уже знакомый нам материал сам начал предлагать один ответ за другим. Возьмем, к примеру, в качестве исходного пункта ту форму, в которой зависть к пенису проявляется, пожалуй, непосредственно, а именно – желание мочиться по-мужски. Критический анализ материала вскоре показывает, что это желание состоит из трех компонентов, причем более важным может быть то один из них, то другой, то третий.

О первом компоненте, *уретральном эротизме,* можно рассказать совсем вкратце, поскольку этому фактору уже уделялось достаточно много внимания как наиболее очевидному. Если мы хотим оценить интенсивность зависти, возникающей из данного источника, нам следует прежде всего сосредоточить внимание на том нарциссически преувеличенном значении[4], которое дети придают экскреторным процессам. Фантазия о

---

[3] *Freud S.,* Tabu der Virginitat. – Sammlung kleiner Schriften, 4. Volge.

[4] *Abraham K.,* Zur narzistischen Uberwertung der Excretionsvorgange in Traum und Neurose. – Int. Zeitschr. f.

всемогуществе, особенно садистского характера, наиболее часто ассоциируется как раз со струей мочи, испускаемой мужчиной. В качестве примера подобной идеи – и это лишь один пример среди многих – я могу рассказать то, что слышала от учеников мужской школы: по их словам, если два мальчика будут писать так, чтобы струйки пересеклись и образовали крест, тот, чье имя они при этом загадают, умрет.

Но, даже если признать, что уретральный эротизм может вызывать у маленьких девочек сильное чувство ущербности, напрямую приписывать, как это до сих пор часто делается, этому фактору все симптомы и фантазии, содержащие желание мочиться по-мужски, означало бы непомерно преувеличивать его роль. Напротив, движущую силу, которая вызывает и поддерживает это желание, зачастую надо искать совсем в иных компонентах влечения и прежде всего в активной и пассивной скоптофилии. Это связано с тем обстоятельством, что именно во время акта мочеиспускания мальчик может показать свои гениталии и увидеть их сам, более того, его поощряют делать это, и таким образом, когда мальчик мочится, он может в некотором смысле удовлетворить свое сексуальное любопытство, по крайней мере в отношении собственного тела.

Фактор, коренящийся в инстинкте скоптофилии, я особенно отчетливо наблюдала у одной моей пациентки, у которой в течение некоторого времени желание мочиться по-мужски доминировало во всей клинической картине. В этот период она почти каждый раз являлась на анализ с заявлением, что видела на улице мочащегося мужчину, а однажды со всей непосредственностью воскликнула: «Если бы я могла попросить дар у Провидения, я бы попросила хоть разок суметь помочиться как мужчина!» Слова, которыми она заключила это пожелание, с очевидностью обнаружили его происхождение: «Уж тогда-то я бы узнала, как на самом деле устроена». Именно то обстоятельство, что мужчины могут посмотреть на себя, когда мочатся, а женщины нет, для этой пациентки, развитие которой в значительной мере остановилось на догенитальной стадии, было одним из основных источников явно выраженной зависти к пенису.

Точно так же, как женщина кажется мужчинам загадочной, поскольку ее гениталии скрыты, так и мужчина представляет собой для женщин объект острейшей зависти именно потому, что его половой орган полностью доступен для обозрения.

Тесная связь между уретральным эротизмом и скоптофилическим инстинктом была очевидна еще у одной моей пациентки, которую я назову Y. Она мастурбировала весьма необычным способом, который имитировал мочеиспускание ее отца. В неврозе навязчивости, которым страдала данная пациентка, основным фактором был скоптофилический инстинкт; она испытывала острую тревогу из-за мысли, что кто-нибудь другой увидит, как она мастурбирует. Тем самым она давала выход давнему желанию маленькой девочки: «Я хочу, чтобы у меня тоже был половой орган, который я могла бы, как отец, каждый раз показывать при мочеиспускании».

Более того, я полагаю, что именно этот фактор играет основную роль во всех случаях чрезмерной девичьей скромности и стыдливости, и даже склонна предположить, что различие в мужской и женской одежде, по крайней мере в нашем цивилизованном обществе, вероятно, можно свести к этому же обстоятельству – девочка не может выставить напоказ свои гениталии, и поэтому в смысле своих эксгибиционистских тенденций она регрессирует до той стадии, на которой желание показать себя относится ко всему ее телу. Этим и объясняется, почему женщина носит декольте, а мужчина – фрак. Я думаю также, что этой связью до некоторой степени объясняется и тот критерий, который всегда упоминается первым, когда обсуждают различия между мужчиной и женщиной, а именно большая субъективность у женщин и большая объективность у мужчин. Объяснение, возможно, состоит в том, что мужчина способен удовлетворить свой исследовательский интерес в изучении собственного тела, и поэтому его любопытство в дальнейшем может или даже должно быть направлено на внешние объекты, тогда как женщина, напротив, не может

Psychoanal., 1920.

прийти к ясному знанию о себе, и поэтому ей гораздо труднее стать свободной от самой себя.

И наконец, это желание, которое я рассматриваю как прототип зависти к пенису, заключает в себе и третий компонент, а именно – вытесненную тенденцию к онанизму, как правило, глубоко затаенную, но тем не менее очень важную в смысле причины. Этот элемент можно проследить до связи идеи (обычно бессознательной), в соответствии с которой тот факт, что мальчикам позволено держаться за свои гениталии во время мочеиспускания, воспринимается как разрешение мастурбировать.

Так, пациентка, в присутствии которой отец отругал свою маленькую дочь за то, что та дотрагивалась своими ручонками до запретных частей тела, рассказывая мне об этом, с негодованием воскликнула: «Ей он это запрещает, а сам проделывает такое по пять-шесть раз на день!» То же самое можно с легкостью обнаружить в случае пациентки Y, для которой мужской способ мочеиспускания стал решающим фактором в выборе способа мастурбации. Более того, в этом случае совершенно очевидно, что она не могла полностью избавиться от побуждения мастурбировать до тех пор, пока бессознательно претендовала на то, чтобы быть мужчиной. Наблюдая этот случай, я пришла к выводу, который, как мне кажется, является довольно типичным: девочкам особенно трудно преодолеть желание мастурбировать, поскольку им кажется, будто из-за различий в строении тела они несправедливо лишены того, что дозволено мальчикам. Или же в терминах нашей проблемы эту мысль можно сформулировать иначе и сказать, что различие в строении тела может с легкостью порождать горькое чувство несправедливости, и поэтому довод, используемый позднее для оправдания отказа от женственности, а именно, что мужчины обладают большей свободой в половой жизни, на самом деле основан на актуальных переживаниях раннего детства. Ван Офюйзен в заключении к своей работе о комплексе маскулинности у женщин подчеркивает сильное впечатление, возникшее у него в процессе анализа, о существовании тесной взаимосвязи между комплексом маскулинности, детской мастурбацией клитора и уретральным эротизмом. Такую же связь, наверное, можно было бы обнаружить и в только что изложенных мною рассуждениях.

Эти рассуждения, подводящие нас к ответу на наш первоначальный вопрос – почему явление зависти к пенису столь типично, – вкратце можно подытожить следующим образом: чувство неполноценности у маленькой девочки, на которое указывал еще Абрахам, отнюдь не является первичным. Однако ей кажется, что в сравнении с мальчиками она подвергается более строгим ограничениям, лишающим ее возможности удовлетворить некоторые компоненты влечения, имеющие огромное значение в догенитальный период. Чтобы быть более точной, я бы даже сказала, что, с точки зрения ребенка, находящегося на этой стадии развития, девочки *и в самом деле* находятся в невыгодном положении по сравнению с мальчиками в смысле определенных возможностей получения удовлетворения. До тех пор пока нам не будет достаточно ясна *реальность* этого невыгодного положения, мы не поймем, что зависть к пенису представляет собой едва ли неизбежное явление в жизни девочек, которое осложняет их развитие. Тот факт, что потом, когда девочка достигнет зрелости, на ее долю выпадет огромная роль в сексуальной жизни (в творческом отношении, пожалуй, даже большая, чем на долю мужчины), – я имею в виду, когда она станет матерью, – на этой стадии развития никак не может послужить компенсацией для маленькой девочки, поскольку лежит вне возможностей непосредственного удовлетворения.

Здесь я прерву эту линию рассуждений, ибо подхожу ко второй, более сложной проблеме: действительно ли обсуждаемый нами комплекс кастрации ограничивается завистью к пенису и можно ли рассматривать эту зависть как основную силу, порождающую данный комплекс?

Начав с этого вопроса в качестве исходного пункта, мы должны рассмотреть, какие факторы определяют, будет ли комплекс зависти к пенису более или менее успешно преодолен или же, регрессивно усилившись, он приведет к фиксации. Обсуждение этих возможностей вынуждает нас более детально исследовать *формы объектного либидо* в

подобных случаях. При этом мы обнаружим, что девочки и женщины, столь явно выражающие желание быть мужчиной, на заре своей жизни прошли через фазу чрезвычайно сильной фиксации на отце. Иными словами: первое время они пытались преодолеть эдипов комплекс обычным способом, сохраняя изначальную идентификацию с матерью и, подобно матери, выбирая отца в качестве объекта любви.

Мы знаем, что на этой стадии девочка располагает двумя возможностями преодоления комплекса зависти к пенису без всякого ущерба для себя. От аутоэротического нарциссического желания иметь пенис она может перейти к женскому стремлению к мужчине (или отцу), а именно через идентификацию себя с матерью, либо к материнскому желанию иметь ребенка (от отца). Изучая дальнейшую любовную жизнь как здоровых, так и отклоняющихся от нормы женщин, следует иметь в виду, что (даже в самых благоприятных случаях) источник или по крайней мере один из источников той и другой установки был по своему характеру нарциссическим, а по своей природе представлял собой желание обладать.

В рассматриваемых нами случаях такое женское или материнское развитие было явно выраженным. Так, у пациентки Y, чей невроз, как и у других женщин, на которых я буду здесь ссылаться, носил печать комплекса кастрации, постоянно возникали фантазии об изнасиловании, весьма характерные для этой фазы. В мужчинах, которые представлялись ей в роли насильников, безошибочно угадывался образ отца. Следовательно, эти фантазии неизбежно возникали как навязчивое повторение первичной фантазии, в которой пациентка, до поздних лет чувствовавшая себя одним целым с матерью, переживала, что вместе с ней всецело сексуально принадлежит отцу. Следует отметить, что пациентка, сохранявшая в остальном полную ясность рассудка, в начале анализа была склонна считать свои фантазии об изнасиловании реальным событием.

В других случаях также наблюдалась – хотя и в иной форме – подобная тенденция цепляться за фикцию, будто эта первичная женская фантазия представляет собой реальный факт. От другой пациентки, которую я назову X, я слышала бесчисленные высказывания, содержавшие прямые доказательства того, насколько реальными казались ей эти любовные отношения с отцом. Однажды, к примеру, она вспомнила, как отец напевал ей романс, и вместе с этим воспоминанием у нее вырвался крик боли и разочарования: «Ах, все это оказалось ложью!» Та же идея скрывалась и за одним из ее симптомов, который я упоминаю здесь постольку, поскольку он типичен для всей группы подобных случаев: временами X испытывала непреодолимое желание в больших количествах есть соль. Ее матери было предписано есть соль из-за легочных кровотечений, которые неоднократно случались в пору раннего детства пациентки и которые она бессознательно сочла последствием полового акта между родителями. Симптом, таким образом, указывал на ее бессознательное притязание пережить с отцом все то же, что и мать. Это же притязание заставляло ее считать себя проституткой (на самом деле она была девственницей) и побуждало к разного рода признаниям, которые она изливала на очередной объект любви.

Многочисленные наблюдения подобного рода показывают нам, насколько важно понимать, что на этой ранней стадии – в качестве онтогенетического повторения филогенетического опыта – девочка, основываясь на идентификации (враждебной или любовной) со своей матерью, создает фантазию о том, что ей довелось пережить полноценную сексуальную связь с отцом; более того, мы должны учитывать, что в фантазии это событие представляется реальным событием, таким же подлинным фактом, каким оно было в те далекие времена, когда все женщины первоначально являлись собственностью своего отца.

Мы знаем, что естественной участью этой фантазии о любви является отрицание ее реальностью. В тех случаях, когда в дальнейшем начинает преобладать комплекс кастрации, подобная фрустрация часто превращается в глубокое *разочарование,* неизгладимые следы которого сохраняются в неврозе. Таким образом возникает в той или иной степени выраженное нарушение в развитии чувства реальности. Зачастую создается впечатление, что эмоциональная привязанность к отцу слишком сильна, чтобы можно было признать полную

нереальность подобной связи; в других случаях, похоже, с самого начала имел место избыток фантазии, препятствовавший верному восприятию реальности; и наконец, реальные отношения с родителями часто являются настолько неблагополучными, что заставляют ребенка цепляться за фантазию.

Этим пациенткам кажется, будто отец когда-то в самом деле был их любовником, но затем предал их или покинул. Иногда эта фантазия сменяется сомнением: «Неужели я все это придумала, или это и вправду было?» У пациентки, которую я назову Ζ (на ее случае я должна ненадолго остановиться), подобная склонность к сомнениям проявилась в навязчивом повторении, принявшем форму тревожности: всякий раз, когда мужчина проявлял к ней интерес, она боялась, что его чувства существуют только в ее воображении. Даже когда она была действительно помолвлена, ей приходилось все время убеждать себя, что все это не плод ее воображения. В фантазии она представляла себе, как на нее напал какой-то человек, а она ударом в лицо сбила его с ног и наступила ему ногой на пенис. Развивая эту фантазию, она собиралась подать на обидчика жалобу в суд, но воздержалась от этого опять же из страха, как бы тот не заявил, что она все это выдумала. Рассказывая о пациентке, я упоминала, что она сомневалась в реальности своих фантазий об изнасиловании и что это сомнение было связано с ее первоначальными отношениями с отцом. В ее случае оказалось возможным проследить путь, которым сомнение, проистекавшее из этого источника, распространилось на все события ее жизни и в конечном счете послужило причиной невроза навязчивости. В данном случае, как и во многих других, в ходе анализа обнаружилось, что этот источник сомнений имеет более глубокие корни, нежели известная нам неуверенность субъекта в собственном поле[5].

У пациентки X, которая с удовольствием погружалась в бесконечные воспоминания о раннем периоде жизни, называя его своим детским раем, это разочарование было тесно связано в ее памяти с несправедливым наказанием, которому в возрасте пяти или шести лет подверг ее отец. Позднее выяснилось, что как раз в это время родилась сестренка, которая, как ей казалось, вытеснила ее из сердца отца. Когда же были вскрыты более глубокие слои, стало ясно, что за ревностью к сестре скрывалась неистовая ревность к матери, прежде всего связанная с ее постоянными беременностями. «Мать *вечно* нянчила младенцев», – сказала она как-то раз с возмущением. Еще сильнее были вытеснены два других, без сомнения, столь же важных источника ее ощущения отцовской неверности. Первым была сексуальная ревность к матери, возникшая в тот момент, когда девочка увидела половой акт родителей. В тот период чувство реальности не позволило ей инкорпорировать увиденное в фантазию о себе как отцовской любовнице. На след этого источника ее чувств меня навела одна ослышка: однажды, когда я заговорила о времени «nach der Enttaguschimg» (после разочарования), она решила, что я имею в виду «Nacht der Enttaguschimg» (ночь разочарования), и вспомнила о Брангене, бодрствовавшей во время ночи любви Тристана и Изольды.

Навязчивое повторение у этой пациентки гласило языком не менее ясным: типичным переживанием в ее любовной жизни было влюбиться в очередного эрзац-отца, а затем обнаружить его неверность. В связи с событиями подобного рода стал полностью очевиден и последний источник ее комплекса – я имею в виду чувство вины. Несомненно, значительная часть этих чувств образовалась из упреков, первоначально направленных против отца, но затем обернувшихся против нее самой. Однако можно было весьма отчетливо проследить, каким образом чувства вины, особенно те, что возникли вследствие сильнейших импульсов устранить мать (для пациентки идентификация с матерью имело значение «разделаться с нею» и «заменить ее»), вызвали в ней ожидание беды, касавшееся, разумеется, прежде всего отношений с отцом.

Я хочу подчеркнуть, что особенно важным в данном случае мне представляется

---

5 Фрейд объяснял это сомнение как неуверенность субъекта в своей способности любить (ненавидеть).

желание иметь ребенка (от отца)[6]. Причина, почему я делаю на нем акцент, состоит в том, что, на мой взгляд, мы склонны недооценивать бессознательную силу этого желания и в особенности его либидинозный характер, поскольку в дальнейшем Я готово признать это желание с гораздо большей легкостью, нежели многие другие сексуальные импульсы. Его отношение к комплексу зависти к пенису – двоякого рода. С одной стороны, хорошо известно, что инстинкт материнства получает «бессознательное либидинозное подкрепление»[7] от желания иметь пенис, желания, возникающего гораздо раньше, поскольку оно присуще аутоэротическому периоду. Затем, когда маленькая девочка переживает вышеописанное разочарование в отношениях с отцом, она отказывается не только от своих притязаний на него, но и от желания иметь ребенка. Вслед за этим (в соответствии с известным уравнением) регрессивно возникают идеи, присущие анальной фазе, и желание иметь пенис. Когда такое происходит, желание иметь пенис не просто оживает, но и подкрепляется всей энергией желания девочки иметь ребенка.

Эту связь особенно отчетливо я наблюдала в случае пациентки Z, которая, избавившись от нескольких симптомов невроза навязчивости, сохранила в качестве последнего, наиболее стойкого симптома интенсивный страх перед беременностью и родами. Переживания, вызвавшие этот симптом, были связаны с беременностью матери и рождением брата, когда пациентке было два года; наблюдения за половым актом родителей, продолжавшиеся в период, когда она уже вышла из младенческого возраста, содействовали тому же результату. Долгое время этот случай казался мне исключительно удачным примером для иллюстрации центрального значения комплекса зависти к пенису. Когда в процессе анализа зависть к пенису (своего брата) и бешеная ярость к нему как к пришельцу, лишившему ее привилегии быть единственным ребенком, были раскрыты, они вошли в сознание, заряженные сильным аффектом. Кроме того, ее зависть сопровождалась всеми теми проявлениями, которые мы обычно приписываем этому чувству: прежде всего мстительным отношением к мужчинам наряду с явно выраженными фантазиями о кастрации, отказом от задач и функций женщины, особенно от беременности, и, наконец, выраженной бессознательной гомосексуальной тенденцией. И только когда анализ вопреки сильнейшему сопротивлению пациентки позволил проникнуть в более глубокие слои, стало очевидно, что источником зависти к пенису была ее зависть к матери, поскольку мать, а не она, родила от отца ребенка, и лишь впоследствии в результате замещения вместо ребенка объектом зависти стал пенис. Точно так же ее неистовый гнев против брата на самом деле относился к отцу, который, как ей казалось, предал ее, и к матери, которая вместо нее родила от отца ребенка. И только когда это замещение было устранено, она действительно избавилась от зависти к пенису и желания быть мужчиной, обретя способность быть настоящей женщиной и даже желание самой иметь детей.

Что же это был за процесс? Схематично его можно было бы изобразить следующим образом: 1) зависть к ребенку заместилась завистью к брату и его гениталиям; 2) далее вступил в действие механизм, открытый Фрейдом, – пациентка отказалась от отца как объекта любви и регрессивно заменила объектные отношения с ним идентификацией.

Последнее проявилось в тех претензиях на роль мужчины, о которых я уже говорила. Нетрудно было доказать, что ее желание быть мужчиной отнюдь не следует понимать в обычном значении, – подлинной целью ее притязаний было сыграть роль собственного отца. Поэтому она выбрала себе ту же профессию, а после смерти отца обращалась с матерью словно супруг, который предъявляет жене требования и дает указания. Однажды, не сдержав шумной отрыжки, она с удовлетворением подумала: «Прямо как папа». Тем не менее она не достигла точки, когда выбор объекта становится полностью гомосексуальным: развитие

---

[6] *Rank O.,* Perversion and Neurosis. – Int. J. Psycho-Anal., Vol. IV, Part 3.

[7] *Freud S.,* Über Triebumsetzung, insbesondere der Analerotik (1917).

объектного либидо скорее было нарушено в целом, в результате чего произошла явная регрессия к аутоэротической нарциссической стадии. Подведем итог: замещение зависти, связанной с детьми, завистью к брату и его пенису, идентификация с отцом и регрессия к догенитальной фазе – все это действовало в одном направлении: возбуждение сильной зависти к пенису, которая затем вышла на передний план и, похоже, стала преобладать в общей картине.

На мой взгляд, такой ход развития эдипова комплекса является типичным для тех случаев, в которых доминирует комплекс кастрации. Происходит следующее: в фазе идентификации идентификация с матерью в значительной степени уступает место идентификации с отцом и одновременно происходит регрессия к догенитальной стадии. Этот процесс идентификации с отцом я считаю одним из источников развития комплекса кастрации у женщин.

Здесь мне хотелось бы заранее отвести два возможных возражения. Одно из них могло бы выглядеть примерно так: в подобном колебании между отцом и матерью, без сомнения, нет ничего особенного. Напротив, его можно наблюдать у каждого ребенка, и мы знаем, что, согласно Фрейду, либидо каждого из нас всю жизнь колеблется между мужскими и женскими объектами. Другое возражение связано с проблемой гомосексуализма, и его можно было бы сформулировать следующим образом: в статье о психогенезе женской гомосексуальности Фрейд убедительно показал, что подобное развитие в направлении идентификации с отцом является одной из причин открытой гомосексуальности; я же описываю этот процесс как приводящий к комплексу кастрации. Чтобы ответить на это возражение, я хотела бы подчеркнуть, что именно эта статья Фрейда помогла мне понять природу комплекса кастрации у женщин. Этот комплекс возникает именно в тех случаях, когда, с одной стороны, размах колебаний либидо с количественной точки зрения значительно превосходит нормальный, а с другой стороны, вытеснение любовного отношения к отцу и идентификация с ним оказываются не столь успешными, как в случаях гомосексуализма. Таким образом, сходство двух направлений в развитии не может служить аргументом против их значимости для развития комплекса кастрации у женщин; напротив, тем самым и гомосексуализм перестает казаться обособленным явлением. Мы знаем, что там, где доминирует комплекс кастрации, всегда имеет место более или менее выраженная тенденция к гомосексуальности. Играть роль отца в некотором смысле означает также и желать мать. Между нарциссической регрессией и гомосексуальным объектным катексисом возможны любые градации сходства, так что мы получаем непрерывный ряд, кульминационно завершающийся открытой гомосексуальностью.

Третье возражение, которое здесь напрашивается, относится к временной или причинной связи между идентификацией с отцом и завистью к пенису и звучит следующим образом: не являются ли отношения комплекса зависти к пенису и процесса идентификации с отцом прямо противоположными вышеописанным? Не может ли быть так, что для того, чтобы установилась устойчивая идентификация с отцом, вначале должна возникнуть сильная зависть к пенису? Я полагаю, нельзя отрицать, что особенно сильная зависть к пенису (будь то конституциональная или возникшая в результате личного опыта) приводит к переориентации, в результате которой пациентка отождествляет себя с отцом; тем не менее изложенные мною случаи, как и многие другие, показывают, что, несмотря на зависть к пенису, у девочек формировалось сильное и целиком женское любовное отношение к отцу, и только тогда, когда эта любовь терпит крах, происходит отказ от женской роли. Этот отказ и последующая идентификация с отцом оживляют зависть к пенису, и только когда зависть подпитывается из столь мощных источников, это чувство может проявить себя в полной мере.

Для такого перехода к идентификации с отцом необходимо, чтобы хоть немного пробудилось чувство реальности; тогда девочка неизбежно перестанет довольствоваться, как прежде, исполнением своего желания иметь пенис исключительно в фантазии – теперь она начнет размышлять над отсутствием у нее этого органа или о том, как его приобрести.

Направление этих размышлений обусловлено общей аффективной диспозицией девочки; она характеризуется следующими типичными установками: еще не совсем ослабленной женской любовной привязанностью к отцу, чувствами неистовой ярости и мести по отношению к нему из-за пережитого разочарования и, наконец, но не в последнюю очередь, чувствами вины (связанными с инцестуозными фантазиями), которые стремительно возникают под гнетом лишений. Таким образом, все эти чувства неизменно относятся к отцу.

Я видела это отчетливо у пациентки Y, которую я уже не раз упоминала. Я говорила вам, что у этой пациентки возникали фантазии об изнасиловании, фантазии, которые она считала реальностью и которые в конечном счете относились к ее отцу. Она также в значительной степени идентифицировала себя с ним; к примеру, с матерью она себя вела так, как должен был бы вести себя сын. Кроме того, ей снились сны, в которых на отца нападали змеи или дикие звери, а она его спасала.

Фантазии о кастрации принимали у нее знакомую форму: она воображала, что ее гениталии не совсем обычно устроены, более того, ей казалось, что она перенесла здесь какую-то травму. По этому поводу ей приходили в голову разные идеи, которые сводились в основном к тому, что эти особенности есть результат пережитого ею насилия. На самом деле становится очевидным, что эти связанные с ее гениталиями идеи и ощущения, на которых она упорно настаивала, продуцировались ею, чтобы доказать реальность этих актов насилия и тем самым, в конечном счете, ее любовных отношений с отцом. Важность этих фантазий и интенсивность навязчивого повторения, от которого она страдала, особенно наглядно проявились в том, что до анализа она настояла на шести лапаротомических операциях, несколько из которых были сделаны исключительно из-за ее болей. У другой пациентки, чья зависть к пенису приняла совершенно гротескную форму, это ощущение, будто ей нанесли травму, было перенесено на другие органы, так что, когда ее симптомы навязчивости были устранены, клиническая картина имела вид ипохондрии. В тот момент ее сопротивление приняло следующую форму: «Это же чистый абсурд – подвергать меня анализу, видя, что мое сердце, легкие, желудок, кишечник явно поражены органически». И эта пациентка тоже столь упорно настаивала на реальности своих фантазий, что однажды едва не добилась полостной операции. Ее ассоциации постоянно выдавали идею, что она была «сражена» (*geschlagen)* болезнью по вине отца. Действительно, когда удалось прояснить ее ипохондрические симптомы, наиболее существенной чертой ее невроза стали фантазии об *избиении (Schlagephantasien).* Мне кажется невозможным удовлетворительно объяснить все эти проявления одним только комплексом зависти к пенису. Но их основные свойства станут хорошо понятными, если мы рассмотрим их как следствие стремления пережить заново, уже в форме навязчивости, муки насилия со стороны отца и убедить себя в реальности этого болезненного опыта.

Количество примеров можно умножать до бесконечности, но они лишь вновь и вновь подтверждали бы, что под совершенно разными масками мы сталкиваемся с одной и той же базальной фантазией о кастрации вследствие любовных отношений с отцом. Мои наблюдения заставляют меня полагать, что эта фантазия, о существовании которой нам давно известно по индивидуальным случаям, является настолько типичной и фундаментально важной, что я склонна назвать ее вторым источником комплекса кастрации у женщин. Огромное значение этой комбинации заключается в том, что чрезвычайно важная часть подавленной женственности теснейшим образом связывается с фантазиями о кастрации. Или же, если рассматривать во временной последовательности, уязвленная женственность дает начало комплексу кастрации, а этот комплекс нарушает (но не *первично)* развитие женщины.

Здесь, пожалуй, мы имеем перед собой саму основу мстительного отношения к мужчинам, которое столь часто обращает на себя внимание у женщин с выраженным комплексом кастрации. Попытки объяснить эту установку как следствие зависти к пенису и разочарования девочки, обманутой в своих ожиданиях получить в подарок от отца пенис, не являются удовлетворительными для массы фактов, извлеченных на свет благодаря анализу

более глубоких слоев психики. Разумеется, в процессе психоанализа зависть к пенису обнаруживается гораздо легче, чем более глубоко вытесненные фантазии, приписывающие утрату мужских гениталий половому акту с отцом. То, что дело обстоит именно так, следует из факта, что зависть к пенису отнюдь не сопровождается чувством вины.

Особенно часто мстительная установка по отношению к мужчинам направлена на того, кто совершил акт дефлорации. Объяснение этому вполне естественное – поскольку в фантазии пациентка теряет девственность с отцом, то и в последующей реальной любовной жизни первый мужчина особым образом занимает место отца. Эта идея получила выражение в обычаях, описанных Фрейдом в его эссе о табу девственности: в соответствии с ними акт дефлорации возлагался на эрзац-отца. Для бессознательной души дефлорация является повторением воображаемого полового акта с отцом, и поэтому, когда дефлорация происходит на самом деле, репродуцируются все те аффекты, которые относятся к воображаемому акту, – сильное чувство привязанности в сочетании с отвращением к инцесту и, наконец, вышеописанное желание отомстить за обманутую любовь и за кастрацию, перенесенную якобы вследствие этого акта.

Мои заметки подходят к концу. Я пыталась разобрать вопрос: действительно ли неудовлетворенность женщины своей половой ролью, порождаемая завистью к пенису, есть альфа и омега комплекса кастрации у женщин? Мы увидели, что анатомическое строение женских гениталий в самом деле имеет большое значение для психического развития женщины. Столь же несомненно, что зависть к пенису в существенной степени обусловливает *формы,* в которых проявляется комплекс кастрации. Но вывод, что отказ от женственности основан на этой зависти, представляется неприемлемым. Напротив, мы можем убедиться, что зависть к пенису отнюдь не исключает глубокой и настоящей любви к отцу и что лишь тогда, когда это отношение нарушается эдиповым комплексом (точно так же, как это происходит в соответствующих мужских неврозах), зависть к пенису приводит к отказу субъекта от своей половой роли.

Невротик-мужчина, идентифицирующий себя с матерью, и невротик-женщина, идентифицирующая себя с отцом, одинаковым образом отказываются от своих половых ролей. И с этой точки зрения страх кастрации у невротика-мужчины (за которым скрывается желание кастрации, которому, на мой взгляд, никогда не уделялось достаточно внимания) в точности соответствует желанию невротика-женщины иметь пенис. Эта симметрия была бы еще более поразительной, если бы внутренняя установка мужчины на идентификацию с матерью не была диаметрально противоположной установке женщины на идентификацию с отцом. Причем в двух аспектах: для мужчины желание быть женщиной не только противоречит его сознательному нарциссизму, но отвергается и по другой причине, а именно потому, что представление о женщине совпадает с осуществлением всех его страхов перед наказанием, сосредоточенных как раз в области гениталий. Для женщины, напротив, идентификация с отцом подкреплена прежними желаниями той же направленности, и она привносит с собой не чувство вины, а скорее чувство оправдания. Таким образом, из описанной мной связи, существующей между идеями о кастрации и инцестуозными фантазиями в отношении отца, следует фатальный вывод, противоположный тому, который делают мужчины, – быть женщиной само по себе заслуживает порицания.

В своих работах «Печаль и меланхолия»[8], «О психогенезе одного случая женской гомосексуальности»[9], а также «Психология масс и анализ „Я“» Фрейд все более полно показывал, какое значение для человеческой психики имеет процесс идентификации. Именно эта идентификация с родителем противоположного пола и представляется мне тем пунктом, из которого у обоих полов развивается как гомосексуальность, так и комплекс

---

8 Sammlung kleiner Schriften, 4. Volge.

9 Int. J. Psycho-Anal., Vol. I, p. 125.

кастрации.

Статья 2. Уход от женственности. Комплекс маскулинности у женщин глазами мужчин и женщин[10]

В некоторых своих последних работах Фрейд со все большей настойчивостью обращает внимание на определенную односторонность наших аналитических изысканий. Я имею в виду тот факт, что вплоть до недавнего времени объектом исследования являлся разум мужчин и мальчиков.

Причина этого очевидна. Психоанализ – творение мужского гения, и почти все, кто развивал его идеи, тоже были мужчинами. Вполне естественно и закономерно, что им гораздо легче было изучать мужскую психологию и что развитие мужчин им было более понятно, чем развитие женщин.

Важный шаг к пониманию специфически женского был сделан самим Фрейдом, открывшим существование зависти к пенису, а вскоре затем в работе ван Офюйзена и Абрахама было показано, сколь значительную роль этот фактор играет в развитии женщин и в формировании у них неврозов. Значение зависти к пенису возросло недавно еще более в связи с гипотезой о фаллической фазе. В соответствии с ней мы считаем, что в инфантильной генитальной организации у обоих полов значение имеет лишь один половой орган, а именно мужской, и что это как раз и отличает инфантильную организацию от конечной генитальной организации взрослого[11]. Согласно этой теории, клитор понимается как фаллос, и мы полагаем, что маленькие девочки изначально придают клитору точно такое же значение, что и мальчики пенису[12].

Эта фаза отчасти препятствует дальнейшему развитию, отчасти ему способствует. Хелен Дойч продемонстрировала главным образом сдерживающий эффект. Она придерживается мнения, что с появлением каждой новой сексуальной функции, например в начале пубертата, при вступлении в половую жизнь, при беременности и после рождения ребенка, эта фаза реактивируется и ее приходится каждый раз заново преодолевать, чтобы достичь женской установки. Фрейд развил ее представления с позитивной стороны, утверждая, что только зависть к пенису и ее преодоление порождают желание иметь ребенка и тем самым формируют любовную привязанность к отцу[13].

Теперь встает вопрос: способствовали ли эти гипотезы тому, чтобы наше понимание женского развития (понимание, которое сам Фрейд назвал неудовлетворительным и неполным) стало более удовлетворительным и четким?

В науке часто бывает весьма полезно взглянуть на давно известные факты с совершенно иной точки зрения. В противном случае возникает опасность, что мы невольно будем продолжать укладывать все новые наблюдения в те же самые четко обозначенные группы идей.

Тот новый взгляд, который мне хотелось бы обсудить, возник у меня под влиянием некоторых философских эссе Георга Зиммеля[14]. Идея, высказанная Зиммелем и

---

[10] Flucht aus Weiblichkeit. – Int. Zeitschr. f. Psychoanal., XII (1926), S. 360-374; The Flight from Woomanhood. – Int. J. Psycho-Anal., VII (1926), pp. 324-339.

[11] *Freud S.,* Die infantile Genitalorganisation (1923).

[12] *Deutsch H.,* Psychoanalyse der weiblichen Sexualfunktionen (1925).

[13] *Freud S.,* Einige psychische Folgen des anatomischen Geschlechtsunterschieds (1925).

[14] *Simmel G.,* Philisophische Kultur.

подхваченная другими исследователями, особенно женщинами[15], такова: вся наша цивилизация есть маскулинная цивилизация. Государство, законы, мораль, религия и наука – все это творение мужчин. В отличие от многих других авторов Зиммель отнюдь не делает из этих фактов вывод о женской неполноценности; прежде всего он значительно расширяет и углубляет понятие маскулинной цивилизации: «Искусство, патриотизм, мораль в целом и социальные идеи в частности, правильность практического суждения и объективность теоретических знаний, энергия и глубина жизни – все эти категории по своей форме и притязаниям принадлежат всему человечеству, но в своей реальной исторической конфигурации – они насквозь мужские. Допустим, что все эти вещи, рассматриваемые как абсолютные, мы определим единственным словом „объективные“. Тогда мы обнаружим, что в истории нашей расы имеет силу равенство: „объективный = мужской“».

Зиммель полагает, что причина, почему так сложно было распознать этот исторический факт, состоит в том, что сами стандарты, по которым человечество оценивает природу мужчины и женщины, не являются нейтральными, не учитывают различие полов, но по сути своей – мужские… Мы не верим в чисто «человеческую» цивилизацию, в которой не возникала бы проблема пола, по той же самой причине, которая отделяет подобную цивилизацию от реально существующей, а именно по причине наивного (так сказать) отождествления понятий «человеческое существо» и «мужчина», понятий, которые во многих языках обозначаются одним и тем же словом. На время я оставляю в стороне вопрос, обусловлен ли маскулинный характер основ нашей цивилизации самой природой полов или только превосходством мужчины в силе, которое на самом деле никак не связано с цивилизацией. Во всяком случае, это объясняет, почему в самых разных областях деятельности низкие достижения презрительно называют «женскими», а выдающиеся достижения женщин, выражая одобрение, именуют «мужскими».

Как любая наука и любые ценности, психология женщин тоже рассматривалась исключительно с позиции мужчин. При этом, исходя из своего преимущественного положения, мужчины непременно приписывают объективность своему субъективному, аффективному отношению к женщине, а психология женщин, по мнению Делиуса[16], до сих пор представляет собой отражение мужских желаний и разочарований.

Еще одним очень важным фактором в этой ситуации является то, что женщины приспособились к желаниям мужчин и стали считать такое приспособление своей истинной природой. То есть они видят или видели себя такими, какими хотят их видеть мужчины; бессознательно они поддались внушению мужского ума.

Если нам ясно, в какой мере все наше существование, мышление и поведение приспособились к этим мужским стандартам, мы можем увидеть, как трудно отдельному мужчине и отдельной женщине избавиться от подобного образа мыслей.

Вопрос состоит теперь в том, насколько и аналитическая психология, делая женщин объектом исследования, пребывает в плену такого мышления; в какой мере она не преодолела еще стадию, на которой было совершенно естественно рассматривать только мужское развитие. Иными словами, в какой мере эволюция женщин, представленная нам сегодня психоанализом, оценивалась по мужским меркам и в какой мере данная картина расходится из-за этого с истинной природой женщин.

Если мы посмотрим на проблему с этой точки зрения, наше первое впечатление окажется просто поразительным: нынешняя психоаналитическая картина женского развития (не важно, верна она или нет) ни на йоту не отличается от типичных представлений мальчиков о девочках.

С представлениями мальчиков мы хорошо знакомы. Поэтому я изложу их лишь

---

15 См., в частности: Varting, Mannliche Eigenart im Frauenstaat und weibliche Eigenart im Mannerstaat.

16 *Delius,* Vom Erwachen der Frau.

вкратце, а для сравнения в соседней колонке приведу наши представления о развитии женщин.

Столь точное совпадение, разумеется, не является критерием объективной истинности. Вполне возможно, что инфантильная генитальная организация маленькой девочки и впрямь похожа на инфантильную генитальную организацию мальчика, как это до сих пор считалось.

Но несомненно, это совпадение заставляет нас задуматься и рассмотреть иные возможности. К примеру, мы могли бы последовать за ходом мысли Георга Зиммеля и спросить: действительно ли женская адаптация к мужской структуре происходит в столь ранний период и в такой степени, что полностью подавляет специфическую природу маленькой девочки? Позднее я ненадолго вернусь к тому моменту в детстве девочки, когда, как мне кажется, действительно происходит подобное «заражение» мужской точкой зрения. Но это не помогает мне понять, каким образом все, что заложено природой, может быть полностью поглощено и бесследно исчезнуть. Поэтому нам придется вернуться к поставленному мной вопросу: не является ли отмеченный мной удивительный параллелизм лишь выражением односторонности наших наблюдений, сделанных исключительно с позиции мужчины.

Такое предположение немедленно наталкивается на внутренний протест, ведь мы тут же вспоминаем о твердой почве опыта, на которой всегда основывалось аналитическое исследование. Но в то же время наши теоретические научные знания говорят нам, что эта почва не всегда надежна, ибо опыт по самой своей природе содержит субъективный фактор. Так, наш аналитический опыт складывается из непосредственного наблюдения материала, который пациенты предъявляют в ходе анализа в виде свободных ассоциаций, сновидений и симптомов, а также из интерпретаций и выводов, которые мы делаем на основании этого материала. Поэтому даже при правильном применении техники в теории существует возможность вариаций этого опыта.

Если мы попытаемся освободить наш разум от мужского способа мышления, едва ли не все проблемы женской психологии предстанут в новом свете.

Первое, что поражает, – во главу угла в аналитической концепции всегда или почти всегда ставится различие между полами в строении гениталий, и при этом мы совершенно забываем о другом столь же важном биологическом различии, а именно о различной роли мужчин и женщин с точки зрения репродуктивной функции.

Влияние мужской позиции на концепцию материнства наиболее четко проявилось у Ференци в его блистательной теории генитальности [17]. По его мнению, настоящее побуждение к коитусу, его истинное, первоначальное значение для обоих полов состоит в стремлении вернуться в утробу матери. В период соперничества мужчина завоевывал привилегию с помощью своего полового органа снова проникнуть в матку. Женщина, изначально находившаяся в подчиненном положении, была вынуждена приспосабливать свою организацию к данной органической ситуации и получила за это некоторую компенсацию. Ей пришлось «довольствоваться» суррогатами в фантазии и, главное, вынашиванием ребенка, блаженство которого она разделяет. Только в акте деторождения она имеет возможность получить удовольствие, в котором отказано мужчине[18].

С этих позиций психическая ситуация, в которой находится женщина, не из приятных. У нее отсутствует первичное побуждение к коитусу, или по меньшей мере ей недоступно

---

[17] *Ferenczi S.,* Versuch einer Genitaltheorie (1924).

[18] См. также: *Deutsch H.,* Psychoanalyse der weiblichen Sexualfunktionen (1925) и *Groddeck G.,* Das Buch vom Es.

непосредственное, пусть даже частичное, удовлетворение. В таком случае побуждение к коитусу и удовольствие от него, несомненно, должны быть у нее гораздо слабее, чем у мужчины. Ведь она может добиться некоторого удовлетворения первичного стремления лишь косвенным, окольным путем: отчасти окружным путем мазохистской конверсии, отчасти через идентификацию с ребенком, которого она может зачать. Однако то и другое представляют собой лишь «компенсаторные механизмы». Единственное, в чем у нее преимущество перед мужчиной, – в весьма сомнительном удовольствии от акта деторождения.

И тут я как женщина с изумлением спрашиваю: а как же материнство? А блаженное сознание того, что внутри тебя таится новая жизнь? А несказанное счастье от нарастающего ожидания, что появится это новое существо? А радость, когда оно наконец появляется и ты первый раз держишь его в руках? А глубокое наслаждение и удовлетворение от кормления его грудью и счастье от того, что он нуждается в твоей любви и заботе?

В одном разговоре Ференци высказал мнение, что в начальный период конфликта, столь печально окончившегося для женщины, мужчина как победитель навязал ей бремя материнства, включая все, что с этим связано.

Разумеется, с точки зрения социальной борьбы материнство *можно* рассматривать как помеху. В наше время, пожалуй, так оно и есть, но вряд ли дело обстояло подобным образом в те времена, когда человек был ближе к природе.

Более того, саму зависть к пенису мы объясняем с биологической точки зрения, но не социальными факторами; и наоборот, мы приучены тут же истолковывать чувство социального неравенства женщины как рационализацию ее зависти к пенису.

Однако с биологической точки зрения в материнстве или в способности к материнству женщина имеет неоспоримое и отнюдь не малое физиологическое преимущество. Особенно отчетливо оно проявляется в бессознательном мужской психики – в сильнейшей зависти мальчиков к материнству. Мы знакомы с этой завистью как таковой, но она едва ли рассматривалась должным образом в качестве динамического фактора. Когда начинаешь, как это было у меня, анализировать мужчин после достаточно длительного опыта анализа женщин, возникает весьма неожиданное впечатление об их сильнейшей зависти к беременности, деторождению и материнству, к женской груди и кормлению грудью.

В связи с этим впечатлением, проистекающим из анализа, напрашивается естественный вопрос: не выражается ли в вышеупомянутом взгляде на материнство в рационализированном виде бессознательная мужская тенденция к обесцениванию? Это обесценивание может проявляться следующим образом: на самом деле женщины просто-напросто хотят иметь пенис; когда все сказано и сделано, материнство – только лишняя обуза, которая затрудняет борьбу за существование, и мужчина должен радоваться, что он от этого избавлен.

Когда Хелен Дойч пишет, что комплекс маскулинности у женщины играет гораздо большую роль, чем комплекс фемининности у мужчины, она, вероятно, не учитывает тот факт, что зависть мужчины имеет значительно большие возможности для успешной сублимации, нежели зависть девочки к пенису, и что именно эта зависть служит одной из основных, если не главной движущей силой в формировании культурных ценностей.

Сам язык указывает на этот источник продуктивности в культуре. В исторические времена, которые нам известны, эта продуктивность, несомненно, была значительно выше у мужчин, чем у женщин. Не объясняется ли невероятная сила импульса мужчины к творчеству в любой области ощущением им относительной незначительности собственной роли в сотворении живого существа, что и подталкивает его постоянно к сверхкомпенсации за счет других достижений?

Если мы правы, установив эту связь, встает вопрос: почему у женщины не обнаруживается соответствующего импульса, который бы компенсировал ее зависть к пенису? Есть две возможности: либо зависть женщины гораздо слабее, чем зависть мужчины, либо ее нельзя успешно преодолеть каким-то другим способом. Мы могли бы

привести факты в поддержку обоих предположений.

В доказательство более выраженной мужской зависти можно указать на то, что анатомическая ущербность женщины имеет место только с точки зрения догенитальных уровней организации [19]. С позиции генитальной организации взрослой женщины нет никакого изъяна, поскольку совершенно очевидно, что женщины обладают отнюдь не меньшей, чем мужчины, но просто иной по природе способностью к коитусу. С другой стороны, роль мужчины в репродукции значительно меньше, чем женщины.

Далее мы видим, что стремление мужчин принижать значение женщин выражено явно сильнее, чем соответствующая потребность у женщин. К пониманию того, что догма о неполноценности женщин проистекает из бессознательной мужской тенденции, мы могли бы прийти, лишь усомнившись в ее соответствии действительности. Но если и в самом деле за убежденностью в женской неполноценности скрывается тенденция мужчин принизить женщин, то мы должны заключить, что этот бессознательный импульс является очень сильным.

Многое, правда, можно сказать и в пользу мнения, что с культурных позиций женщинам намного труднее избавиться от зависти, чем мужчинам. Мы знаем, что в наиболее благоприятных случаях эта зависть преобразуется в желание иметь мужа и ребенка и, возможно, при такой трансформации утрачивает основную часть энергии, требовавшей сублимации. Однако в неблагоприятных случаях, как я покажу затем в деталях, она отягощается чувством вины и не находит себе плодотворного применения, тогда как неспособность мужчины к материнству воспринимается, вероятно, просто как недостаток и, не подвергаясь запрету, может во всей полноте развиться в мощную движущую силу.

В данной дискуссии я уже затрагивала проблему, которая недавно была выдвинута на передний план Фрейдом[20], а именно вопрос о происхождении и воздействии желания иметь ребенка. В последнее десятилетие наше отношение к этой проблеме изменилось. Поэтому я позволю себе вкратце изложить начало и конец ее исторической эволюции.

Первоначальная гипотеза[21] состояла в том, что зависть к пенису дает либидинозное подкрепление как желанию иметь ребенка, так и желанию, направленному на мужчину, хотя последнее желание возникает независимо от первого. В дальнейшем акцент все более смещался на зависть к пенису, и в последней своей работе по этой проблеме Фрейд высказал предположение, что желание иметь ребенка произрастает только из зависти к пенису и разочарования из-за его отсутствия и что нежная привязанность к отцу возникает только этим окольным путем – через желание иметь пенис и желание иметь ребенка.

Эта последняя гипотеза, несомненно, проистекает из потребности объяснить психологически биологический принцип взаимного влечения полов. Она соответствует проблеме, сформулированной Гроддеком, который говорит, что мальчик естественным образом должен продолжать относиться к матери как к объекту любви, «но как получается, что у маленькой девочки возникает привязанность к противоположному полу?»[22].

Обращаясь к этой проблеме, мы должны вначале учесть, что наш эмпирический материал, относящийся к комплексу маскулинности у женщин, получен из двух источников, важность которых существенно различается. Первый источник – это непосредственное наблюдение за детьми, в котором субъективный фактор играет сравнительно небольшую

---

[19] *Horney K.,* On the Genesis of the Castration Complex in Woman. – Int. J. Psycho-Anal., V, Part 1 (1924) (с. 14-28 в этой книге).

[20] *Freud S.,* Einige psychische Folgen des anatomischen Geschlechtsunterschieds (1925).

[21] *Freud S.,* Über Triebumsetzung, insbesondere der Analerotik (1917).

[22] *Groddeck G.,* Das Buch vom Es.

роль. Любая маленькая девочка, если она не запугана, проявляет зависть к пенису открыто и без смущения. Мы видим, что эта зависть типична, и достаточно хорошо понимаем, почему дело обстоит именно так; мы понимаем, каким образом нарциссическая обида оттого, что она не обладает тем, что есть у каждого мальчика, усиливается невыгодным положением девочки из-за различий в догенитальном катексисе: из-за явных преимуществ мальчика в связи с уретральным эротизмом, скоптофилическим инстинктом и онанизмом[23].

Я бы предложила называть зависть маленькой девочки к пенису *первичной,* поскольку очевидно, что она основана исключительно на анатомическом различии.

Другим источником, из которого мы черпаем свой опыт, является аналитический материал, продуцируемый взрослыми женщинами. Разумеется, сформировать здесь суждение гораздо труднее, а потому имеется больше простора для субъективности. Здесь прежде всего мы видим, что зависть к пенису выступает в качестве фактора огромной динамической силы. Мы наблюдаем пациенток, отвергающих свои женские функции; при этом бессознательным их мотивом является желание быть мужчиной. Мы сталкиваемся с фантазиями такого содержания: «У меня когда-то был пенис; я – мужчина, которого кастрировали и изувечили». Эти фантазии порождают чувство неполноценности, эффектом последействия которого являются разного рода навязчивые ипохондрические идеи. Мы видим явно враждебную установку по отношению к мужчинам, то принимающую форму пренебрежения, то желания их кастрировать или изувечить, и мы видим, как этот фактор определяет судьбы многих женщин.

Было естественно – особенно естественно в силу мужской ориентации нашего мышления – связать эти впечатления с первичной завистью к пенису и, видя, к каким последствиям она приводит, заключить *a posteriori,* что эта зависть обладает огромной интенсивностью, неимоверной динамической силой. Оценивая ситуацию в целом, а не в деталях, мы упускаем из виду тот факт, что желание быть мужчиной, столь знакомое нам из анализа взрослых женщин, лишь едва связано с той ранней, инфантильной, первичной завистью к пенису и является вторичным образованием, воплощающим в себе все неудачи в женском развитии.

Мой опыт с начала и до конца с неизменной ясностью убеждал меня, что эдипов комплекс у женщины вызывает (и не только в крайних случаях, когда субъект терпит неудачу, *но регулярно)* регрессию к зависти к пенису, разумеется, всех возможных степеней и оттенков. Различие в последствиях мужского и женского эдипова комплекса в целом представляется мне следующим: мальчики из-за страха кастрации отказываются от матери в качестве сексуального объекта, но как реакция на страх кастрации мужская роль в дальнейшем развитии не только закрепляется, но даже усиливается. Мы отчетливо наблюдаем это у мальчиков в латентный и допубертатный периоды и, как правило, в их дальнейшей жизни. Девочки же, напротив, не только отказываются от отца как сексуального объекта, но и от женской роли как таковой.

Чтобы понять этот уход от женственности, мы должны рассмотреть факты, относящиеся к раннему детскому онанизму, который является физическим проявлением возбуждения, вызванного эдиповым комплексом.

И здесь тоже ситуация с мальчиками гораздо яснее, возможно просто потому, что нам о ней больше известно. Но быть может, факты, связанные с девочками, кажутся нам столь загадочными только из-за того, что мы всегда смотрели на них глазами мужчин? Похоже, все дело в этом, ведь мы даже не допускаем у маленьких девочек особой формы онанизма и, не утруждая себя, описываем их аутоэротическую активность как мужскую; а если же мы обращаем внимание на различия, которые, несомненно, должны существовать, то понимаем их как негативные, а не позитивные – например, в случае тревоги по поводу онанизма различие состоит в том, что одним кастрация только грозит, а у других она уже произошла

---

[23] См. подробное изложение вопроса: *Horney K.,* On the Genesis of the Castration Complex in Woman.

на самом деле! Мой аналитический опыт позволяет мне решительно утверждать, что у девочек имеется специфически женская форма онанизма (отличающегося, между прочим, по технике от онанизма у мальчиков), даже если допустить, что девочки практикуют исключительно клиторальную мастурбацию, хотя это предположение отнюдь не кажется мне верным. И я не понимаю, почему, несмотря на эволюцию клитора в прошлом, его нельзя считать неотъемлемой частью женского генитального аппарата.

Испытывает ли девочка на ранней стадии генитального развития органические вагинальные ощущения, довольно трудно определить из аналитического материала, продуцируемого взрослыми женщинами. В ряде случаев я склонялась к выводу, что это действительно так – ниже я приведу материал, на которых основано мое заключение. То, что вагинальные ощущения должны иметь место, кажется мне теоретически возможным по следующим причинам. Несомненно, известные фантазии об огромном пенисе, который насильственно вторгается внутрь, вызывая боль и обильное кровотечение, и угрожает что-то разрушить, свидетельствуют о том, что эдиповы фантазии у маленькой девочки вполне реалистично основываются (в соответствии с пластичностью конкретного мышления ребенка) на диспропорции в размерах отца и ребенка. Я полагаю также, что и эдиповы фантазии, и логически обоснованный страх внутренней – то есть вагинальной – травмы свидетельствуют, что и вагина, и клитор играют свою роль в раннедетской генитальной организации женщин[24]. Кроме того, из более поздних явлений фригидности можно даже заключить, что вагинальная зона действительно более катектирована (вследствие тревоги и попыток защиты), чем клитор, и именно поэтому инцестуозные желания с безошибочной точностью бессознательного отнесены к вагине. С этой точки зрения фригидность следует трактовать как попытку оградить себя от фантазий, слишком опасных для Я. Это позволяет также понять причину бессознательных приятных ощущений, которые, как утверждают разные авторы, возникают при родах, или наоборот – страх деторождения. Ибо именно роды (из-за несоответствия размеров влагалища и ребенка и возникающей в результате боли) гораздо более, нежели половой акт, пригодны для бессознательной реализации этих ранних инцестуозных фантазий, реализации, которая не влечет за собой чувства вины. Женская генитальная тревожность, подобно страху кастрации у мальчиков, неизменно отмечена печатью чувства вины, и именно ему она обязана своим продолжительным влиянием.

Еще одним фактором в этой ситуации, причем действующим в том же направлении, являются определенные последствия анатомического различия между полами. Речь идет о том, что у мальчика есть возможность осмотреть свои гениталии и проверить, действительно ли имеют место ужасные последствия онанизма. Девочка, напротив, буквально пребывает во мраке и остается в полном неведении. Разумеется, эта возможность проверки на реальность не так много значит для мальчиков в случае, если страх кастрации является острым, однако в случаях не столь сильного страха, которые в практическом отношении являются более важными, поскольку гораздо чаще встречаются, это различие, на мой взгляд, весьма существенно. Как бы то ни было, материал, полученный мной при анализе женщин, привел меня к заключению, что этот фактор играет значительную роль в душевной жизни женщины и вносит свой вклад в особого рода внутреннюю неуверенность, которую мы так часто встречаем у женщин.

Под гнетом этой тревожности девочка ищет убежища в воображаемой роли мужчины.

Какова же экономическая выгода от такого ухода? Я хотела бы тут сослаться на опыт, который, наверное, имеют все аналитики: они обнаруживают, что желание быть мужчиной в целом признается сравнительно охотно и что после того, как пациентка с ним соглашается, она упорно за него цепляется, стремясь избежать осознания либидинозных желаний и фантазий, связанных с отцом. Таким образом, желание быть мужчиной служит вытеснению

---

[24] Как только мне пришла мысль о возможности такой связи, я смогла истолковать в этом смысле – то есть как отражающие страх вагинальной травмы – многие явления, которые раньше я интерпретировала как фантазии о кастрации с позиции мужчин.

этих женских желаний или сопротивлению их выявлению. Этот постоянно повторяющийся, типичный опыт вынуждает нас, если мы хотим сохранить верность аналитическим принципам, сделать вывод, что фантазии о бытии мужчиной были изобретены в ранний период специально для того, чтобы оградить субъекта от связанных с отцом либидинозных желаний. Фикция мужественности позволяет девочке избежать женской роли, обремененной теперь виной и тревогой. В действительности эта попытка отклониться от собственной линии и принять мужскую неизбежно влечет за собой чувство неполноценности, так как девочка начинает подходить к себе с чуждыми ее особой биологической природе требованиями и ценностями, удовлетворить которые она не может, ощущая себя беспомощной.

Хотя это чувство неполноценности весьма мучительно, аналитический опыт убедительно показывает нам, что Я переносит его легче, чем чувство вины, связанное с женской установкой, и, следовательно, когда девочка, избегая Сциллы чувства вины, ищет убежища у Харибды чувства неполноценности, Я несомненно оказывается в выигрыше.

Для полноты картины я упомяну еще об одной выгоде, которую, как нам известно, женщина получает от происходящего параллельно процесса идентификации с отцом. Что касается важности этого процесса как такового, мне здесь нечего добавить к тому, что уже было сказано в моей более ранней работе.

Мы знаем, что сам процесс идентификации с отцом является одним из ответов на вопрос, почему уход от женских желаний, направленных на отца, всегда ведет к принятию мужской установки. Однако некоторые соображения в связи с вышеизложенным открывают иную точку зрения, позволяющую пролить свет на эту проблему.

Известно, что, когда либидо встречает препятствие в своем развитии, регрессивно активизируется ранняя фаза его организации. Согласно последней работе Фрейда, зависть к пенису представляет собой стадию, предшествующую истинной объектной любви к отцу. Ход мысли, предложенный Фрейдом, помогает понять нам внутреннюю необходимость, из-за которой либидо течет вспять именно к этой предшествующей стадии, независимо от того, когда и как далеко оно было отброшено назад барьером инцеста.

В принципе я согласна с мнением Фрейда, что девочка развивается в направлении объектной любви, проходя через зависть к пенису, но я полагаю, что природу этой эволюции можно было бы изобразить иначе.

Если учесть, что значительную часть своей энергии первичная зависть к пенису приобретает лишь при регрессии, вызванной эдиповым комплексом, мы должны воспротивиться искушению интерпретировать в свете зависти к пенису проявления такого элементарного принципа природы, как взаимное влечение полов.

Поэтому, столкнувшись с вопросом о психологическом истолковании этого первичного биологического принципа, нам вновь придется сознаться в своем неведении. Более того, в отношении предполагаемых сил мне все более кажется, что причинная связь здесь может быть совершенно обратной и что именно влечение к противоположному полу, возникающее уже в ранний период, и вызывает у маленькой девочки либидинозный интерес к пенису. Этот интерес, как я говорила ранее, в соответствии с достигнутым уровнем развития проявляется вначале аутоэротически и нарциссически. Если мы будем рассматривать эти отношения таким образом, естественно, возникнут новые проблемы, связанные с происхождением мужского эдипова комплекса, но я бы хотела оставить их для следующей статьи. Если бы зависть к пенису была первым проявлением таинственного притяжения полов, то не следовало бы удивляться и тому, что анализ обнаруживает ее существование в еще более глубоких слоях, чем те, в которых обнаруживаются желание иметь ребенка и нежная привязанность к отцу. Путь к нежному отношению к отцу подготавливается не только разочарованием из-за отсутствия пениса, но и иными способами. В таком случае мы должны говорить о либидинозном интересе к пенису как о своего рода «парциальной любви»,

используя термин Абрахама[25]. Подобная любовь, говорит он, всегда образует переходную стадию подлинно объектной любви. Мы могли бы объяснить этот процесс также по аналогии со взрослой жизнью: я имею в виду тот факт, что смешанная с восхищением зависть ведет к любви.

Что же касается чрезвычайной легкости, с которой происходит эта регрессия, то я должна сослаться на одно аналитическое открытие[26]: в ассоциациях пациенток нарциссическое желание обладать пенисом и объектное либидинозное стремление к нему зачастую настолько переплетены, что порой трудно установить, в каком смысле употребляется словосочетание «желание иметь».

Нужно сказать еще несколько слов по поводу фантазий о кастрации как таковых, давших название целому комплексу, самой поразительной частью которого они являются. В соответствии с моей теорией женского развития я обязана рассматривать эти фантазии как вторичное образование. Я представляю себе их происхождение следующим образом: когда женщина находит прибежище в фиктивной мужской роли, ее женская генитальная тревожность, так сказать, переводится в мужские термины – страх вагинальной травмы превращается в фантазию о кастрации. От этой метаморфозы девочка имеет определенную выгоду, получая взамен неопределенности ожидания наказания (обусловленной ее анатомическим строением) вполне конкретную идею. Кроме того, поскольку фантазия о кастрации окрашена прежним чувством вины, пенис становится желанным и как доказательство невиновности.

Эти типичные мотивы бегства в мужскую роль – мотивы, возникающие вследствие эдипова комплекса, – теперь усиливаются и поддерживаются реальной дискриминацией, с которой женщина сталкивается в социальной жизни. Разумеется, мы должны признать, что желание быть мужчиной, когда оно проистекает из этого источника, является чрезвычайно удобной формой рационализации бессознательных мотивов. Однако не следует забывать и о том, что дискриминация есть часть нашей реальности и что на самом деле она гораздо сильнее, чем это сознает большинство женщин.

Георг Зиммель в этой связи говорит, что «огромное социальное значение, которое приписывается мужчине, вероятно, обусловлено его превосходством в силе» и что исторически отношения полов можно грубо описать как отношения раба и господина. И здесь, как и везде, «одна из привилегий господина состоит в том, что ему нет надобности постоянно помнить, что он господин, тогда как раб никогда не может забыть о своей участи».

Этим, наверное, объясняется и недооценка данного фактора в аналитической литературе. Девочке и в самом деле с рождения непременно внушают мысль – в грубой форме или деликатно – о ее неполноценности, и этот опыт постоянно стимулирует в ней комплекс маскулинности.

Следует учесть еще одно обстоятельство. Вследствие чисто мужского характера нашей цивилизации женщинам гораздо труднее было достичь сублимации, которая действительно удовлетворяла бы их естество, поскольку все обычные профессии были рассчитаны на мужчин. Это опять-таки усугубляло их чувство неполноценности, поскольку они, естественно, не могли добиться в этих мужских профессиях тех же результатов, что и мужчины, и получалось так, что сама реальность давала новые подтверждения их неполноценности. Я не берусь судить, в какой мере бессознательные мотивы ухода от женственности усилены реальным социальным неравенством женщин. Пожалуй, эту связь следует понимать как взаимодействие психических и социальных факторов. Но здесь я могу лишь указать на эти проблемы, которые настолько сложны и значительны, что нуждаются в

---

25 *Abraham K.,* Versuch einer Entwicklungsgeschichte der Libido (1924).

26 Фрейд ссылается на это открытие в «Табу девственности».

отдельном исследовании.

Те же факторы должны оказывать на развитие мужчины совершенно иное влияние. С одной стороны, они ведут к еще более сильному вытеснению его женских желаний, которые отмечены клеймом неполноценности; с другой – мужчине гораздо легче успешно их сублимировать.

Обсуждая проблемы женской психологии, я изложила представления, которые во многом отличаются от существующих взглядов. Возможно и даже весьма вероятно, что обрисованная мною картина является односторонней, представляющей противоположную точку зрения. Но главным моим намерением в этой статье было указать на возможный источник ошибок, обусловленных полом исследователя, и тем самым сделать еще один шаг к цели, которую все мы стремимся достичь: преодолеть субъективность мужской или женской точки зрения и получить картину психического развития женщины, которая бы более соответствовала фактам ее природы – с ее особыми качествами и их отличиями от качеств мужчины, – чем все те, что имелись прежде.

Статья 3. Сдержанная женственность. Вклад психоанализа в понимание проблемы фригидности[27]

Исследуя необычайно распространенное явление фригидности, врачи и сексологи странным образом пришли к двум диаметрально противоположным воззрениям.

Одни исследователи сравнивают фригидность, с точки зрения ее значимости для индивида, с нарушениями потенции у мужчин. Поэтому они заявляют, что оба этих явления в равной степени следует рассматривать как болезнь. Эта позиция свидетельствует о необходимости как можно серьезнее разобраться в этиологии и терапии фригидности, особенно учитывая частоту, с которой встречается это явление.

С другой стороны, широкая распространенность фригидности привела многих исследователей к убеждению, что столь обычное явление нельзя считать заболеванием и поэтому фригидность скорее следует рассматривать как нормальную сексуальную установку цивилизованной женщины. Какие бы научные гипотезы ни выдвигались в поддержку этой концепции[28], все они приводят к выводу, что у врачей нет ни причины для терапевтического вмешательства, ни надежды на успех.

Создается впечатление, что общие доводы, как «за», так и «против», независимо от того, на каких факторах – социальных или биологических – делается акцент, основаны исключительно на субъективных убеждениях и поэтому никак не способствуют конкретному и исчерпывающему прояснению данной проблемы. Психоанализ как наука с самого начала пошел в ином направлении, которым и должен был следовать в силу самой своей природы. Речь идет о медико-психологическом исследовании индивида и его развития.

Учитывая, насколько ближе этот путь подводит нас к решению проблем, похоже, мы можем надеяться получить в итоге ответы на следующие два вопроса.

1. Какие процессы развития, согласно нашему опыту, приводят к формированию симптома фригидности у женщины?

2. Каково значение этого феномена в либидинозной экономике женщины?

Эти же вопросы можно сформулировать и на менее теоретическом уровне: является ли фригидность изолированным и поэтому не очень важным симптомом? Или же она тесно связана с действительными нарушениями психологического или физического здоровья?

---

27 Gehemmte Weiblichkeit: Psychoanalytischer Beitrag zum Problem der Frigiditat. – Zeitschr. f. Sexualwissenschaft, Bd. 13 (1926-1927), S. 67-77.

28 См. по этому вопросу: *Marcuse M.,* Neuropathia sexualis в: Moll, Handbook of Sexual Sciences, 3rd Edition, Vol. II, 1926.

Позвольте мне проиллюстрировать смысл или возможную ценность этих вопросов с помощью грубого и поэтому во многих отношениях небезупречного сравнения. Представим себе, что нам ничего не известно о патологических процессах, симптомом которых является кашель. В таком случае мы бы, наверное, стали обсуждать, является ли кашель во всех случаях признаком болезни или же просто выражением субъективного раздражения, поскольку очевидно, что многие люди кашляют, не будучи на самом деле больными. Однако разногласия здесь существовали бы лишь до тех пор, пока мы не узнали бы о связи кашля с действительными более глубокими нарушениями.

Я привожу такое сравнение, несмотря на его очевидные изъяны, лишь потому, что оно открывает нам новые перспективы. Быть может, фригидность – подобно кашлю – только сигнал, указывающий на то, что глубоко внутри что-то не в порядке?

Однако тут же возникает сомнение: мы знаем многих женщин, которые фригидны и тем не менее здоровы и деятельны. Но это возражение не так уж убедительно, как кажется на первый взгляд, по двум причинам. Во-первых, только детальное и тщательное исследование каждого индивидуального случая может показать, действительно ли здесь отсутствуют расстройства, которые нам трудно обнаружить или же связать с фригидностью. Я имею в виду, например, проблемы характера или неумение планировать свою жизнь, которое неверно приписывается внешним факторам. Во-вторых, надо учитывать, что наша психологическая структура не является жесткой, как у механизма, который целиком выходит из строя из-за сбоя или слабости хотя бы одного узла. Скорее мы обладаем большими возможностями преобразовывать сексуальную энергию в несексуальную, то есть для успешной ее сублимации наиболее ценным с позиций культуры образом.

Прежде чем перейти к индивидуальному генезу фригидности, я бы хотела рассмотреть феномены, которые мы зачастую обнаруживаем вместе с нею. Я хочу ограничиться теми явлениями, которые в той или иной мере остаются в границах нормы.

Фригидность, независимо от того, считаем ли мы ее обусловленной органически или психологически, представляет собой препятствие в сексуальном функционировании женщины. Поэтому неудивительно, что обычно она сочетается с нарушениями других специфически женских функций. Во многих случаях мы обнаруживаем самые разные функциональные расстройства менструации[29], включая нерегулярность цикла, дисменорею, или – оставаясь всецело в психологической сфере – состояния напряжения, раздражительности или слабости, часто возникающие за 8-14 дней до менструации и каждый раз существенно нарушающие психическое равновесие женщины.

В других случаях проблема проявляется в отношении женщины к материнству. У одних женщин беременность отвергается открыто – в той или иной форме рационализации. У других женщин без видимых органических причин случаются выкидыши. Еще у одних мы встречаем бесчисленные хорошо знакомые жалобы на плохое самочувствие во время беременности[30]. Во время родов могут проявиться такие расстройства, как невротическая тревога или функциональная слабость схваток. У иных женщин возникают проблемы с кормлением – от полной неспособности к грудному вскармливанию до нервного истощения. Или же мы не находим должного материнского отношения к ребенку. Вместо этого мы видим раздраженных или сверхтревожных матерей, которые не способны дать ребенку настоящего тепла и предпочитают перепоручить его воспитание няне.

Нечто подобное происходит и с отношением женщины к ее домашним обязанностям. Домашним делам либо придается чересчур большое значение и они превращаются в пытку

---

[29] Здесь и далее я исключаю нарушения, вызванные органическими причинами.

[30] Очевидно, что мы не можем объяснять эти расстройства физиологическими и химическими изменениями во время беременности, поскольку, если имеется благоприятная психическая установка, сами по себе подобные проблемы они не вызывают.

для всех домашних, либо же они надоедают ей настолько, что любая работа, которую она выполняет, невольно вызывает напряжение.

Но даже если все эти расстройства женских функций отсутствуют, *одно* отношение непременно будет нарушенным или, по крайней мере, неполноценным – а именно отношение к мужчине. Я еще вернусь к природе этих расстройств в ином контексте. Здесь же я хотела бы сказать только одно: выражаются ли они в безразличии или болезненной ревности, в недоверии или раздражительности, в претензиях или чувстве неполноценности, в потребности иметь любовников или в стремлении к интимной дружбе с женщинами, всех их объединяет неспособность к полноценным (то есть затрагивающим и душу, и тело) любовным отношениям с гетеросексуальным объектом.

Если в процессе анализа нам удается глубже проникнуть в бессознательную психическую жизнь таких женщин, то, как правило, мы сталкиваемся с решительным отказом от женской роли. Это тем более удивительно, что сознательное Я этих женщин зачастую не содержит признаков такого активного отказа. Напротив, внешне их поведение, а также сознательная установка могут быть абсолютно женскими. Как справедливо указывалось, фригидные женщины могут быть эротически возбудимыми и сексуально требовательными – наблюдение, которое остерегает нас приравнивать фригидность к отказу от секса. В действительности на более глубоком уровне мы встречаем не отвержение секса в целом, а скорее неприятие специфически женской роли. В той мере, в какой это неприятие достигает сознания, оно рационализируется и объясняется такими факторами, как социальная дискриминация женщин, или выливается в обвинения супруга или мужчин в целом. Однако на более глубоком уровне имеется другая отчетливая мотивация – более или менее выраженное желание быть мужчиной. Я хочу подчеркнуть, что здесь мы уже вступаем в царство бессознательного. И хотя такие желания могут отчасти осознаваться, всю силу и глубину инстинктивной мотивации женщина не сознает.

Весь комплекс чувств и фантазий, содержанием которых является ощущение женщиной своей дискриминации, ее зависть к мужчине, ее желание быть мужчиной и отвергнуть женскую роль, мы называем *женским комплексом маскулинности.* Его влияние на жизнь как более или менее здоровой, так и невротической женщины столь многообразно, что я вынуждена ограничиться лишь схематическим описанием его основных проявлений[31].

В той мере, в какой на передний план выступает зависть к мужчине, эти желания выражаются в неприязни к мужчинам, в затаенной горечи из-за их привилегий, напоминающим скрытую враждебность рабочего к работодателю и его попытки нанести хозяину поражение или психологически измотать его повседневными партизанскими вылазками. В общем, картина знакомая, мы ее наблюдаем во многих семьях.

И в то же время мы видим, как та же самая женщина, третирующая всех мужчин, тем не менее признает их превосходство. Она не верит, что женщины способны достичь чего-то реального, и скорее склонна разделять неуважение к ним мужчины. Если уж она не мужчина, то хоть поддержит их суждение о женщинах. Зачастую такая установка сочетается с явно выраженными дискредитирующими тенденциями в отношении мужчин, что невольно напоминает известную басню про лису и виноград.

Более того, такая бессознательная завистливая установка лишает женщину возможности разглядеть свои достоинства. Даже материнство воспринимается как лишняя обуза. Все оценивается исключительно с мужской, то есть абсолютно чуждой, точки зрения, и поэтому женщине вскоре приходится признать свою несостоятельность. Таким образом, в наши дни мы часто встречаемся с сильнейшей неуверенностью в себе даже у одаренных женщин, чьи достижения несомненны и всеми признаны. Эта неуверенность проистекает из глубин их комплекса маскулинности и может выражаться в повышенной чувствительности к

---

[31] *Abraham K.,* Manifestations of the Female Castration Complex. – Int. J. Psycho-Anal., Vol. 4 (1921). *Freud S.,* Tabu der Virginitat.

критике или в робости.

С другой стороны, чувство изначальной ущербности и обделенности судьбой может также проявиться в бессознательных рекламациях к жизни компенсировать ей причиненный ущерб. Но источник этих требований таков, что они никогда не могут быть действительно удовлетворены. Мы привыкли объяснять постоянную требовательность, постоянное недовольство женщины ее общей сексуальной неудовлетворенностью. Но при более глубоком осмыслении становится очевидным, что уже сама эта неудовлетворенность может быть следствием комплекса маскулинности. Легко понять и столь же легко подтвердить эмпирически, что выраженные бессознательные претензии на мужественность неблагоприятно сказываются на женской установке. В силу самой внутренней логики эти претензии должны вести к фригидности – если не к полному отвержению мужчины как сексуального партнера. Фригидность, в свою очередь, усиливает вышеупомянутое чувство собственной неполноценности, поскольку на более глубоком уровне она справедливо воспринимается как неспособность к любви. Зачастую это полностью противоречит сознательной моральной оценке фригидности как проявления порядочности или целомудрия. И наоборот, это непогрешимое бессознательное ощущение изъяна в сексуальной сфере с легкостью приводит к невротически усиленной ревности к другим женщинам.

Другие последствия комплекса маскулинности имеют еще более глубокие корни в бессознательном, их трудно понять без точного знания бессознательных механизмов. Сновидения и симптомы многих женщин отчетливо демонстрируют, что, в сущности, они не смогли смириться со своей женской природой. Более того, в своих бессознательных фантазиях они сохранили иллюзию, что были сотворены мужчинами. Они верят, что были искалечены, изуродованы или травмированы в результате какого-то воздействия. В соответствии с этими фантазиями женские гениталии воспринимаются как больной или поврежденный орган – идея, которая находит затем подтверждение в менструации и активируется снова и снова вопреки сознанию и здравому смыслу. Бессознательные фантазии такого рода с легкостью могут приводить к вышеупомянутым нарушениям менструального цикла, вызывать боль во время полового акта и гинекологические нарушения[32].

В других случаях эти идеи, а также жалобы и связанные с ними ипохондрические страхи не ассоциируются, не связываются с гениталиями, а переносятся на любые другие органы. Только тщательное исследование психоаналитического материала, выходящее за рамки данной статьи, позволило бы нам понять процессы, которые имеют место в каждом конкретном случае. Только в ходе самого анализа можно получить представление об упорстве этих бессознательных маскулинных желаний.

В поисках источника этого своеобразного комплекса в психологическом развитии таких женщин нередко можно определить и непосредственно наблюдать ту стадию детства, на которой маленькие девочки и в самом деле завидуют мальчикам из-за их гениталий. Это хорошо известный факт, в котором легко удостовериться при прямом наблюдении. Аналитические интерпретации, которые помимо прочего всегда субъективны, ничего не добавили к этим наблюдениям, и тем не менее вопреки прямым подтверждениям мы наталкиваемся на стойкое недоверие. Даже если критики не могут оспаривать тот факт, что дети выражают подобные идеи, они пытаются по крайней мере отрицать их значение для развития. Они утверждают, что подобное желание или даже зависть действительно можно наблюдать у некоторых девочек, но она значит не больше, чем зависть к чужим игрушкам или сладостям.

Позвольте мне поэтому указать на одно обстоятельство, после чего подобное мнение покажется нам, наверное, странным, а именно на огромную роль, которую в жизни

---

[32] Даже если действительно имеют место органические изменения, например *ectopias,* субъективные жалобы часто обусловлены психическими факторами.

маленьких детей играет тело до того, как в развитии наступает психологическая дифференциация. Такое примитивное отношение к телу кажется нам, взрослым европейцам, странным. Но мы видим, однако, что другие народы, мыслящие более наивно и поэтому менее скованные в половых вопросах, достаточно открыто исповедуют культы, включающие в себя поклонение телесным символам сексуальности, особенно фаллосу, который они возводят в ранг божества и приписывают ему чудодейственную силу. Образ мышления, лежащий в основе фаллического культа, и в самом деле настолько близок детскому, что он понятен каждому, кто знаком с жизнью детей. И наоборот, он может помочь нам лучше понять мир ребенка.

Если мы признаем стадию зависти к пенису эмпирическим фактом, сразу же возникает возражение, которое с позиций рационального мышления трудно опровергнуть; оно звучит следующим образом: у девочки нет никаких причин завидовать мальчику. Ее способность к материнству дает ей неоспоримые биологические преимущества, и поэтому скорее уж следовало бы ожидать обратного, зависти к материнству в душе мальчика. Я хочу вкратце отметить, что такое явление действительно существует и от этой зависти исходит мощный импульс, побуждающий мужчину к продуктивной деятельности в культурной сфере[33]. С другой стороны, на столь ранней стадии развития девочка еще не понимает, что в перспективе у нее имеется преимущество перед мальчиками, а потому это не оберегает ее от ощущения своего невыгодного положения в данный период. И тем не менее в критике, призывающей нас не преувеличивать значение зависти к пенису, имеется рациональное зерно. Ведь и в самом деле возникающий позднее комплекс маскулинности с его зачастую катастрофическими последствиями не есть прямой результат этого раннего периода развития; он появляется сложным окольным путем.

Чтобы понять эти обстоятельства, необходимо иметь в виду, что зависть к пенису является нарциссической, она направлена на собственное Я, а не на объект. В случае благоприятного развития женщины эта нарциссическая зависть к пенису чуть ли не полностью растворяется в объектно-либидинозном желании мужчины и ребенка[34]. Это подтверждается и наблюдением, что женщины, которые обрели надежное прибежище в своей женственности, не обнаруживают сколько-нибудь заметных следов притязаний на мужскую роль.

Психоаналитические исследования, однако, показали, что существует масса возможностей заблокировать или нарушить развитие, и чтобы оно было нормальным, должны быть соблюдены многие условия. Решающей стадией для дальнейшего психосексуального развития является период, когда складываются первые объектные отношения в семье[35]. В этой фазе, которая достигает своего пика между третьим и пятым годами жизни, могут вмешаться различные факторы, побуждающие девочку отказаться от женской роли. Например, явное предпочтение, оказываемое брату, зачастую способствует возникновению у девочки выраженного стремления быть мужчиной. Еще более сильное влияние в этом смысле оказывают ранние сексуальные впечатления. Это особенно характерно для той среды, где все, что связано с сексуальностью, так или иначе скрывают от ребенка. Поэтому случайно увиденное в силу самого контраста воспринимается как нечто мерзкое и запретное. Половой акт между родителями, свидетелями которого дети так часто становятся в первые годы жизни, как правило, принимается ребенком за насилие или

---

33 Ср. лингвистическую эквивалентность таких слов, как «дитя» и «творение», «создать» и «родить».

34 Я имею в виду данные психоаналитических исследований этой стадии, известной под общим названием эдиповой ситуации. О ее связи с комплексом маскулинности см.: *Horney K.,* On the Genesis of the Castration Complex in Woman. – Int. J. Psycho-Anal, V, Part 1 (1924) (с. 14-28 в этой книге).

35 *Freud S.,* Über Triebumsetzung, insbesondere der Analerotik (1917).

издевательство над матерью. Увиденные следы менструальной крови подкрепляют мнение ребенка. Случайные обстоятельства, такие как действительное проявление жестокости со стороны отца или болезнь матери, еще больше его убеждают, что положение женщины – неприятное и опасное.

Все это глубоко затрагивает маленькую девочку, тем более что это происходит в фазе первого подъема ее сексуального развития, когда она бессознательно отождествляет собственные инстинктивные требования с материнскими. Из этих бессознательных инстинктивных требований проистекает еще один импульс, который может действовать в том же направлении. То есть чем сильнее такая ранняя женская любовная привязанность к отцу, тем сильнее опасность разочарования в отце или появления чувства вины перед матерью. Более того, эти аффекты неразрывно связаны с женской ролью. Подобная связь с чувством вины может быть следствием страха наказания за мастурбацию, которая, как известно, является в этот период физическим выражением сексуального возбуждения.

Эти тревоги и чувства вины могут полностью отвратить девочку от женской роли и побудить ее искать прибежища и безопасности в фиктивной мужественности. Желание быть мужчиной, первоначально возникшее из наивной зависти, которая в силу своей природы должна была быстро исчезнуть, теперь подкрепляется этими мощными импульсами и может привести к тем серьезным последствиям, о которых я говорила выше.

Неаналитический ум задумался бы в первую очередь о разочарованиях в последующей любовной жизни. Мы и впрямь наблюдаем иногда, что мужчина, разочарованный в женщине, обращается к гомосексуальным объектам любви. Разумеется, эти более поздние события нельзя недооценивать, однако опыт напоминает нам, что последующие неудачи в любовной жизни, как правило, являются результатом установки, сложившейся в детстве. С другой стороны, все эти последствия могут возникнуть и без такого позднего опыта.

Стоит бессознательным претензиям на маскулинность однажды взять верх, как женщина попадает в фатальный порочный круг. Поскольку она изначально искала прибежища от роли женщины в фиктивной мужской роли, то последняя, однажды возникнув, требует от нее дальнейшего отказа от женской роли, добавляя оттенок презрения. Женщине, которая построила свою жизнь на таких бессознательных претензиях, угрожает опасность с двух сторон: во-первых, мужские желания ослабляют ее чувство себя, а во-вторых, подавленная женственность в тех или иных переживаниях непременно напоминает ей о ее женской роли.

В художественной литературе описывается судьба женщины, разрываемой этим конфликтом. Мы узнаем ее в образе шиллеровской Орлеанской Девы, захваченной и унесенной водоворотом истории. В романтической исторической драме изображается героиня, терзаемая чувством вины за мимолетную любовь к врагу своей родины. Однако подобная мотивация кажется недостаточной для столь глубокого чувства вины и столь тяжких терзаний; наказание не соответствует преступлению и несправедливо. Однако глубокий психологический смысл открывается нам только в том случае, если допустить, что силой поэтической интуиции автора отображен конфликт, идущий из глубин бессознательного. Ключ к психологическому пониманию драмы следует искать в прологе, в котором Дева слышит Глас Господень, запрещающий ей все женские переживания, обещая взамен мужские почести:

Страшись надежд, не знай любви земныя;
Венчальных свеч тебе не зажигать;
Не быть тебе душой семьи родныя;
Цветущего младенца не ласкать…
Но в битвах я главу твою прославлю;
Всех выше дев земных тебя поставлю[36].

---

[36] Перевод В. А. Жуковского. – *Ред.*

Предположим, что Глас Господень психологически эквивалентен наставлениям отца – это предположение не раз подтверждалось на опыте. Таким образом, стержнем основной ситуации является запрет всех женских переживаний, связанных с чувствами героини к своему отцу; и этот запрет, спроецированный на отца, толкает ее к принятию мужской роли. Следовательно, она терзается не из-за того, что любит врага родины, а из-за того, что вообще позволила себе влюбиться, из-за того, что подавленная женственность вырвалась на свободу, сопровождаясь чувством вины. Кстати, весьма характерно, что этот конфликт приводит не только к эмоциональной подавленности героини, но и к краху ее «мужских» достижений.

В медицинской психологии довольно часто мы наблюдаем случаи, которые, хотя и не в таком масштабе, напоминают картину, созданную интуитивным гением поэта. Речь идет о женщинах, у которых возник невроз или произошло резкое изменение характера после первых сексуальных переживаний, будь то просто общее знакомство с сексом или реальный физический опыт. Резюмируя, можно сказать, что речь идет о случаях, в которых путь к специфически женской роли оказался прегражден бессознательным чувством вины или тревоги. Подобная блокировка не всегда приводит к фригидности. То, в какой мере способность к чисто женским переживаниям окажется заблокированной, зависит исключительно от интенсивности сопротивления. Мы можем наблюдать здесь непрерывную последовательность симптомов: от женщин, которые отвергают саму мысль о сексуальном опыте, до тех, в ком сопротивление проявляется только на телесном языке фригидности. Если сопротивление сравнительно невелико, фригидность, как правило, не бывает жестким и неизменным способом реагирования. При определенных, большей частью неосознаваемых условиях она может исчезнуть. Так, одним женщинам необходимо, чтобы сексуальные отношения были окружены атмосферой запретности, другим нужно, чтобы они сопровождались страданием и насилием, у третьих они возможны, если только полностью исключена эмоциональная вовлеченность. В последнем случае женщина может быть фригидной с любимым мужчиной и вместе с тем полностью капитулировать перед нелюбимым человеком, который вызывает в ней только чувственное желание.

Исходя из этих различных проявлений фригидности, можно сделать справедливый вывод о ее психогенной природе. Более того, анализ развития фригидности позволяет нам понять, что ее наличие или отсутствие в определенных психологических ситуациях всецело определяется историей индивидуального развития. Утверждение Штекеля, что «нечувственная женщина – это женщина, которая не нашла адекватной для себя формы удовлетворения», с такой точки зрения оказывается недоразумением, поскольку «адекватная форма» может быть связана с бессознательными условиями, которые либо вообще нельзя реализовать, либо они являются неприемлемыми для сознательного Я.

Тем самым рамки феномена фригидности раздвигаются. Она может сама по себе составлять важный симптом, поскольку аккумуляция либидо из-за отсутствия настоящей разрядки плохо переносится многими женщинами. Однако свое истинное значение она приобретает лишь с точки зрения нарушений развития, которые лежат в ее основе и выражением которых она является. С этих позиций становится понятно, почему так часто страдают от фригидности также другие женские функции и почему серьезные нервные расстройства у женщины едва ли не всегда сопровождаются фригидностью со всеми лежащими в ее основе запретами.

Таким образом, мы вновь возвращаемся к первоначальному вопросу о частоте этого явления. Из предложенной концепции непосредственно следует, что распространенность фригидности не есть причина для того, чтобы считать это явление нормальным, тем более теперь, когда мы можем проследить те препятствия в развитии, которые и порождают фригидность. Однако вопрос о причинах столь пугающей ее частоты остается открытым.

Для ответа на этот вопрос одних только аналитических средств недостаточно.

Психоанализ может лишь указать путь, или, лучше сказать, окольный путь развития, который ведет к фригидности. Кроме того, он позволяет нам увидеть, как легко на этот путь свернуть. Но он ничего не может сказать нам, почему так часто следуют именно этим путем, или, точнее, не может ничего сказать такого, что выходило бы за рамки предположений.

Мне кажется, что объяснение следует искать скорее в надындивидуальных, культурных факторах. Наша культура, как известно, – это мужская культура, которая, вообще говоря, не способствует раскрытию женщины и ее индивидуальности [37]. Из множества влияний, которые оказывает на женщину этот фактор, я хотела бы обратить особое внимание только на два.

Во-первых, как бы женщину ни превозносили в роли матери или возлюбленной, с точки зрения человеческих или духовных ценностей на первом месте всегда оказывается мужчина. Именно с таким впечатлением и растет маленькая девочка. Если мы осознаем, что уже с первых детских лет у девочки есть причина для зависти к пенису, то нам легко понять, в какой мере такая социальная позиция способствует оправданию ее мужских желаний на сознательном уровне и в какой мере она препятствует внутреннему принятию женской роли.

Еще один неблагоприятный фактор заключается в определенных особенностях современного мужского эротизма. Расщепление любви на чувственный и романтический компоненты, которое у женщин мы встречаем лишь иногда, у образованных мужчин, похоже, встречается столь же часто, как фригидность у женщин[38]. В результате мужчина, с одной стороны, ищет себе друга и спутницу жизни, с которой его объединяет духовная близость, но чувственное желание по отношению к ней находится под запретом и в глубине души он ждет такого же отношения и к себе. Воздействие подобной мужской установки на женщину очевидно: она с легкостью приводит женщину к фригидности, даже если запреты, которые она принесла с собой из детства, и не были непреодолимыми. С другой стороны, тот же мужчина ищет женщину и для чисто сексуальных отношений – тенденция, которая особенно отчетливо проявляется в его отношениях с проститутками. Однако и такая установка вызывает у женщины фригидность. Поскольку для женщины эмоциональная жизнь, как правило, гораздо теснее и полнее связана с сексуальностью, она не может отдаваться полностью, не будучи влюбленной или любимой. Следует учитывать, что вследствие доминирующей позиции мужчины его субъективные потребности могут быть удовлетворены в реальности. Но следует также учитывать то влияние, которое оказывают на возникновение и закрепление женских запретов традиции и воспитание. Даже такие вкратце изложенные соображения показывают, сколь мощные силы задействованы, чтобы воспрепятствовать женщине в свободном проявлении своей женственности. С другой стороны, психоанализ показывает, что в развитии женщины имеется масса возможностей и тенденций, способных изнутри привести к отказу от женской роли.

В каждом индивидуальном случае роль *экзогенных* и *эндогенных* факторов будет иной. Но в целом речь всегда идет о совместном действии тех и других. Наверное, мы вправе предположить, что более тщательное исследование способа их взаимодействия позволит нам действительно понять причины распространенности отказа от женственности.

Статья 4. Проблема моногамного идеала[39]

---

[37] *Simmel G.,* Philisophische Kultur. – Gesammelte Essays von Georg Simmel, ed. Dr. Werner Klinkhardt (Leipzig, 1911).

[38] *Freud S.,* Beitrage zur Psychologie des Liebeslebens (1910).

[39] The Problem of the Monogamous Ideal. Доклад, прочитанный на X Международном психоаналитическом конгрессе. Инсбрук, 3 сентября 1927 г. The Problem of the Monogamous Ideal. – Int. J. Psycho-Anal., Vol. IX (1928), pp. 318-331.

С некоторых пор я спрашиваю себя с возрастающим удивлением, почему же доныне нет основательных аналитических работ по проблемам брака[40], хотя каждый аналитик, несомненно, мог бы многое сказать по этому поводу, а практика и теория побуждают нас вплотную заняться этим вопросом; практика – потому, что мы ежедневно сталкиваемся с супружескими конфликтами; теория – потому, что едва ли найдется другая жизненная ситуация, столь тесно и в то же время столь явно связанная с эдиповой, как брак.

Вероятно, говорила я себе, этот вопрос слишком близко касается каждого из нас и потому не может быть привлекательным объектом научного интереса и исследовательских амбиций. Но вероятно также, что вовсе не проблемы задевают нас, а конфликты, слишком тесно соприкасающиеся с глубочайшими корнями нашего самого сокровенного личного опыта. Другая сложность состоит в том, что брак – это общественный институт, и поэтому наш подход к этой проблеме с чисто психологической точки зрения оказывается несколько ограниченным, хотя практическая важность проблемы и вынуждает нас попытаться понять ее психологическую основу.

Хотя темой моего доклада я выбрала лишь одну частную проблему, прежде все-таки мы должны попытаться сформировать (пусть в самых общих чертах) концепцию фундаментальной психической ситуации, создаваемой браком. В своей «Книге о супружестве» Кейзерлинг недавно поставил столь же удивительный, сколь и очевидный вопрос. Что же именно, спрашивает он, несмотря на постоянные неудачные браки во все века, побуждает людей к супружеству? К счастью, чтобы ответить на этот вопрос, мы уже не обязаны ни обращаться к представлению о «естественном» желании иметь мужа и детей, ни, подобно Кейзерлингу, прибегать к метафизическим объяснениям; теперь мы можем с большей точностью утверждать, что влечение, побуждающее нас к вступлению в брак, есть не что иное, как ожидание найти в нем исполнение всех наших давних желаний, проистекающих из эдиповой ситуации нашего детства, – желания быть женой отцу, владеть им как исключительной собственностью и родить ему детей. Попутно хотелось бы отметить, что, учитывая это, мы должны, пожалуй, весьма скептически отнестись к пророчествам о скором конце института брака, хотя и признаем, что в каждый конкретный период структура общества будет отражаться на форме этих вечных желаний.

Итак, исходная ситуация в браке преисполнена чреватыми риском бессознательными желаниями. Это в некоторой степени неизбежно, поскольку мы знаем, что нет средств от постоянного возвращения этих желаний, и ни сознательное проникновение в проблемы, ни опыт чужой жизни ничем реальным здесь помочь не могут. Этот натиск бессознательных желаний опасен по двум причинам. Со стороны Оно субъекту угрожает разочарование не только потому, что собственное отцовство или материнство ни в малейшей степени не соответствует той картине, которая сложилась в нашей душе под влиянием детских стремлений, но также потому, как указывает Фрейд, что жена или муж – это всегда лишь эрзац. Горечь разочарования зависит, с одной стороны, от степени фиксации, а с другой – от степени расхождения между обретенным объектом и достигнутым удовлетворением и специфическими бессознательными сексуальными желаниями.

Вместе с тем Сверх-Я угрожает опасность оживления старого запрета инцеста – на этот раз по отношению к брачному партнеру; и чем полнее осуществляются бессознательные желания, тем сильнее эта опасность. Воскрешение запрета инцеста в браке является весьма

---

[40] Это не означает, что аспекты этих проблем так или иначе не затрагивались в психоаналитической литературе. Я сошлюсь только на работы Фрейда: «Культурная половая мораль и современная нервозность» и «К вопросу о психологии любовной жизни»; Ференци: «Психоанализ сексуальных привычек»; Райха: «Функция оргазма»; Шульца-Хенке: «Введение в психоанализ»; Флюгеля: «Психоаналитическое исследование семьи». В «Книге о супружестве» (под редакцией Макса Маркузе) собраны статьи Рохайма: «Древние формы и метаморфозы брака»; Хорни: «Психическая склонность и отвращение к браку», «О психических условиях выбора супруга», «О психических корнях некоторых типичных супружеских конфликтов».

типичным и *mutatis mutandis* приводит к тем же результатам, что и в отношениях ребенка с родителями, а именно к тому, что прямые сексуальные цели уступают место отношениям привязанности, налагающим запрет на сексуальные цели. Я лично знаю лишь один случай, в котором не произошло такого развития, и жена продолжала относиться к мужу как к объекту сексуальной любви, причем эта женщина в возрасте двенадцати лет пережила реальное сексуальное удовлетворение с отцом.

Разумеется, есть и иная причина того, что сексуальность в супружеской жизни развивается в этом направлении, – при исполнении желания сексуальное напряжение ослабевает, в частности и потому, что это желание всегда может быть с легкостью удовлетворено в отношении к конкретному объекту. Но более глубокая мотивация этого типичного феномена и, главное, темп процесса и степень, до которой доходит его развитие, в некотором роде повторяют эдипово развитие[41]. Оставляя в стороне случайные факторы, форма и степень, в которых проявляется влияние ранней ситуации, зависят от того, в какой мере запрет инцеста по-прежнему заявляет о себе в качестве действующих сил в душе данного индивида. Более глубокие последствия, при всем различии его проявлений у разных людей, можно описать общей формулой: возникают определенные ограничения и условия, при соблюдении которых субъект все еще может выносить супружеские отношения, несмотря на запрет инцеста.

Как известно, подобные ограничения могут проявиться уже в выборе супруга или супруги. Например, выбираемая в жены женщина ничем не должна напоминать мать: ее национальность, социальное происхождение, интеллект или внешность должны составлять резкий контраст с материнскими. Это позволяет понять, почему браки, заключенные по расчету или через третьих лиц, часто оказываются удачнее браков по любви. Хотя сходство ситуации брака с желаниями, проистекающими из эдипова комплекса, автоматически приводит к воспроизведению ранней установки и развития субъекта, все же это повторение оказывается не столь выраженным, если бессознательные ожидания не были с самого начала привязаны к будущему мужу или жене. Более того, учитывая бессознательную склонность людей оберегать брак от наиболее грозных катастроф, надо признать, что в институте сватовства, подобном тому что имеет место у восточных евреев, была определенная психологическая мудрость.

Внутри самого брака мы видим, что такие условия могут создаваться всеми психическими инстанциями нашей души. Что касается Оно, то это всевозможные генитальные запреты: от простой сексуальной сдержанности по отношению к партнеру, исключающей разнообразие в предварительных любовных ласках или коитусе, до полной импотенции или фригидности. Далее, со стороны Я мы видим попытки успокоить себя или оправдать, которые могут принимать самые разные формы. Одна из них – отрицание брака, часто проявляющееся у женщин в виде чисто внешнего признания того факта, что они состоят в браке, без всякого внутреннего его принятия, и сопровождающееся постоянным удивлением по этому поводу, тенденцией подписываться девичьей фамилией, вести себя по-девичьи и т. п.

Но, вынуждаемое внутренней необходимостью оправдать брак для сознания, Я часто принимает и противоположную установку по отношению к супружеству, придавая ему преувеличенное значение или, точнее, выставляя напоказ любовь к мужу или жене. Можно

---

41 В своей статье «О самом обычном унижении любовной жизни» Фрейд подходит к этой проблеме сходным образом. Он спрашивает: «Верно ли, что психическая ценность объекта инстинктивного желания неизменно падает от удовлетворения этого желания?» И он напоминает нам о том, что случается с пьяницей и вином – со временем тот все более и более привязывается к излюбленному виду выпивки. Ответ Фрейда на вопрос в целом совпадает с изложенным здесь, поскольку он напоминает нам, что в нашей эротической жизни первоначальный объект может быть представлен бесконечной серией замен, «ни одна из которых не удовлетворяет нас полностью». Я хотела бы только добавить к этому объяснению, что надо помнить не только о постоянно продолжающемся поиске «настоящего» объекта любви, но также об отказе от текущего объекта из-за запрета, так легко присоединяющегося к исполнению желания.

вспомнить фразу «любовь оправдывает» и увидеть аналогию с более мягкими приговорами суда по отношению к преступникам, движимым любовью. В статье об одном случае женской гомосексуальности Фрейд отмечает, что ни в чем другом наше сознание не бывает столь несовершенным и ложным, как в оценке степени любви или неприязни, которую мы испытываем к другому человеку. Особенно это относится к браку, где сила любви зачастую переоценивается. Я долго пыталась понять, чем же это объясняется. Подобная иллюзия при недолговременных связях не была бы столь удивительной, но брак, с его постоянством отношений и более частым удовлетворением сексуального желания, казалось бы, должен покончить с сексуальной переоценкой и связанными с нею иллюзиями. Наиболее очевидный ответ, пожалуй, состоит в том, что люди вполне естественно стремятся объяснять себе высокие требования к психической жизни в браке силой чувства и поэтому крепко держатся за эту идею, даже когда само чувство перестает быть движущей силой. Тем не менее нужно признать, что такое объяснение является скорее поверхностным; пожалуй, оно проистекает из потребности в синтезе, которая, как нам известно, присуща Я и которой мы можем приписать фальсификацию фактов ради демонстрации искренней установки в столь важных для жизни отношениях.

И опять же, более глубокое объяснение дает нам обращение к эдипову комплексу. Ибо мы видим, что заповедь и обет любить супруга, с которыми человек вступает в брак, и хранить ему верность воспринимаются бессознательным как повторение четвертой заповеди. Таким образом, не любить партнера по браку становится для бессознательного столь же великим грехом, как нарушение заповеди по отношению к родителям, и в результате вновь с детальной точностью навязчиво повторяются ранние переживания – вытеснение ненависти и преувеличение любви. Теперь я думаю, что во многих случаях мы неверно будем оценивать этот феномен, если не признаем, что сама любовь может быть одним из условий, необходимых для придания подобия правоты отношениям, запрещаемым Сверх-Я. Разумеется, в таком случае сохранение любви или хотя бы видимость этого выполняет важную экономическую функцию и именно поэтому за нее так упорно держатся.

И наконец, мы бы не удивились, обнаружив, что страдание (как невротический симптом) является одним из условий, при которых брак может устоять против сильнейшего запрета инцеста. Несчастье может принимать столь разные формы, что я и не надеюсь рассказать о них в моем кратком выступлении. Поэтому я укажу лишь на некоторые из них. Так, например, домашняя или профессиональная жизнь некоторых людей бессознательно аранжируется таким образом, чтобы человек перетруждал себя или приносил чрезмерные жертвы «во благо семьи», которую он или она воспринимает как обузу. Или, опять же, мы часто наблюдаем, как после свадьбы люди жертвуют значительной частью своего личного развития, будь то в сфере профессиональной жизни или в сфере характера и интеллекта. Наконец, мы должны сюда отнести бесчисленные случаи, в которых один партнер превращается в раба другого, исполняя все его требования, причем принимает эту мучительную позицию добровольно, возможно, из-за сознательного наслаждения от повышенного чувства ответственности.

Глядя на такие браки, с удивлением спрашиваешь: почему они не распадаются, а наоборот, зачастую оказываются столь стабильными? Но по размышлении, как я уже отмечала, понимаешь, что как раз соблюдение условия несчастья и обеспечивает устойчивость подобных союзов.

Достигнув этого пункта, мы видим, что здесь отнюдь нельзя провести четкую разграничительную линию между данными случаями и теми, в которых брак окупается ценой невроза. Этих последних случаев, однако, мне не хочется касаться, поскольку в своем докладе я принципиально хочу обсудить только те ситуации, которые можно описать как норму.

Наверное, излишне говорить, что в этом обзоре мне приходится совершать некоторое насилие над реальными фактами – и не только потому, что любое из перечисленных мною условий можно истолковать иначе, но также потому, что ради четкого их представления я

брала каждое из них по отдельности, тогда как на самом деле они обычно перемешаны. Приведу пример: кое-какие из всех этих условий мы можем встретить у весьма достойных женщин, которым присуща фундаментальная *материнская* установка – установка, которая, похоже, единственно и делает брак для них возможным. Они словно говорят: «В моих отношениях с мужем я должна играть не роль жены и любовницы, но исключительно роль матери со всей вытекающей отсюда любовной заботой и ответственностью». Такая установка – надежный страж брака, но основана она на ограничениях любви, и платой за нее может быть малоинтересная внутренняя жизнь жены и мужа.

Каким бы ни был в индивидуальном случае исход дилеммы между недостаточным и чрезмерным выполнением условий, во всех особо острых случаях действуют два фактора – разочарование и запрет инцеста, – которые влекут за собой скрытую враждебность к мужу или жене, приводя к отчуждению от партнера и вынуждая его или ее невольно искать новый объект любви. Такова основная ситуация, создающая *проблему* моногамии.

Существуют и другие каналы для высвобожденного подобным образом либидо: сублимация, подавление, регрессивный катексис прежних объектов, отдушина, обретаемая в детях, но здесь мы их рассматривать не будем.

Надо признать, всегда имеется возможность того, что объектом нашей любви может стать любой другой человек. Впечатления детства и их вторичная переработка столь многообразны, что обычно они допускают выбор самых разных объектов.

Это побуждение к поиску новых объектов (опять-таки у вполне нормальных людей) может получить сильный импульс из бессознательных источников. Потому что, хотя брак и представляет собой исполнение инфантильных желаний, эти желания могут осуществляться лишь в той мере, в какой развитие субъекта позволяет ему или ей достичь подлинной идентификации с ролью отца или матери. Всякий раз, когда разрешение эдипова комплекса отклоняется от этой фиктивной нормы, мы сталкиваемся с одним и тем же явлением: в триаде «мать – отец – ребенок» данный человек в тех или иных основных моментах не расстается с ролью ребенка. В подобных случаях желания, проистекающие из такой инстинктивной установки, не могут быть непосредственно удовлетворены через брак.

Условия любви, вынесенные из детства, знакомы нам из работ Фрейда. Поэтому мне остается только напомнить о них, чтобы показать, каким образом внутренний смысл брака препятствует их осуществлению. Для ребенка объект любви неразрывно связан с идеей чего-то запретного; однако любовь к мужу или жене не только дозволена – за ней маячит зловещая идея супружеского долга. Соперничество (условием которого является наличие третьей, потерпевшей стороны) исключено самой природой моногамного брака; более того, монополия в нем – привилегия, гарантированная законом. Опять-таки бывает (но здесь с генетической точки зрения мы находимся на ином уровне, поскольку вышеуказанные условия восходят к эдиповой ситуации как таковой, в то время как те, о которых идет речь сейчас, можно проследить вплоть до фиксации на особых ситуациях, в которых с эдиповым конфликтом уже покончено), что вследствие генитальной неуверенности или соответствующей слабости в структуре нарциссизма у человека возникает навязчивое желание постоянно демонстрировать свою потенцию или эротическую привлекательность. Или, если имеют место бессознательные гомосексуальные тенденции, у субъекта возникает навязчивое желание искать объект того же пола. Что касается женщины, то она может достигнуть этого окольным путем: либо побуждая супруга к отношениям с другими женщинами, либо стремясь к таким отношениям, в которые была бы вовлечена другая женщина. Кроме того – а с практической точки зрения это, пожалуй, самая важная вещь, – там, где диссоциация в любовной жизни сохраняется, субъект вынужден сосредоточить нежные чувства не на тех объектах, которые вызывают чувственное желание.

Легко увидеть, что сохранение любого из этих инфантильных условий неблагоприятно для принципа моногамии; скорее это должно побуждать мужа или жену к поиску других объектов любви.

Такие полигамные желания, следовательно, вступают в конфликт с требованиями

партнера моногамных отношений и с идеалом верности, который мы установили для себя в нашем сознании.

Рассмотрим сначала первое из этих двух требований, поскольку очевидно, что требование жертвы от кого-то другого – явление более примитивное, чем самопожертвование. Происхождение этого требования, вообще говоря, понятно – оно, несомненно, представляет собой оживление инфантильного желания монополизировать мать или отца. Претензия на монополию отнюдь не ограничивается лишь семейной жизнью (как и следовало ожидать, учитывая, что ее источник имеется в каждом из нас); напротив, это квинтэссенция любых полноценных любовных отношений. Разумеется, в браке, как и в других отношениях, такое требование выставляется исключительно из любви, но по своему происхождению оно столь неразрывно связано с разрушительными тенденциями и враждебностью к объекту, что зачастую от любви не остается ничего, кроме ширмы, за которой осуществляются эти враждебные тенденции.

При анализе это стремление к монополии раскрывается прежде всего как производная оральной фазы, в которой оно принимает форму желания инкорпорировать объект с целью исключительного им обладания. Часто даже при простом наблюдении оно выдает свое происхождение в той жадности обладания, которая не только запрещает партнеру какие-либо иные эротические переживания, но и порождает ревность к его или ее друзьям, работе и интересам. Эти явления подтверждают ожидания, основанные на нашем теоретическом знании, а именно, что в этом собственничестве, как и в каждой орально обусловленной установке, имеется примесь амбивалентности. Порой складывается впечатление, что мужчинам не только действительно удалось навязать своим женам наивное и тотальное требование моногамной верности, причем гораздо энергичнее, чем это удалось женам в отношении своих мужей, но что и само влечение к монополии у мужчин сильнее. И на то есть серьезные основания – мужчины хотят быть уверены в своем отцовстве, – но именно оральный источник требования и придает мужчине больший импульс, потому что, когда мать его кормила, он пережил, по крайней мере частичную, инкорпорацию объекта любви, в то время как девочка не может вернуться к соответствующим переживаниям в отношении своего отца.

Деструктивные элементы тесно связаны с этим желанием и в другом аспекте. В ранние годы стремление монополизировать отцовскую или материнскую любовь натолкнулось на фрустрацию и разочарование, и в результате возникла реакция ненависти и ревности. Поэтому за таким требованием всегда скрывается ненависть, которую можно обнаружить в том, как это требование выдвигается, и которая часто прорывается наружу, если прежнее разочарование повторяется.

Та ранняя фрустрация нанесла рану не только нашей объектной любви, но и нашему самоуважению, причем в самом чувствительном месте, и мы знаем, что каждый человек отмечен подобным нарциссическим шрамом. По этой причине наша гордыня требует в дальнейшем моногамных отношений, причем тем настойчивее, чем чувствительнее была рана, нанесенная ранним разочарованием. В патриархальном обществе, где претензию на исключительное право обладания прежде мог предъявлять лишь мужчина, этот нарциссический фактор отчетливо проявился в насмешках над «рогоносцами». И здесь тоже требование верности выдвигается не из любви – это вопрос престижа. В обществе, где господствуют мужчины, оно все более и более становится делом престижа, поскольку, как правило, мужчины больше заботятся о своем статусе среди себе подобных, нежели о любви.

И наконец, требование моногамии тесно связано с анально-садистскими элементами влечения, и именно они, наряду с нарциссическими элементами, придают требованию моногамии в браке особый характер. Ибо в отличие от свободной любви вопросы обладания в браке двояким образом связаны с его историческим значением. Тот факт, что брак как таковой представляет собой экономическое партнерство, имеет меньшее значение, чем представление, согласно которому женщина принадлежит мужчине подобно любому другому имуществу. То есть, даже если муж не обладает выраженными анальными чертами

характера, эти элементы обретают силу в супружестве и превращают требование любви в анально-садистское притязание на собственность. Элементы, проистекающие из этого источника, в самой грубой их форме можно найти в старинных уголовных уложениях, касавшихся наказания неверных жен, но и в нынешних браках они по-прежнему часто проявляются в средствах, которыми мужчина пытается осуществить свои претензии: от более или менее мягкого принуждения до неусыпной подозрительности, рассчитанной на то, чтобы извести партнера, – и то и другое знакомо нам из анализа неврозов навязчивости.

Таким образом, источники, из которых черпает силы идеал моногамии, представляются достаточно примитивными. Но, несмотря на его, так сказать, скромное происхождение, он превратился во властную силу и, как мы видим, разделил судьбу других идеалов, в которых находят свое удовлетворение элементарные инстинктивные импульсы, отвергнутые сознанием. В данном случае процессу содействует то, что исполнение некоторых наиболее вытесненных наших желаний является в то же время ценным достижением в различных социальных и культурных аспектах. Как показал Радо в своей статье «Тревожная мать»[42], формирование такого идеала позволяет ограничить критические функции Я, которые в противном случае указали бы ему, что эту претензию на постоянную монополию хотя и можно понять как *желание,* но как *требование* она не только трудновыполнима, но и неправомерна; более того, она скорее является попыткой осуществить нарциссические и садистские импульсы, нежели говорит о желании настоящей любви. Согласно Радо, формирование этого идеала обеспечивает Я «нарциссическую безопасность», под покровом которой оно может дать волю всем тем влечениям, которые в противном случае ему следовало бы осудить, и в то же самое время вырасти в собственных глазах, ощущая, что его претензии справедливы и идеальны.

Разумеется, чрезвычайно важно, что эти требования санкционированы законом. В реформаторских предложениях, проистекающих из осознания опасностей, которым подвержен брак именно из-за своего принудительного характера, по этому пункту обычно делается исключение. Тем не менее такая санкция закона является, пожалуй, лишь внешним, наглядным выражением той ценности, которое это требование имеет в сознании людей. И когда мы осознаем, на сколь глубокой инстинктивной основе покоится притязание на монопольное обладание, мы понимаем также, что, если бы человечество лишилось его нынешнего идеального оправдания, мы тут же любой ценой, тем или иным способом нашли бы новое. Более того, до тех пор пока общество придает моногамии особое значение, оно с точки зрения психической экономики заинтересовано в том, чтобы было достигнуто удовлетворение элементарных влечений, стоящих за этим требованием, и тем самым компенсировано связанное с ним ограничение.

Имея такую общую основу, требование моногамии в индивидуальных случаях может усиливаться с разных сторон. Иногда господствующую роль в экономике влечений может играть лишь один из компонентов этого требования, или же свой вклад вносят все те факторы, которые мы считаем движущими силами ревности. Фактически мы могли бы описать требование моногамии как попытку застраховаться от мук ревности.

Так же как и ревность, оно может быть вытеснено чувством вины, нашептывающим, что у нас нет права на исключительное обладание отцом. Или опять-таки оно может заслониться другими инстинктивными целями, как, например, в хорошо известных нам явлениях скрытой гомосексуальности.

Далее, как я уже говорила, полигамные желания вступают в противоречие с нашим собственным идеалом верности. В отличие от требования моногамии, которое мы предъявляем другим, наша установка в отношении собственной верности не имеет прямого прототипа в детских переживаниях. Его содержанием является ограничение влечения, поэтому оно отнюдь не элементарно, но изначально представляет собой трансформацию

---

[42] Int. J. Psycho-Anal., Vol. IX (1928).

влечения.

Как правило, с требованием моногамии мы чаще встречаемся у женщин, чем у мужчин, и мы спрашиваем себя, почему это так. Вопрос для нас не в том (как это часто утверждают), действительно ли мужчина от природы более склонен к полигамии, хотя бы уж потому, что мы слишком мало знаем о природной предрасположенности. Но помимо этого, такое утверждение явно представляет собой тенденциозную уловку в пользу мужчин. Я полагаю, однако, что мы вправе задать вопрос, какими же психологическими факторами объясняется то, что в реальной жизни мужская верность встречается гораздо реже женской.

Этот вопрос допускает несколько ответов, поскольку нельзя отделять исторические и социальные факторы. К примеру, мы можем подумать о том, в какой мере большая верность женщин может быть вторично обусловлена тем, что мужчины навязывают свое требование моногамии куда более эффективным способом. Я имею в виду не только экономическую зависимость женщин, не только драконовские наказания за женскую неверность; речь идет о более сложных факторах, которые Фрейд прояснил в «Табу девственности», – прежде всего о мужском требовании, чтобы женщина вступала в брак девственницей, с тем чтобы обратить ее в своего рода «сексуальное рабство».

С аналитической точки зрения в связи с этой проблемой возникают еще два вопроса. Первый: учитывая, что вероятность зачатия делает половой акт в физиологическом отношении вещью, для женщины гораздо более важной, чем для мужчины, не следует ли ожидать, что этот факт каким-то образом будет представлен и психологически? Лично я была бы удивлена, окажись это не так. Нам так мало об этом известно, что до сих пор мы не сумели выделить особый репродуктивный инстинкт, но всегда довольствовались рассмотрением его психологической надстройки. Мы знаем, что диссоциация между «духовной» и чувственной любовью, которая столь сильно влияет на способность хранить верность, является преимущественно – более того, чуть ли не исключительно – мужским свойством. Не здесь ли находится то, что мы искали – психический коррелят биологического различия между полами?

Второй вопрос вытекает из следующих соображений. Различие в разрешении эдипова комплекса у мужчин и у женщин может быть сформулировано следующим образом: мальчик более радикально отказывается от первичного объекта любви во имя своей генитальной гордости, тогда как девочка остается более фиксированной на личности отца, но может поступить так же, очевидно, только при условии, что она в значительной мере откажется от своей сексуальной роли. В таком случае вопрос заключается в том, не находим ли мы в дальнейшей жизни свидетельство подобного различия между полами именно в женских более фундаментальных и общих генитальных запретах и не облегчает ли как раз эта позиция соблюдение верности. Ведь точно так же мы гораздо чаще сталкиваемся с фригидностью, чем с импотенцией, а то и другое суть проявления генитальных запретов.

Таким образом, мы вышли на один из факторов, который можно, пожалуй, рассматривать в качестве основного условия верности, а именно – на генитальный запрет. Однако достаточно нам вспомнить о тенденции к неверности, характерной для фригидных женщин и мужчин со слабой потенцией, и мы поймем, что, хотя такая формулировка условия сохранения верности и не является, пожалуй, совершенно неверной, она все же нуждается в серьезных уточнениях.

Мы продвинемся еще несколько дальше, если примем во внимание, что люди, у которых верность принимает навязчивый характер, за условными запретами часто скрывают чувство сексуальной вины[43]. Все, что запрещено условным соглашением – а это включает в себя все сексуальные отношения, не санкционированные браком, – нагружается всей тяжестью бессознательных запретов, и именно это придает условному соглашению значительный моральный вес. Как и следовало ожидать, с подобными проблемами

---

[43] Эта связь очень четко показана в романе Сигрид Унсет «Кристин, дочь Лавранса».

сталкиваются те люди, которые способны вступить в брак лишь при соблюдении определенных условий.

Здесь чувство вины в отношении жены или мужа переживается особенно остро. Партнеру бессознательно приписывается роль родителя, которого жаждет и любит ребенок, и, кроме того, оживает прежний страх перед запретами и наказаниями, который связывается теперь с женой или мужем. В особенности реактивируется застарелое чувство вины за занятия онанизмом и, под давлением четвертой заповеди, создается все та же насыщенная чувством вины атмосфера преувеличенного долга или появляется раздражительность. В других случаях мы наблюдаем атмосферу неискренности или же смешанную со страхом реакцию тревоги из-за утаивания от партнера. Я склонна предположить, что неверность и онанизм связаны между собой гораздо более непосредственно, а не только чувством вины. Не подлежит сомнению, что изначально в онанизме находят физическое выражение сексуальные желания, направленные на родителей. Но, как правило, в фантазиях при мастурбации место родителей уже в самом раннем возрасте занимают другие объекты; поэтому такие фантазии, как и первичные желания, представляют собой первую измену ребенка родителям. То же самое относится и к ранним эротическим переживаниям, связанным с братьями и сестрами, товарищами по играм, прислугой и т. д. Подобно тому как онанизм представляет собой первую измену в области фантазии, эти переживания представляют ее в реальности. И в анализе мы обнаруживаем, что люди, сохранившие особо острое чувство вины по поводу тех ранних событий, реальных или вымышленных, по этой самой причине с невероятной тревожностью стараются избежать любого проявления неверности в браке, поскольку измена означала бы повторение прежней вины.

Зачастую речь идет о пережитках прежней фиксации, которая вновь возникает у людей с навязчивой верностью, противоречащей их сильным полигамным желаниям.

Но верность может иметь и совершенно иную психологическую основу, которая либо сосуществует у одного и того же человека с той, что рассмотрена выше, либо является совершенно независимой. Эти люди по какой-либо из упомянутых мной причин особо чувствительны к своей претензии на исключительное обладание партнером и поэтому – как реакция – предъявляют такое же требование и к себе. На сознательном уровне им кажется, что они просто обязаны сами выполнять требования, предъявляемые к другим, но в подобных случаях действительная причина лежит глубже – в фантазиях о всемогуществе, в соответствии с которыми собственный отказ от внебрачных отношений является своего рода магическим действом, якобы заставляющим отказаться от них и партнера.

Теперь мы видим, какие мотивы стоят за требованием моногамии и с какими силами это требование вступает в конфликт. Используя сравнение из физики, мы могли бы назвать эти противоположные импульсы центробежными и центростремительными силами брака, и мы должны сказать, что в этом испытании на прочность силы противников равны. И тот и другой черпают свою движущую энергию из самых элементарных и непосредственных желаний, проистекающих из эдипова комплекса. Те и другие импульсы неизбежно мобилизуются в супружеской жизни, хотя и со всевозможными вариациями в степени их активности. Это позволяет нам понять, почему никогда не удавалось и не удастся найти общий принцип разрешения супружеских конфликтов. Даже в индивидуальных случаях, хотя мы можем отчетливо видеть, какие мотивы здесь задействованы, мы сможем понять, к каким результатам на самом деле привело то или иное поведение, только рассмотрев его в свете аналитического опыта.

Короче говоря, мы видим, что элементы ненависти могут прорваться наружу не только когда принцип моногамии нарушен, но и когда он соблюдается, и что проявляться эти элементы могут весьма и весьма по-разному; что чувства ненависти, направленные на партнера, также могут принимать самые разные формы и что с обеих сторон эти чувства делают свое дело, подрывая фундамент, на котором должен строиться брак, – нежную привязанность между мужем и женой. Оставим моралистам решать, каким должен быть верный курс.

Как бы то ни было, достигнутое таким образом понимание избавляет нас от полной беспомощности перед лицом подобных супружеских конфликтов. Открытие бессознательных источников, которые их питают, может ослабить не только идеал моногамии, но и полигамные тенденции, благодаря чему появится возможность одолеть эти конфликты. Приобретенные нами знания помогут нам и иным образом. Наблюдая конфликты двух людей в супружеской жизни, зачастую мы невольно начинаем думать, что единственным выходом для них будет развод. Но чем глубже мы понимаем неизбежность этих и всех прочих конфликтов в любом браке, тем более основательным становится наше убеждение, что отношение к таким непроверенным личным впечатлениям должно быть крайне сдержанным, и тем большей наша способность контролировать их в реальной жизни.

Статья 5. Предменструальное напряжение[44]

Едва ли следует удивляться тому, что столь заметное событие, как менструация, является отправной точкой и фокусом исполненных тревоги фантазий. Особенно потому, что мы стали более осведомленными в той степени тревожности, которая сопутствует всему сексуальному. Наш опыт основан как на анализе индивидуальных случаев, так и на весьма впечатляющих этнологических фактах. Такие тревожные фантазии присущи обоим полам; табу первобытных народов[45] красноречиво свидетельствуют о глубоком страхе мужчины перед женщиной, сосредоточенного именно на менструации. Анализ любой женщины показывает, что с появлением менструальной крови в ней пробуждаются жестокие импульсы и фантазии активного и пассивного характера. Хотя наше понимание этих фантазий и их значения для женщины остается пока неудовлетворительным, оно уже дало нам в руки полезный практический инструмент: оно позволило нам терапевтически влиять на многообразные психологические и функциональные расстройства менструации. Примечательно, что до сих пор так мало внимания уделялось тому факту, что расстройства имеют место не только во время менструации, но и в дни, ей предшествующие, причем гораздо чаще, хотя и не столь заметно. Эти расстройства общеизвестны: они представляют собой различную степень внутреннего напряжения от ощущения скуки, безразличия или заторможенности до возрастающего недовольства собой, явно выраженной угнетенности и тяжелой депрессии. Ко всем этим чувствам часто примешивается раздражительность или тревожность. Создается впечатление, что такие колебания настроения являются скорее нормальными переживаниями, а не подлинно менструальными расстройствами. Они часто встречаются у здоровых во всех прочих отношениях женщин и обычно не производят впечатления патологического процесса. Кроме того, они лишь в редких случаях сопровождаются психологическими расстройствами или конверсионной истерией.

По-видимому, эти явления не имеют отношения к фантазиям на тему менструального кровотечения. И хотя они могут обернуться действительными менструальными расстройствами, обычно с началом кровотечения ослабевают, сменяясь чувством облегчения. Некоторые женщины каждый раз удивляются такой связи с менструацией. Чувство облегчения, испытываемое с началом кровотечения, они с настойчивостью объясняют тем, что весь мучительный кошмар был всего лишь иллюзией, вызванной чисто физиологическим процессом. Другой довод, поддерживающий теорию, что подобные состояния никак не связаны с кровотечением и его интерпретацией, состоит в том, что они нередко возникают еще до первого менструального цикла, то есть на той стадии, когда

---

[44] Die pramenstruellen Verstimmungen. – Zeitschr. f. psychoanalytische Padagogik, Bd. 5, № 5-6(1931), S. 1-7.

[45] Я не буду здесь разбирать причины табу, окружающих менструацию, а сошлюсь только на глубокие и информативные статьи С. Д. Дали «Мифология хинду и комплекс кастрации» (1928) и «Комплекс менструации» (1928) [См. также письмо Дали в: Zeitchr. f. psychoanalytische Padagogik, Bd. 5, № 5-6.]

невозможно установить даже самую отдаленную связь между ними и ожидаемым кровотечением. Психологический процесс подобен физиологическому в том смысле, что менструация отнюдь не сводится просто к кровотечению.

Предменструальное напряжение больше интересует нас, нежели физиологически ориентированных терапевтов. Они знают, что главные, и, возможно, самые главные, события всего процесса происходят до начала кровотечения, и поэтому вполне довольствуются общими словами о том, что психологические тяготы обусловлены физически.

Пожалуй, было бы полезно вкратце перечислить эти события. Примерно в середине цикла в одном из яичников созревает яйцеклетка, окружающие ее мембраны (фолликулы) лопаются, и яйцеклетка по фаллопиевым трубам перемещается в матку, в которой в случае оплодотворения и остается. В течение примерно двух недель яйцеклетка остается жизнеспособной и готовой к оплодотворению. Тем временем лопнувшие оболочки яйцеклетки превращаются в *corpus luteum.* Это желтое тело в функциональном отношении является эндокринной железой, то есть оно выделяет вещество, которое недавно удалось получить в чистом виде. Его назвали «эстрогенным гормоном» из-за способности вызывать цикл течки даже у мышей с удаленными яичниками[46]. Эстрогенный гормон воздействует на матку таким образом, что слизистая оболочка, выстилающая изнутри матку, изменяется словно перед наступлением беременности; то есть внутренняя слизистая оболочка матки набухает кровью, как губка, а находящиеся внутри нее железы наполняются секреторной жидкостью. Если оплодотворение не происходит, верхние слои слизистой отторгаются, вещества, накопленные для развития эмбриона, выбрасываются, а мертвая яйцеклетка уносится последующим потоком крови. Одновременно начинается регенерация слизистой оболочки.

Функция эстрогенного гормона этим не исчерпывается; остальные части гениталий также набухают, равно как и грудь, увеличение которой нередко можно заметить даже в период, предшествующий циклу. Более того, гормон вызывает определенные изменения крови, кровяного давления, метаболизма и температуры. Глядя на размах подобных явлений, мы говорим о великом ритмическом цикле в жизни женщины, биологическое значение которого заключается в ежемесячной подготовке к процессу прокреации.

Само по себе знание об этих биологических событиях еще не дает нам никакой информации о специфически психологическом содержании предменструального напряжения, но тем не менее оно необходимо для понимания этого состояния, поскольку определенные психологические процессы следуют параллельно с физическими или даже обусловлены ими.

Такое утверждение, по сути, не ново. Является установленным факт, что наряду с описанными событиями происходит повышение сексуального либидо. Это параллельное событие можно отчетливо наблюдать у животных, именно поэтому данный гормон и получил название эстроген. Мы согласны с известными исследователями, такими, как Хэвлок Эллис, который предполагает, что такой же параллельный психологический процесс повышения либидо имеет место и у женщины. Таким образом, женщина сталкивается с проблемой, поставленной перед ней культурными ограничениями, – необходимостью справиться с нарастающим в ней либидинозным напряжением. Иными словами, если имеется возможность для удовлетворения основных инстинктивных потребностей, проблема разрешается просто. Она становится сложной лишь тогда, когда такие возможности – в силу внешних или внутренних причин – отсутствуют. Эта взаимосвязь находит подтверждение и у здоровых женщин, то есть у женщин, психосексуальное развитие которых протекало в целом без нарушений. Их менструальные нарушения полностью исчезают в период нормальной любовной жизни и возникают вновь при внешней фрустрации или негативных переживаниях. Наблюдение за механизмами, приводящими к появлению этого напряжения,

---

46 Estrus – течка, период гормонального цикла у самок, во время которого возможно зачатие. – *Ред.*

показывает, что мы здесь имеем дело с женщинами, которые по тем или иным причинам плохо переносят фрустрацию, реагируют на нее гневом[47], но не могут излить этот гнев вовне или могут сделать это лишь отчасти и поэтому обращают его на себя.

Более серьезные симптомы и более сложные механизмы обнаруживаются у женщин, которые остаются неудовлетворенными вследствие эмоциональных запретов. Создается впечатление, что они еще способны удержать шаткое равновесие, хотя и ценой утраты части жизненной силы. Однако когда либидо возрастает, оно оказывается запруженным, и равновесие нарушается. В результате возникают регрессивные явления, различные у каждого индивида и выражающиеся с точки зрения симптоматики в воспроизведении инфантильных реакций.

Эти рассуждения подкреплены клиническим опытом и едва ли вызовут возражения. Однако мы должны задать себе вопрос, не существуют ли условия, ограничивающие такую причинную связь, ведь предменструальное напряжение, особенно в легкой форме, хотя и встречается часто, но все же не так часто, как следовало бы ожидать. Мы даже не всякий раз обнаруживаем его при неврозе. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо соотнести характерное возрастание и преобразование генитального либидо при неврозе с наличием либо отсутствием предменструального напряжения. Это, возможно, сделает для нас более понятными некоторые аспекты индивидуальных состояний. Прежде всего надо повторить наш вопрос: действительно ли возрастание либидо как таковое является основной причиной напряжения, возникающего в этот период?

Фактически мы рассматривали до сих пор эффект психологического аспекта события, пренебрегая эффектом от другого аспекта, имеющего решающее значение с биологической точки зрения. Нам следует помнить, что биологическим смыслом возрастания либидо является подготовка к зачатию, а значительные органические изменения служат подготовке к беременности.

Поэтому мы должны спросить: возможно ли, чтобы женщина бессознательно знала об этих процессах? Возможно ли, чтобы физическая готовность к беременности таким образом проявлялась в психической жизни?

Обратимся к нашему опыту. Мои собственные наблюдения явно говорят в пользу такой возможности. Пациентка Т. спонтанно рассказала, что перед месячными ее сны всегда становились чувственными и в них преобладали красные тона, она ощущала себя словно находящейся под гнетом чего-то нечистого и греховного, а тело казалось переполненным и тяжелым. С началом менструации она тотчас испытывала облегчение. Ей часто приходили в голову мысли, что у нее появился ребенок. Некоторые детали из ее биографии: она была старшей из трех дочерей властной и сварливой матери. Отец пациентки относился к ней со своего рода рыцарской нежностью. В совместных поездках отца и дочь часто принимали за супружескую пару. В восемнадцать лет она вышла замуж за человека на тридцать лет старше себя, и характером, и внешностью походившего на ее отца. Несколько лет она прожила счастливо без каких бы то ни было с ним сексуальных отношений. Весь этот период она испытывала выраженную неприязнь к детям. Позднее, когда супружеская и жизненная ситуации постепенно перестали ее удовлетворять, изменилось и ее отношение к детям. Она решила пойти работать, и делая трудный выбор между работой учителя начальных классов и акушерки, она предпочла первое. Она много лет проработала учителем и всегда с любовью относилась к детям. Затем эта профессия стала ей отвратительна. Она стала чувствовать, что эти дети – не ее, а других людей. Половые отношения она отвергала, за исключением краткого периода, когда вместо наступления желанной беременности у нее возникла фиброзная опухоль, из-за которой она была вынуждена подвергнуться гистероктомии. Похоже, сексуальное желание пробудилось в ней лишь после того, как ее желание иметь

---

[47] Форма, которую принимает такая реакция, не имеет отношения к прояснению общей картины протекающих процессов.

ребенка стало несбыточным. Я надеюсь, что этого весьма неполного очерка все же достаточно, чтобы продемонстрировать одну вещь – наиболее глубоко вытесненным в данном случае было желание иметь ребенка. В невротической структуре этой женщины отчетливо проявились аспекты материнской, равно как и детской позиции, и в целом она представляла собой переработку все той же центральной проблемы.

Я не хочу здесь вдаваться в вопрос, что именно в данном случае усилило желание иметь ребенка и что привело к столь сильному вытеснению. Достаточно будет указать на то, что в этом случае, как и во многих ему подобных, желание иметь ребенка было в значительной степени катектировано тревогой или чувством вины в связи с деструктивными импульсами.

Подобное вытеснение в крайних случаях приводит к полному отвержению желания иметь детей. Без всякого исключения и совершенно независимо от невротической структуры в целом я обнаруживала предменструальное напряжение в тех случаях, в которых с определенной уверенностью можно было говорить о наличии особенно сильного желания иметь ребенка, но это желание наталкивалось на столь сильное внутреннее противодействие, что для его осуществления не оставалось даже отдаленной возможности. Это вызывает удивление и приводит к предположению, что в тот момент, когда организм готовится к зачатию, вытесненное желание иметь ребенка мобилизуется всем своим контркатексисом, приводя к нарушению психического равновесия. Сны, раскрывающие этот конфликт, с поразительным постоянством повторяются в период, непосредственно предшествующий менструации. Однако чтобы проверить, сколь часто встречается такое временное совпадение со снами, которые в той или иной форме связаны с проблемой материнства, необходимы более точные тесты. Например, предменструальное напряжение постоянно возникало у одной моей пациентки, высказывавшей сильное желание иметь ребенка, но испытывавшей тревогу и страх перед каждым этапом его возможного осуществления, начиная со страха перед половым актом и кончая тревожностью по поводу ухода за ребенком; аналогичное напряжение имело место у женщины, которая боялась умереть от родов, и этот страх препятствовал возможному осуществлению ее огромного желания иметь детей.

Мне кажется, что состояния предменструального напряжения возникают менее регулярно в тех случаях, в которых желание иметь ребенка хотя и вызывает конфликт, но все же реализуется. Я имею в виду женщин, для которых материнство стало решающим событием в жизни, но у которых сопутствовавшие бессознательные конфликты проявлялись в той или иной форме, например в тошноте по утрам, слабости потуг или чрезмерной опеке своих детей.

Здесь я могу, хотя и с величайшей осторожностью, подытожить свои впечатления. Очевидно, что подобное напряжение может возникать в тех случаях, в которых желание иметь ребенка было усилено неким переживанием, но реальное осуществление этого желания по каким-либо причинам становится невозможным. Тот факт, что эти состояния нельзя объяснять исключительно возрастанием либидинозного напряжения, стал для меня очевиден благодаря наблюдению за женщиной с очень выраженным, но осложненным многочисленными конфликтами стремлением к материнству. Она страдала от сильного предменструального напряжения, несмотря на то что в то время ее сексуальные отношения с мужчиной были вполне удовлетворительные. По определенным причинам, однако, у нее не было возможности осуществить свое желание иметь ребенка, которое в то время было особенно сильным. Перед месячными ее грудь обычно набухала. В этот период жизни постоянно велись разговоры о проблеме деторождения, иногда под предлогом обсуждения противозачаточных средств, их эффективности и приносимого вреда.

Еще одно явление, которого я до сих пор не касалась, показывает, что возрастание либидо хотя и вносит свой вклад в создание предменструального напряжения, однако не является его специфической причиной. Я имею в виду облегчение, которое испытывает женщина с началом менструации. Поскольку нарастание либидо продолжается на протяжении всего менструального цикла, внезапный спад эмоционального напряжения

нельзя понять с этой точки зрения. С другой стороны, начало кровотечения кладет конец фантазиям о беременности, как это было выражено пациенткой Т.: «Вот и появился ребенок». Индивидуальные психологические процессы могут быть весьма различными. В одном из перечисленных выше случаев на передний план выступала идея самопожертвования. С наступлением месячных у женщины, о которой идет речь, возникала мысль: «Бог принял жертву». Точно так же индивидуально по-разному спад напряжения может быть связан с бессознательным исполнением фантазий, представленных кровотечением, или с успокоением Сверх-Я, поскольку положен конец строго-настрого запрещенным фантазиям. Здесь важно, что с началом менструации они ослабевают.

Подведем вкратце итоги. Из всего вышесказанного возникает гипотеза, что предменструальное напряжение непосредственно вызывается физиологическими процессами подготовки к беременности. Я настолько убеждена в этой связи, что при наличии расстройства такого рода ожидаю обнаружить в основе болезни и структуры личности конфликты, связанные с желанием иметь ребенка. Полагаю, что мои ожидания еще ни разу не оказались обманутыми.

Я хочу еще раз указать границы данной концепции, отделяющей ее от концепции гинекологов. Речь идет не о базальной слабости, состоянии, которое привело бы нас к тенденциозному выводу о недостаточной дееспособности женщин. Скорее я придерживаюсь мнения, что этот особый период женского цикла является трудным только для тех женщин, у которых идея материнства исполнена огромным внутренним конфликтом.

Вместе с тем я считаю, что материнство представляет для женщин куда более важную проблему, чем полагает Фрейд. Фрейд постоянно утверждает, что желание иметь ребенка есть нечто «всецело принадлежащее психологии Я»[48], что оно возникает только вторично из-за разочарования в связи с отсутствием пениса[49] и поэтому не является первичным влечением.

Я же, напротив, чувствую, что хотя желание иметь ребенка и в самом деле может быть вторично усилено желанием иметь пенис, само оно первично и имеет глубокие биологические корни. Результаты наблюдений предменструального напряжения, пожалуй, становятся понятными лишь на основе этой фундаментальной концепции. И я считаю, что как раз эти наблюдения могли бы показать, что желание иметь ребенка соответствует всем условиям, которые сам Фрейд считал неотъемлемыми для «влечения». Влечение к материнству, таким образом, иллюстрирует «психическую репрезентацию непрерывного потока внутрисоматических стимулов»[50].

Статья 6. Недоверие между полами[51]

Предлагая вам обсудить некоторые проблемы в отношениях между полами, я должна заранее извиниться за возможное разочарование: я не буду касаться в первую очередь тех аспектов проблемы, которые представляются наиболее существенными врачу, и лишь в самом конце вкратце затрону вопрос терапии. Прежде всего я хочу показать вам некоторые психологические причины недоверия между полами.

---

48 *Freud S.,* Über Triebumsetzung, insbesondere der Analerotik (1917).

49 *Freud S.,* Einige psychische Folgen des anatomischen Geschlechtsunterschieds (1925).

50 *Freud S.,* Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie (1905).

51 Лекция, прочитанная на заседании Берлинско-Бранденбургского отделения Женской медицинской ассоциации Германии 20 ноября 1930 г. Das Misstrauen zwischen den Geschlechtern. – Die Arztin, VII (1931), S. 5-12.

Отношения между мужчинами и женщинами во многом напоминают отношения между родителями и детьми, в которых мы предпочитаем фокусироваться на позитивных аспектах. Нам хочется верить, что любовь является неким фундаментальным фактором, а враждебность – всего-навсего случайным обстоятельством, которого вполне можно избежать. Хотя всем нам известны лозунги вроде «битвы полов» и «враждебности между полами», надо признать, что мы не склонны придавать им особого значения. Они излишне заостряют внимание на сексуальных отношениях между мужчинами и женщинами и поэтому с легкостью приводят к чересчур одностороннему взгляду на эту проблему. Действительно, вспоминая многие известные нам истории болезни, мы могли бы прийти к выводу, что любовные отношения довольно часто разбиваются об открытую или скрытую враждебность. И тем не менее мы склонны приписывать эти трудности невезению человека, несовместимости партнеров или экономическим и социальным причинам.

Индивидуальные факторы, которые мы считаем причиной плохих отношений между мужчинами и женщинами, вполне могут иметь место. Однако в силу огромной распространенности, или лучше сказать, повсеместности неурядиц в любовных отношениях мы должны задать себе вопрос, не проистекают ли эти неурядицы в индивидуальных случаях из некоторого общего источника; нет ли некоего общего знаменателя у той подозрительности, которая с такой легкостью и постоянством возникает между полами?

В рамках краткой лекции едва ли стоит пытаться дать вам полный обзор столь обширной темы. Поэтому я не буду даже касаться таких факторов, как происхождение и влияние социальных институтов, и в первую очередь брака. Я намерена лишь выбрать наугад несколько понятных с психологической точки зрения факторов и перейти к рассмотрению причин и последствий враждебности и напряженности в отношениях между полами.

Я бы хотела начать с чего-то совершенно банального, а именно с того, что эта атмосфера подозрительности во многом понятна и даже оправданна. Она, по-видимому, связана не с определенным партнером, а скорее с интенсивностью аффектов и неспособностью с ними справиться.

Мы знаем или смутно ощущаем, что подобные аффекты могут привести в экстаз, вывести человека из равновесия, отказаться от себя, то есть совершить прыжок в беспредельное и бескрайнее. Вероятно, именно поэтому подлинная страсть столь редка. Как хороший бизнесмен, мы опасаемся класть все яйца в одну корзину. Мы стараемся быть сдержанными и всегда готовы к отступлению. Наш инстинкт самосохранения вызывает естественный страх потерять себя в другом человеке. Как раз поэтому то, что происходит с любовью, происходит с воспитанием и с психоанализом: каждый мнит себя здесь знатоком, но мало кто в них разбирается. Человек склонен не замечать, как мало он дает другому, но с легкостью обнаруживает этот изъян в партнере, чувствуя, что «ты никогда на самом деле меня не любил». Жена, лелеющая мысли о самоубийстве из-за того, что супруг не уделяет ей всю свою любовь, все свое время, все внимание, не желает замечать, сколько враждебности, скрытой мстительности и агрессии выражено этой ее установкой. Она будет испытывать лишь отчаяние, поскольку «полна любви» и в то же время остро чувствует и отчетливо видит недостаток любви у партнера. Даже Стриндберг (который, как известно, был женоненавистник), защищаясь, умудрился как-то сказать, что это не он ненавидел женщин, а женщины ненавидели и третировали его.

Речь здесь идет отнюдь не о патологических феноменах. В патологических случаях мы наблюдаем, как правило, лишь искажение и преувеличение того же общего и нормального явления. Каждый из нас склонен в определенной мере забывать о собственных враждебных побуждениях и, под гнетом своей нечистой совести, проецировать их на партнера. Такой процесс, естественно, вызывает открытое или скрытое недоверие к любви партнера, его верности, искренности или доброжелательности. Вот почему я предпочитаю говорить о недоверии между полами, а не о ненависти; и по собственному опыту нам более знакомо чувство недоверия.

Еще один источник разочарования и недоверия в обычной любовной жизни, которого

едва ли можно избежать, состоит в том, что сама уже интенсивность чувства любви пробуждает все наши тайные ожидания и мечты о счастье, дремлющие в глубине нашей души. Все наши бессознательные желания, противоречивые по своей природе и безгранично распространяющиеся во все стороны, ждут здесь своего исполнения. Партнер должен быть сильным и в то же время беспомощным, вести и быть ведомым, быть аскетичным и чувственным. Он должен насиловать нас и быть нежным, отдавать нам все свое время и напряженно заниматься творческим трудом. Пока мы считаем, что он действительно может осуществить все эти ожидания, он окружен ореолом сексуальной переоценки. Масштабы этой переоценки мы принимаем за меру нашей любви, хотя на самом деле она отражает лишь наши ожидания. Сама природа наших притязаний делает их исполнение невозможным. Именно здесь коренится источник разочарований, с которыми мы умеем более или менее успешно справляться. При благоприятных условиях мы даже не замечаем большую часть своих разочарований точно так же, как не подозреваем и о масштабах наших тайных ожиданий. Но в нас остаются следы недоверия, как у ребенка, который обнаружил, что достать звезды с неба отец все-таки не может.

Пока в наших рассуждениях не было ничего нового и специфически аналитического, это не раз уже было сформулировано – и даже лучше – в прошлом. Аналитический подход начинается с вопроса: какие специфические факторы в развитии человека приводят к расхождению между ожиданиями и их осуществлением и в чем причины того, что они приобретают особое значение в отдельных случаях? Начнем с общего рассуждения. Между развитием человека и животного существует фундаментальное различие, а именно длительный период детской беспомощности и зависимости. Рай детства – это чаще всего иллюзия, которой тешат себя взрослые. Для ребенка, однако, этот рай населен множеством грозных чудищ. В том числе, похоже, неизбежны и неприятные переживания, связанные с противоположным полом. Вспомним хотя бы, что с самых ранних лет дети способны к инстинктивным и страстным сексуальным желаниям, похожим на желания взрослых и все же отличным от них. Дети отличаются целями своих влечений, но прежде всего исконной целостностью своих требований. Им трудно выразить свои желания прямо, но даже если это удается, никто не принимает их всерьез. Серьезность желаний порой принимают за шутку, а то и вовсе не замечают или отвергают. Короче говоря, дети приобретают болезненный и унизительный опыт отвержения, предательства и обмана. Они могут также быть отодвинуты на второй план родителями, братьями и сестрами; они подвергаются угрозам и запугиваниям, когда, играя с собственным телом, пытаются достичь того удовольствия, в котором им отказали взрослые. Перед лицом всего этого ребенок оказывается беспомощным. Он не может дать выход всей своей ярости, не может осмыслить разумом свои переживания. Таким образом, гнев и агрессия оказываются запертыми внутри него и приобретают форму причудливых фантазий, которые с трудом достигают дневного света сознания, фантазий, которые с позиции взрослого преступны, фантазий, которые простираются от фантазий о насилии и похищении до фантазий об убийстве, поджоге, разрубании на куски и удушении. И поскольку ребенок смутно сознает эти разрушительные силы в себе, он, в соответствии с законом талиона, чувствует равную угрозу от взрослых. Здесь и находится источник той детской тревожности, от которой не избавлен ни один ребенок. Уже все это позволяет нам лучше понять природу страха любви, о котором я говорила выше. Именно здесь, в этой большей частью иррациональной сфере, пробуждаются прежние детские страхи перед грозным отцом или матерью, и мы инстинктивно занимаем оборонительную позицию. Другими словами, страх любви всегда смешан со страхом перед тем злом, которое мы могли бы причинить другим людям или они могли бы причинить нам. Влюбленный юноша с островов Ару, к примеру, ни за что не подарит возлюбленной локон своих волос, потому что, если они поссорятся, она может сжечь подаренную прядь и тем самым навлечь на своего партнера болезнь.

Я хотела бы кратко остановиться на том, каким образом конфликты детства могут отразиться на отношениях с противоположным полом в дальнейшей жизни. Возьмем в

качестве примера типичную ситуацию: маленькая девочка, пережившая тяжелое разочарование в отце, преобразует врожденное инстинктивное желание получать от мужчины в мстительное желание отобрать у него силой. Так закладывается фундамент для развития последующей установки, в соответствии с которой она уже не только отречется от материнских инстинктов, но и будет испытывать лишь одно влечение: навредить мужчине, эксплуатировать его и высосать все соки. Она превращается в вампира. Предположим, что подобная трансформация из желания получать в желание отнимать произошла. Предположим далее, что последнее желание было вытеснено тревогой, идущей от сознания чувства вины. И вот мы уже имеем здесь базисную констелляцию для формирования определенного типа женщины, не способной вступать в отношения с мужчинами из-за страха, что любой мужчина немедленно заподозрит ее в каких-то корыстных планах на его счет. На самом деле это означает, что она боится, как бы мужчина не разгадал ее вытесненные желания. Или при полной проекции на мужчин своих вытесненных желаний она будет воображать, что каждый из них намерен использовать ее, что он хочет от нее только сексуального удовлетворения, а получив его, тут же с ней расстанется. Или предположим, что реактивное образование, принявшее вид исключительной скромности, замаскирует вытесненное влечение к власти. В таком случае мы получим тип женщины, стесняющейся что-либо требовать или получать от своего мужа. Однако такая женщина из-за возвращения вытесненного будет реагировать депрессией на неосуществление своих невыраженных и зачастую даже несформулированных желаний. Таким образом, она попадает «из огня да в полымя», как и ее партнер, поскольку депрессия ударит по нему гораздо сильнее, чем прямая агрессия. Очень часто вытеснение агрессии против мужчины отнимает всю жизненную энергию женщины. Она чувствует себя беспомощной перед жизнью. Она возлагает всю ответственность за свою беспомощность на мужчину, лишая и его возможности нормального существования. Перед нами тип женщины, которая под маской беспомощности и инфантильности доминирует над своим партнером.

Эти примеры демонстрируют, каким образом фундаментальная установка женщины по отношению к мужчинам может быть нарушена конфликтами детства. Стараясь упростить вопрос, я выделила лишь один момент, который, однако, представляется мне наиболее существенным, – нарушение в развитии материнства.

Теперь я должна перейти к обсуждению некоторых особенностей мужской психологии. Я не хочу прослеживать индивидуальные линии развития, хотя было бы весьма поучительно с аналитической позиции пронаблюдать, например, то, как даже те мужчины, которые на сознательном уровне позитивно относятся к женщинам и высоко их ценят, тем не менее в глубине души питают тайное недоверие к ним; и как это недоверие восходит к чувствам к матери, которые они испытывали в годы своего становления. Скорее я должна сосредоточиться на некоторых типичных установках мужчин по отношению к женщинам и на том, как они проявлялись в разные исторические периоды и в разных культурах, причем не только в сексуальных отношениях с женщинами, но и – зачастую гораздо чаще – в несексуальной сфере, например в общей оценке женщин.

Я возьму наудачу несколько примеров начиная с Адама и Евы. Иудейская культура, запечатленная в Ветхом Завете, безусловно, патриархальна. Этот факт нашел отражение в религии, где нет ни одного женского божества, в морали и обычаях, оставлявших супругу право разорвать брачные узы, попросту выгнав жену. Только на этом фоне мы можем понять мужскую предвзятость в описании двух событий из истории Адама и Евы. Во-первых, способность женщины давать жизнь ребенку отчасти отрицается, отчасти обесценивается: сама Ева была создана из ребра Адама и проклятием Господним обречена рожать в муках. Во-вторых, при интерпретации искушения Адама отведать плод с древа познания добра и зла как сексуального соблазнения женщина предстает совратительницей, ввергающей мужчину в несчастье. Я уверена, что оба этих элемента, один из которых порожден обидой, а другой – тревогой, с самых ранних времен и доныне наносят ущерб отношениям между полами. Остановимся на этом вкратце. Страх мужчины перед женщиной глубоко укоренен в

сексуальности, о чем свидетельствует тот простой факт, что мужчина боится только сексуально привлекательных женщин, которых, как бы страстно он ни желал, пытается держать в повиновении. Пожилым женщинам, напротив, оказывается величайшее уважение даже в тех культурах, где молодых женщин боятся и поэтому подавляют. В некоторых первобытных культурах пожилая женщина даже имеет право решающего голоса в делах племени; у народов Азии она также пользуется немалой властью и уважением. С другой стороны, в первобытных племенах женщина на протяжении всего периода половой зрелости окружена целым рядом табу. Например, у племени арунта существует поверье, что женщины могут оказывать магическое воздействие на мужские гениталии. Если женщина произнесет заклинание над травинкой, а затем укажет ею на мужчину или бросит ею в него, он заболеет или полностью лишится гениталий. Она, таким образом, навлекает на него гибель. В одном из племен Восточной Африки муж и жена не спят вместе, потому что женское дыхание лишает мужчину силы. В одном южноафриканском племени считается, что, если женщина переступит через ногу спящего мужчины, он не сможет бегать; отсюда общее правило сексуального воздержания за два-пять дней до охоты, войны или рыбной ловли. Еще сильнее страх перед менструацией, беременностью и родами. Во время менструации женщина окружена строжайшим табу – мужчина, прикоснувшийся к ней, умрет. За всем этим стоит одна основная мысль: женщина – таинственное существо, общающееся с духами и поэтому обладающее магической властью, которую может использовать во вред мужчине. Следовательно, чтобы защитить себя от ее могущества, мужчина должен держать женщину в подчинении. Так, мири в Бенгалии запрещают женщинам есть тигриное мясо, чтобы они не стали слишком сильными. Ватавела в Восточной Африке оберегают от женщин секрет добывания огня, чтобы те не стали их правителями. Индейцы Калифорнии совершают особые церемонии, чтобы удержать женщин в повиновении: чтобы запугать их, мужчина переодевается в дьявола. Арабы из Мекки не допускают женщин к религиозным празднествам, чтобы исключить близкие отношения между ними и их повелителями. Подобные обычаи мы обнаруживаем и в Средневековье – культ Девы наряду со сжиганием ведьм, поклонение «чистому» материнству, полностью лишенному сексуальности, и жестокое уничтожение сексуально привлекательных женщин. И здесь тоже в основе лежит тревожность, ведь ведьма общается с дьяволом. Сегодня, с нашими более гуманными формами выражения агрессии, мы сжигаем женщин только фигурально – то с нескрываемой ненавистью, то с показным дружелюбием. В любом случае, «еврей должен гореть»[52]. На тайных дружеских аутодафе о женщинах говорится масса милых вещей; вот жаль только, что по своему Богом данном природному состоянию она не равна мужчине. Мёбиус указывал, что мозг женщины весит меньше мужского, но совсем не обязательно действовать столь грубыми методами. Напротив, можно подчеркнуть, что женщина ничуть не хуже мужчины, она просто другая, но, к сожалению, на ее долю досталось меньше или вообще не досталось тех человеческих или культурных качеств, которые столь высоко ценит мужчина. Она, говорят, глубоко укоренена в личной и эмоциональной сфере, что само по себе замечательно, но, к сожалению, это мешает ей быть справедливой и объективной, а значит, ей не место в суде, правительстве и среди духовенства. Ее место, говорят, в царстве Эроса. Духовные материи чужды ее внутренней сути, культурные тенденции ей не по плечу. Поэтому, как откровенно говорят азиаты, она второсортное существо. Женщина может быть прилежна и полезна, но, увы, она не способна к продуктивному и самостоятельному труду. И в самом деле, из-за прискорбных, кровавых драм менструации и родов реальные достижения ей недоступны. И каждый мужчина, подобно тому как это делает набожный иудей в своих молитвах, безмолвно благодарит Господа за то, что он не создан женщиной.

Отношение мужчины к материнству – большая и сложная тема. В целом люди склонны

[52] Цитата из «Натана Мудрого» Г. Э. Лессинга, немецкого гуманиста и просветителя-рационалиста XVIII века. Выражение, ставшее разговорным. Оно означает, что не важно, насколько хороши поступки и намерения еврея. Он виноват уже тем, что он еврей. – *Примеч. к изд. на англ. языке.*

не видеть проблем в этой области. Даже женоненавистник внешне готов уважать женщину как мать и при определенных условиях чтить материнство, как это уже говорилось мной в связи с культом Девы. Чтобы получить более четкую картину, мы должны развести две установки: установку мужчин к материнству, в наиболее чистом виде представленную в культе Девы, и их установку к материнству как таковому, с которым мы сталкиваемся в символизме древних богинь-матерей. Мужчины всегда будут благосклонны к материнству как выражению определенных духовных качеств женщины: самоотверженной матери-кормилицы, ибо это идеальное воплощение женщины, которая могла бы исполнить все ожидания и желания мужчины. В древних богинях-матерях мужчина почитал не материнство в духовном смысле, а скорее материнство в его самых основных проявлениях. Матери-богини – земные божества, плодородные, как сама почва. Они порождают и вскармливают новую жизнь. Эта жизнесозидающая, изначальная сила женщины и наполняла мужчин восхищением. Вот тут-то и возникают проблемы. Ибо не в природе человека испытывать восхищение и не держать зла на того, чьими способностями не обладаешь. Таким образом, незначительная роль мужчины в сотворении новой жизни становится для него огромным стимулом создать со своей стороны что-нибудь новое. И он создал ценности, которыми вправе гордиться. Государство, религия, искусство и наука – в сущности, его творения, да и вся наша культура носит печать маскулинности.

Однако что происходит повсюду, случается также и здесь: даже величайшее удовлетворение или достижения, порожденные сублимацией, не могут полностью возместить то, чего мы лишены природой. Поэтому и сохраняется явный осадок обиды мужчин на женщин. Эта обида выражается, также и в наши дни, в порожденных недоверием оборонительных маневрах мужчин, направленных против угрозы вторжения женщин в их владения; отсюда и их тенденция обесценивать беременность и роды и превозносить мужскую генитальность. Такая позиция проявляется не только в научных теориях, ее влияние распространяется на все отношения между полами и на половую мораль в целом. Материнство, особенно внебрачное, явно недостаточно защищено законом – за исключением недавней попытки изменить положение вещей, предпринятой в России. И наоборот, для удовлетворения сексуальных потребностей мужчины открыты все возможности. Безответственная сексуальная вседозволенность и низведение женщин до объекта чисто физических нужд являются еще одними последствиями этой мужской установки.

Из исследований Бахофена мы знаем, что верховенство мужчины в культуре не существовало с начала времен и что некогда центральное положение занимала женщина. Это была так называемая эра матриархата, когда закон и обычай фокусировались вокруг матери. Матереубийство, как показано в «Эвменидах» Эсхила[53], являлось тогда непростительным преступлением, в то время как отцеубийство считалось сравнительно меньшим грехом. И только уже в летописные времена мужчины, с незначительными вариациями, начали играть ведущую роль в политике, экономике и юриспруденции, равно как и в области половой морали. В настоящее время, похоже, мы переживаем период борьбы, в которой женщины еще раз отважились сразиться за свое равенство. Сколько продлится этот период – предсказать пока невозможно.

Я не хочу быть превратно понятой, будто бы все беды проистекают из верховенства мужчин и что отношения между полами изменятся к лучшему, если власть перейдет к женщинам. Однако мы должны задать себе вопрос, почему вообще возникает эта борьба за власть между полами. Во все времена более сильная сторона будет создавать идеологию, помогающую ей удержать свою позицию и сделать эту позицию приемлемой для более слабой. В этой идеологии особенности слабой стороны будут трактоваться как неполноценность и будет доказываться, что эти отличия неизменные, фундаментальные, Богом данные. Функция такой идеологии – отрицать или скрывать существование борьбы.

[53] В оригинале Хорни ошибочно приписывает эту драму Софоклу. – *Ред.*

Таков один из ответов на первоначальный вопрос – почему нам так мало известно о самом факте борьбы между полами. В интересах мужчин держать этот факт в тайне, а настойчивость, с которой они утверждает свою идеологию, заставляет и женщин принять их теории. Наша попытка устранить эти рационализации и исследовать эти идеологии с точки зрения фундаментальных движущих сил представляет собой всего лишь еще один шаг по пути, проложенному Фрейдом.

Мне кажется, что в моем изложении более четко виден источник обиды, нежели источник страха, и поэтому я хочу вкратце обсудить последнюю проблему. Мы видим, что страх мужчины перед женщиной направлен против нее как сексуального существа. Как это понимать? Наиболее отчетливо один из аспектов этого страха проявляется у мужчин племени арунта. Они верят, что женщина способна магически воздействовать на мужские гениталии. Это то, что мы понимаем под страхом кастрации в психоанализе. Это страх психогенного происхождения, который восходит к чувству вины и старым детским страхам. Его анатомо-психологическим ядром является то, что во время полового акта мужчина должен доверить свои гениталии женскому телу, что он дарует ей свое семя и воспринимает это как передачу женщине своей жизненной силы, по аналогии с прекращением эрекции после коитуса, которое расценивается как свидетельство ослабления женщиной. Хотя следующая идея пока еще не окончательно проработана, в соответствии с аналитическими и этнологическими данными представляется вполне вероятным, что отношения с матерью сильнее и непосредственнее ассоциируются со страхом смерти, чем отношения с отцом. Мы научились понимать стремление к смерти как стремление к воссоединению с матерью. В африканских волшебных сказках смерть в мир приносит именно женщина. Великая богиня-мать также принесла смерть и разрушение. Похоже, что нами владеет идея о том, что тот, кто дает жизнь, способен ее и отобрать. В страхе мужчины перед женщиной имеется и третий аспект, который труднее понять и доказать, но можно продемонстрировать наблюдениями над некоторыми повторяющимися явлениями в мире животных. Мы можем увидеть, что очень часто самец обладает особыми стимуляторами для привлечения самки или специальными приспособлениями, позволяющими удерживать ее во время копуляции. Подобные приспособления были бы бессмысленны, если бы самка обладала столь же настойчивой или сильной сексуальной потребностью, что и самец. На самом же деле мы видим, что самка полностью отвергает самца после оплодотворения. И хотя примеры, заимствованные из животного мира, можно переносить на людей лишь с величайшей осторожностью, в данном контексте позволительно задать следующий вопрос: быть может, мужчина в большей степени сексуально зависит от женщины, чем женщина от него, из-за того что у женщины часть сексуальной энергии передана репродуктивным процессам? Не потому ли мужчины жизненно заинтересованы в том, чтобы держать женщин в зависимости? Именно эти факторы, имеющие психогенную природу и относящиеся к мужчине, по-видимому, лежат в основе великой борьбы за власть между мужчиной и женщиной.

Многоликая вещь, называемая любовью, помогает навести мосты от одиночества на одном берегу к одиночеству на другом. Эти мосты бывают удивительно красивы, но лишь изредка они строятся навечно и чаще всего не выдерживают чрезмерного груза и рушатся. Вот и другой ответ на поставленный вначале вопрос, почему любовь между полами мы видим гораздо отчетливее, чем ненависть, – потому что союз полов предоставляет нам величайшие возможности для счастья. Именно поэтому мы, естественно, склонны не замечать, сколь велики те деструктивные силы, которые постоянно пытаются лишить нас шансов на счастье.

В заключение мы можем спросить, каким образом аналитические открытия могут способствовать ослаблению недоверия между полами? Единого ответа здесь нет. Страх перед силой страстей и сложность их контролирования в любовных отношениях, возникающий в результате конфликт между самоотдачей и самосохранением, между Я и Ты – это совершенно понятные, неизбежные и нормальные явления. То же самое, по сути, относится и к нашей готовности к недоверию, произрастающему из неразрешенных

конфликтов детства. Эти конфликты детства могут, однако, значительно различаться по интенсивности и, следовательно, неодинаково глубоки и оставленные ими следы. Анализ способен не только помочь улучшить отношения с противоположным полом в индивидуальных случаях, он может также попытаться улучшить психологические условия детства и тем самым предотвратить появление чрезмерных конфликтов. Это, конечно, дает нам надежду на будущее. В нынешней борьбе за власть анализ может выполнить важную функцию, раскрыв истинные мотивы этой борьбы. Такое раскрытие не устранит эти мотивы, но, возможно, поможет создать более благоприятные условия для того, чтобы борьба велась на ее собственной территории, не затрагивая посторонние области.

Статья 7. Проблемы брака[54]

Почему так редки счастливые браки – браки, в которых не угнетается потенциал развития партнеров, браки, в которых скрытое напряжение не отражается на домашних или встречает доброжелательное понимание? Значит ли это, что институт брака несовместим с некоторыми явлениями человеческой жизни? Быть может, брак – это только иллюзия, готовая исчезнуть, или же это просто современный человек не способен наполнить его содержанием? Должны ли мы, признавая его неудачу, винить себя или брак как таковой? Почему брак столь часто означает конец любви? Должны ли мы смириться с этой ситуацией как с неизбежной закономерностью или же мы являемся объектами для сил внутри нас, разных по содержанию и воздействию, которые разрушают нас, но которые, наверное, мы могли бы распознать и даже избежать?

На первый взгляд проблема кажется очень простой – и столь же безнадежной. Долгая и однообразная жизнь с одним и тем же человеком делает скучными и утомительными отношения в целом и особенно сексуальные. Следовательно, постепенное увядание и охлаждение, говорят, неизбежно. Ван де Вельде одарил нас целой книгой благих советов, как исправить ситуацию сексуальной неудовлетворенности. Но он упустил из виду главное, а именно что он имел дело не с болезнью, а скорее с симптомом. Утверждать, что брак лишается смысла и радости из-за скуки многолетнего однообразия, значит ограничиться только поверхностным взглядом на эту ситуацию.

Распознать здесь скрытые, подземные силы не так уж трудно, но неприятно, как и при любом взгляде вглубь. Необязательно выучиться идеям Фрейда, чтобы понять, что пустота брака не есть следствие простой усталости, но что она является результатом скрытого действия деструктивных сил, которые подорвали его основы, что она произросла из семени, брошенного в плодородную почву разочарований, недоверия, враждебности и ненависти. Нам не хочется замечать эти силы, особенно в нас самих, потому что они кажутся нам таинственными. Одно их признание предполагает, что мы должны будем предъявить к себе неприятные требования. Но именно к такому пониманию мы и должны стремиться, если всерьез хотим разобраться в проблемах брака с психологической точки зрения. Фундаментальный психологический вопрос следует сформулировать так: каким образом возникает неприязнь к партнеру по браку?

Прежде всего имеется несколько причин самого общего характера – они настолько общеизвестны, что едва ли их стоит упоминать. Они проистекают из нашего человеческого несовершенства, которое все мы признаем, либо соглашаясь с Библией, что все мы грешны, либо с Марком Твеном, что все мы немного сумасшедшие, либо на просвещенный лад называя этот изъян неврозом. Во всех этих допущениях каждому известно одно исключение – это он сам. Доводилось ли кому-нибудь слышать, чтобы кто-то, взвешивая свое решение вступить в брак, сказал: «Со временем у *меня* разовьются такие-то и такие-то неприятные черты»? А недостатки супруга за долгие годы совместной жизни, несомненно,

[54] Zur Problematik der Ehe. – Psychoanalytische Bewegung, IV (1932), S. 212-223.

проявятся. Они сдвигают с места снежный ком, поначалу небольшой, но неуклонно растущий по мере того, как он катится по склону горы времени. Если, к примеру, муж держится за иллюзию независимости, то, ощущая, что все время нужен жене и связан по рукам и по ногам, он будет реагировать на это затаенной горечью. Она, в свою очередь, чувствуя подавленный бунт, будет реагировать на него скрытой тревогой, что потеряет мужа, и вследствие этой тревоги инстинктивно возрастут к нему ее требования. Супруг отреагирует на это повышенной чувствительностью и займет оборонительную позицию – и пока плотина в конце концов не прорвется, никто из них не поймет причину своей раздражительности. Взрыв может произойти из-за любого пустяка. В сравнении с браком все недолгие отношения, будь то проституция, флирт, дружба или любовный роман, – по характеру проще, поскольку в них сравнительно легче избегать острых углов друг друга.

Далее, к обычным человеческим несовершенствам относится также наше нежелание прилагать больше усилий, как внешне, так и внутренне, чем это абсолютно необходимо. Чиновник, которому пожизненно обеспечена его должность, обычно не очень усерден. Работа в любом случае остается за ним, ему не надо ни с кем состязаться и бороться ради карьеры, как это приходится делать профессионалам и даже простым рабочим. Рассмотрим прерогативы брачного контракта, заключенного по закону или даже не освященного законом, в соответствии с господствующими стандартами. Легко увидеть, что с психологической точки зрения право на поддержку, пожизненное партнерство, верность и даже сексуальные отношения возлагает на брак нелегкое бремя, а фатальное сходство с чиновником, не подлежащим увольнению, таит в себе большую угрозу. Наше образование так мало касается брака, что большинство из нас даже не знают, что, хотя влюбленность мы получаем в подарок, хороший брак нужно строить шаг за шагом. На сегодня существует лишь один известный способ построить мост через пропасть между законом и счастьем. Он предполагает изменение нашей личной установки в направлении внутреннего отказа от требований к партнеру. Поймите меня правильно: я говорю именно о требованиях, а не о желаниях. В дополнение к этим общим трудностям существуют и личные проблемы, особые в каждом отдельном случае, варьирующие по частоте появления, качеству и интенсивности. Бесконечный ряд ловушек подстерегает любовь, норовя обратить ее в ненависть. Перечислением и описанием их мы мало чего достигнем. Пожалуй, будет проще и понятнее, если мы сосредоточимся на нескольких больших группах и разберем их.

Брак может быть обречен с самого начала, если выбран «не тот» партнер. Как объяснить тот факт, что, выбирая человека, с которым нам придется делить всю жизнь, мы так часто выбираем неподходящего партнера? Что же здесь происходит? Быть может, все дело в недостаточном понимании собственных потребностей? Или в недостаточном знании другого человека? Или в том, что влюбленность ослепляет нас? Конечно, все эти факторы могут сыграть свою роль. Однако мне представляется важным иметь в виду и то, что при добровольном вступлении в брак выбор не может быть совершенно «неверным». Какие-то качества партнера действительно соответствуют нашим ожиданиям, что-то в нем обещает исполнение наших желаний и, возможно, на самом деле исполняет их в браке. Но если остальная часть личности остается в стороне, не имея ничего общего с партнером, это отчуждение неизбежно станет помехой для прочных взаимоотношений. Таким образом, существенная ошибка подобного выбора заключается в том, что он делается ради осуществления какого-либо отдельного условия. Один-единственный импульс, одно-единственное желание силой прорывается на передний план, заслоняя все остальное. У мужчины, например, им может быть непреодолимое желание назвать своей девушку, которой добиваются много других поклонников. Это особенно неблагоприятное условие для любви, потому что привлекательность ее как женщины в отсутствие соперников быстро исчезнет и может возникнуть снова только при появлении новых соперников, которых он бессознательно ищет. Или же партнер может показаться желанным потому, что он или она сулит осуществление всех наших тайных стремлений к признанию в материальном, социальном или духовном отношении. В других случаях выбор может быть предопределен

по-прежнему инфантильными желаниями. Я вспоминаю здесь одного молодого человека, необычайно одаренного и преуспевающего, который, лишившись в четырехлетнем возрасте матери, томился чрезвычайно глубокой тоской по ней и женился на пухлой, пожилой, по-матерински выглядевшей вдове с двумя детьми, которая значительно уступала ему по интеллекту и личным качествам. Или возьмем другой случай – с женщиной, которая в семнадцать лет вышла замуж за человека на тридцать лет старше себя, который внешним видом и характером разительно напоминал ей горячо любимого отца. Она прожила с ним довольно счастливо несколько лет, несмотря на полное отсутствие половых отношений, пока не переросла свои детские желания. И тогда она обнаружила, что на самом деле одинока и связана с человеком, который, несмотря на многие приятные качества, не так уж много для нее значил. Во всех таких случаях, а они встречаются достаточно часто, слишком многое в нас остается пустым и неисполненным. За первоначальным удовлетворением следует разочарование. Разочарование еще не означает неприязнь, но оно становится источником неприязни, если только мы не наделены исключительно редким даром терпимости и не чувствуем, что отношения, построенные на такой ограниченной основе, преграждают путь к другим возможностям обрести счастье. Независимо от того, насколько мы цивилизованны и способны контролировать свою инстинктивную жизнь, глубоко внутри нас, в силу самой природы человека, мы будем испытывать постоянно нарастающий гнев, направленный на каждого человека, который грозит помешать исполнению наших жизненно важных стремлений. Эта ярость подкрадывается незаметно, мы ее не сознаем, и тем не менее она активно проявит себя, как бы мы ни старались не думать о ее возможных последствиях. Партнер почувствует, что отношение к нему стало более критическим, небрежным и нетерпимым.

Я хочу добавить сюда еще одну группу случаев, в которых опасность связана не столько с постоянным нарастанием требований, предъявляемых нами к любви, сколько с конфликтом, порождаемым противоречивыми ожиданиями. В целом мы воспринимаем себя более цельными в своих устремлениях, чем это есть на самом деле, потому что инстинктивно чувствуем, и не без оснований, что заключенные внутри нас противоречия грозят нашей личности или самой жизни. Эти противоречия особенно заметны у людей с нарушенным эмоциональным равновесием, но проводить здесь строгую демаркационную линию представляется нецелесообразным. Совершенно естественно, что подобные внутренние противоречия проще всего и резче всего проявляются в сфере секса. В других областях жизни, таких как работа и межличностные отношения, внешняя реальность навязывает нам более цельную и в то же время более гибкую установку. Но даже те люди, которые обычно предпочитают прямой и узкий путь, легко поддаются искушению превратить секс в спортивную площадку для своих противоречивых фантазий. И вполне естественно, что эти разнообразные ожидания будут перенесены на брак.

Я вспоминаю об одном случае, который является прототипом для многих подобных. Речь идет о том мужчине, мягком по характеру, зависимом и несколько женственном, который женился на женщине, значительно превосходившей его жизненной силой и габаритами и воплощавшей в себе материнский тип. Это был самый настоящий брак по любви. Однако желания этого человека, как это часто случается с мужчинами, были противоречивы. Его также привлекала другая женщина, легкомысленная, кокетливая и капризная, обладавшая всем тем, чего не могла ему дать его супруга. Двойственность его желаний и разрушила брак.

Здесь мы можем упомянуть также те случаи, когда мужчины, глубоко привязанные к своим семьям, выбирают жен в полную противоположность своему окружению – по национальности, внешности, интересам и общественному положению. И в то же время, однако, они испытывают неприязнь из-за этих различий и вскоре, сами того не ведая, начинают искать более привычный тип.

Или можно вспомнить о тех полных амбиций женщинах, которые стремятся всегда быть наверху, но не осмеливаются осуществить свои честолюбивые мечты и вместо этого

ожидают, что все эти желания исполнят за них мужья. Супруг обязан быть просто совершенством: превосходить всех остальных, быть знаменитым и достойным восхищения. Разумеется, некоторые из этих женщин будут удовлетворены, если мужья исполнят их ожидания. Однако в подобном браке часто бывает, что жене становится невыносимо, если партнер соответствует ее ожиданиям, поскольку ее собственное стремление к власти не позволяет ей терпеть превосходство супруга.

И наконец, есть женщины, выбирающие женственного, деликатного и слабого мужчину. Ими руководит их маскулинная установка, хотя зачастую они и не отдают себе в этом отчета. При этом, однако, они таят в себе мечту о сильном и жестоком мужчине, который взял бы их силой. Поэтому они будут настроены против мужа из-за его неспособности удовлетворить оба желания одновременно и втайне презирать за его слабость.

Существуют различные способы, которыми подобные конфликты могут вызывать неприязнь к партнеру. Мы можем быть настроены против него за его неспособность дать нам то, что для нас очень важно, принимая как должное и обесценивая то, что он дает на самом деле. Со временем недоступное превращается в завораживающую цель, ярко освещенную нашим знанием, что это и есть то, чего мы «действительно» хотели с самого начала. С другой стороны, мы можем быть настроены против него за то, что он исполнил наши желания, потому что само их осуществление оказалось несовместимым с нашими противоречивыми внутренними стремлениями.

Во всех этих рассуждениях один факт до сих пор оставался на заднем плане, а именно, что брак – это еще и сексуальные отношения двух людей противоположного пола. Это обстоятельство может стать источником сильнейшей ненависти, если отношения между полами уже являются нарушенными. Многие супружеские раздоры выглядят и воспринимаются как конфликт, связанный исключительно с данным конкретным партнером. Поэтому легко прийти к мысли, что ничего подобного с нами бы не произошло, выбери мы себе другого спутника жизни. Мы склонны упускать из виду тот факт, что решающим фактором может быть наша внутренняя установка по отношению к противоположному полу, которая точно таким же образом может проявиться и в наших отношениях с любым другим партнером. Другими словами, часто – или лучше сказать, всегда – львиная доля проблем создается нами самими как результат нашего собственного развития. Борьба полов представляет собой не только грандиозный фон для событий многовековой истории, но и проявляется в каждом конкретном браке. Тайное недоверие между мужчиной и женщиной, которое мы так часто обнаруживаем в той или другой форме, вовсе не обязательно проистекает из печального опыта поздних лет. Хотя мы и предпочитаем верить, что оно является следствием таких событий, на самом деле истоки этого недоверия – в раннем детстве. Последующий опыт, приходит ли он в пубертате или подростковом возрасте, в целом уже обусловлен раннее сложившейся установкой, хотя мы и не сознаем эти связи.

Чтобы быть лучше понятой, позвольте мне добавить несколько замечаний. Одно из наиболее фундаментальных открытий, которыми мы обязаны Фрейду, состоит в том, что любовь и страсть возникают впервые не в пубертате – уже маленький ребенок способен страстно чувствовать, желать и требовать. Пока его дух еще свободен и не ведает запретов, он, вероятно, переживает эти чувства с интенсивностью, недоступной нам, взрослым. Если мы примем эти фундаментальные факты и, более того, признаем как самоочевидное, что мы, подобно всем животным, подчинены великому закону гетеросексуального влечения, то и вызывающий споры постулат Фрейда об эдиповом комплексе как стадии развития, через которую проходит каждый ребенок, уже не покажется нам столь странным или необычным.

Эти ранние любовные переживания ребенка обычно сопряжены с неприятными чувствами, вызванными фрустрацией, разочарованиями, отвержением и бессильной ревностью. Кроме того, его обманывают, подвергают угрозам и наказаниям. Эти следы бесконечно варьируют в индивидуальных случаях, однако во всем разнообразии установок у обоих полов в них легко можно выявить общую схему.

У мужчины мы часто обнаруживаем следующие остаточные явления его ранних

отношений с матерью. Прежде всего это страх перед неприступной женщиной. Поскольку обычно забота о ребенке возлагается на мать, именно от нее мы получаем не только тепло, заботу, нежность, но и наши самые ранние запреты. Похоже, что полностью избавиться от этих ранних переживаний очень сложно. Нередко создается впечатление, что их следы сохраняются чуть ли не в каждом мужчине, особенно когда мы видим, насколько легче чувствуют себя мужчины в своем кругу, будь то в спорте, в клубах, в науке или даже на войне. Они похожи на школьников, оказавшихся вдруг без надзора! Совершенно естественно, что эта установка особенно отчетливо проявляется в их отношениях с женами, которые более, чем другие женщины, пригодны для того, чтобы занять место их матерей.

Вторая особенность, выдающая непреодоленную зависимость от матери, – это идея о святости женщины, достигшая наиболее экзальтированного выражения в культе Девы. Возможно, в каких-то привлекательных аспектах эта идея и проявляется в повседневной жизни, однако обратная сторона медали весьма опасна. Ибо в крайних случаях она приводит к убеждению, что порядочная, заслуживающая уважения женщина асексуальна и испытывать к ней сексуальное желание – значит ее унизить. Более того, эта концепция предполагает, что с такой женщиной мужчина не может достичь полноценного любовного опыта, а потому искать сексуального удовлетворения он должен только с падшими женщинами, с женщинами легкого поведения. В наиболее выраженных случаях это означает, что мужчина может любить и ценить свою жену, но не может ее желать и поэтому чувствует себя с ней очень скованно. Некоторые жены, догадываясь о подобной мужской установке, не возражают против нее, особенно если сами фригидны, но тем не менее это практически неизбежно приводит к явной или скрытой неудовлетворенности обеих сторон.

В этой связи я хотела бы упомянуть третью особенность, которая кажется мне характерной для отношения мужчины к женщине. Это страх мужчины оказаться неспособным удовлетворить женщину. Он боится ее требований в целом и ее сексуальных требований в частности. Этот страх отчасти коренится в биологии, поскольку мужчина должен вновь и вновь доказывать женщине свою состоятельность, в то время как женщина способна вступить в половой акт, зачать и родить, даже если она фригидна. С онтологической точки зрения и такого рода страх происходит из детства, когда маленький мальчик уже чувствовал себя мужчиной, но боялся, что его мужественность подвергнется осмеянию и тем самым будет нанесен ущерб его вере в себя, когда подверглись насмешкам и были отвергнуты его мальчишеские ухаживания. Следы этой неуверенности сохраняются гораздо чаще, чем мы склонны признавать, нередко скрываясь за подчеркиванием мужественности как ценности самой по себе, и все же эта неуверенность выдает себя в постоянных колебаниях самооценки мужчины в его отношениях с женщинами. Брак может выявить чрезмерную чувствительность ко всякого рода фрустрации со стороны жены. Если она не принадлежит ему одному, если лучшее, на что он способен, ее не устраивает, если он не удовлетворяет ее сексуально, все это наносит тяжелый удар по мужской самооценке и без того неуверенного в себе супруга. Эта реакция, в свою очередь, вызовет у него инстинктивное желание унизить жену, подорвать ее уверенность в себе.

Эти примеры были выбраны, чтобы продемонстрировать некоторые типичные для мужчины тенденции. Пожалуй, этого достаточно, чтобы показать, что определенные установки по отношению к противоположному полу могут быть приобретены в детстве и неизбежно будут проявляться в последующих взаимоотношениях, в частности в браке, причем независимо от личности партнера. Чем менее удается преодолеть эти установки в процессе развития, тем более дискомфортно будет чувствовать себя муж в отношениях с женой. Наличие таких чувств часто может не осознаваться, а их источник не осознается никогда. Реакция на них может быть очень разной. Она может привести к напряженности и супружеским конфликтам, которые варьируют от скрытого недовольства до откровенной ненависти, или побуждать мужа искать разрядку в работе, в мужской компании или в обществе других женщин, требования которых его не пугают и в присутствии которых на него не давит бремя всевозможных обязательств. Но снова и снова мы убеждаемся, что

супружеские узы, к добру или худу, оказываются более прочными. Однако отношения с другой женщиной нередко приносят больше облегчения, удовлетворения и счастья.

Из тех трудностей, которые привносит в брак жена – сомнительный дар периода ее формирования, – я упомяну лишь одну: фригидность. Можно спорить, является она или нет неизменным свойством, но она всегда указывает на разлад в отношениях с мужчиной. Независимо от индивидуальных вариаций она всегда выражает отвержение мужчины – либо конкретного индивида, либо мужского пола в целом. Данные о частоте фригидности значительно разнятся и представляются мне крайне ненадежными, отчасти потому, что качество чувств нельзя выразить статистически, отчасти потому, что трудно оценить, как много женщин так или иначе обманывают себя относительно своей способности получать сексуальное удовольствие. В соответствии с собственным опытом, я склонна предполагать, что фригидность в легкой степени распространена гораздо больше, чем мы могли бы ожидать из высказываний самих женщин.

Утверждая, что фригидность всегда выражает отвержение мужчины, я не имею в виду подозрительность или враждебность. Такие женщины могут иметь красивую фигуру, со вкусом одеваться и вести себя вполне женственно. Они могут производить впечатление, что вся их жизнь «настроена лишь на волну любви»[55]. Я имею в виду нечто более глубокое – неспособность к настоящей любви, неспособность полностью отдаться мужчине. Такие женщины либо предпочитают идти своим путем, либо отпугивают мужчину своей ревностью, требованиями, нытьем и занудством.

Как возникает такая установка? В первую очередь мы склонны во всем винить огрехи в наших прежних да и нынешних методах воспитания девочек с их гнетом сексуальных запретов и сегрегацией от мужчин, не позволяющими увидеть их в нормальном свете. Поэтому они представляются им либо героями, либо чудовищами. Однако и факты, и рассуждения убеждают нас, что эта концепция слишком поверхностна. На самом деле чрезмерная строгость в воспитании девочек совершенно не обязательно влечет за собой усиление фригидности. Мы видим также, что, когда дело касается базальных свойств, человеческую природу невозможно существенно изменить запретами и принуждениями.

Имеется, пожалуй, лишь один фактор, который, как показывает анализ, обладает достаточной силой, чтобы отвратить нас от удовлетворения жизненных потребностей, – тревожность. Если мы хотим понять ее происхождение и развитие, насколько это можно постичь генетически, мы должны более пристально взглянуть на типичную судьбу инстинктивных влечений девочки. Здесь мы можем обнаружить различные факторы, которые делают женскую роль в глазах маленькой девочки явно опасной и вызывают к ней неприязнь. Типичные страхи раннего детства с их прозрачной символикой позволяют легко догадаться об их скрытом значении. Что еще может означать страх перед грабителями, змеями, хищниками и грозой, если не женский страх перед всемогущей силой, способной подавить, вторгнуться внутрь и разрушить? Существуют и другие страхи, связанные с ранним инстинктивным предчувствием материнства. С одной стороны, маленькая девочка боится этого таинственного и страшного события, ожидающего ее в будущем, а с другой – что ей никогда не выпадет возможность пережить его.

От всех этих неприятных ощущений девочка типичным образом спасается бегством в желаемую или воображаемую мужскую роль. Более или менее явные аспекты этого поведения легко можно обнаружить у девочек в возрасте от четырех до десяти лет. В допубертатный и пубертатный период шумное мальчишеское поведение исчезает, уступая место женской установке. Однако под этой поверхностью могут сохраняться достаточно выраженные остаточные явления, оказывающие свое пагубное воздействие разными способами: в виде амбициозности, стремления к власти, обиды на мужчин, которые в сравнении с ней всегда имеют преимущество, воинственной установки по отношению к

[55] Цитата из популярной песни Марлен Дитрих «Только любовь». – *Ред.*

мужчине, иногда в форме альтернативного сексуального поведения и, наконец, в форме сдерживания или полной блокировки сексуального удовлетворения с мужчиной.

Один момент станет яснее, как только мы поймем эту изображенную в общем виде историю развития фригидности. Если взглянуть на брак как на целое, то мы увидим, что почва, на которой произрастает фригидность, и способ, которым она выражается в общей установке по отношению к мужу, гораздо важнее, чем сам по себе симптом, который, представляя собой всего лишь отсутствие удовольствия, пожалуй, не столь серьезен.

Одной из женских функций, которые могут быть нарушены в результате такого неблагоприятного развития, является материнство. Я бы не хотела обсуждать здесь те многообразные способы, которыми могут выражаться подобные физические и эмоциональные расстройства, и предпочла бы ограничиться рассмотрением лишь одного вопроса. Возможно ли, чтобы благополучный в своей основе брак пострадал от появления на свет ребенка? Этот вопрос часто можно услышать заданным в аподиктической форме: цементируют дети брак или, наоборот, его подрывают? Однако ставить вопрос в столь общей форме непродуктивно, поскольку ответ зависит от внутренней структуры каждого конкретного брака. Поэтому мой вопрос будет задан более конкретно: могут ли хорошие отношения между партнерами испортиться с появлением ребенка?

Хотя с биологической точки зрения такие последствия кажутся парадоксальными, при определенных психологических условиях они все же могут возникнуть. Так, например, бывает, когда мужчина, бессознательно сильно привязанный к матери, начинает воспринимать свою жену как фигуру матери, поскольку она и в самом деле сама стала матерью, и тем самым для него становится невозможным относиться к ней как к сексуальному объекту. Такое изменение установки может оправдываться разного рода рационализациями – например, что из-за беременности, родов и кормления жена утратила свою красоту. Именно такими рационализациями мы обычно пытаемся объяснить те эмоции или запреты, которые вторгаются в нашу жизнь из непостижимых глубин нашей души.

Соответствующий случай у женщины объясняется тем, что вследствие определенных нарушений в ее развитии все ее женские желания оказываются сосредоточенными на ребенке. Поэтому и во взрослом мужчине она любит лишь ребенка – ребенка, которого собой представляет для нее сам мужчина, и ребенка, которого он должен ей подарить. Если такая женщина и в самом деле рожает ребенка, муж становится ей совершенно не нужен и даже досаждает своими требованиями.

Таким образом, при определенных психологических условиях ребенок тоже может стать источником отчуждения или неприязни между супругами.

На этом ввиду отсутствия времени я бы хотела закончить, хотя я даже не затронула другие важные источники конфликта, например скрытую гомосексуальность. Большая обстоятельность вряд ли добавит что-либо принципиальное к тому взгляду на проблему, который вытекает из изложенных выше психологических открытий.

Итак, я исхожу из следующего: когда брак угасает или когда вторгается кто-то третий, все, чем мы обычно объясняем крушение брака, уже является следствием определенного развития, результатом, как правило, скрытого от нас процесса, постепенно перерастающего в неприязнь к партнеру. Источники этой неприязни имеют мало общего с тем, что, как мы считаем, раздражает нас в партнере; скорее ими являются неразрешенные конфликты, которые мы приносим в брак из нашего детства.

Следовательно, проблемы брака невозможно решить ни увещеваниями относительно долга и самоотречения, ни советами дать неограниченную свободу влечениям. Первые сегодня уже не имеют смысла для нас, а последние не очень-то способствуют нашему стремлению к счастью, не говоря уж об опасности утратить наши главные ценности. Фактически вопрос следовало бы поставить так: каких факторов, приводящих к неприязни к партнеру, можно избежать? Какие можно смягчить? Какие преодолеть? Можно избежать наиболее разрушительных диссонансов в развитии, по крайней мере снизить их интенсивность. С полным правом можно сказать, что удача в браке зависит от степени

эмоциональной стабильности, достигнутой обоими партнерами до брака. Многие трудности выглядят неизбежными. Пожалуй, в самой природе человека – ожидать исполнения желаний как подарка, вместо того чтобы прилагать усилия. Неиспорченные изнутри, то есть свободные от тревоги отношения между полами, наверное, так и останутся недостижимым идеалом. Мы должны также научиться принимать в себе определенную противоречивость собственных ожиданий как часть нашей натуры и тем самым понять невозможность осуществления их всех в браке. Наше отношение к самоотречению будет меняться в зависимости от момента, в который маятник истории заденет нас. Предшествовавшие нам поколения требовали чрезмерного отречения от инстинктов. Мы же, напротив, склонны его бояться. Самой желанной целью брака, как и любых других отношений, является, пожалуй, достижение компромисса между самоотречением и вседозволенностью, между ограничением и свободой влечений. И все же главное, что угрожает браку, это не самоотречение, навязываемое нам действительными недостатками партнера. В конце концов, мы могли бы простить ему, что он не способен дать нам больше того, что определено границами его природных возможностей; но мы также должны отказаться от других наших требований – высказанных или подразумеваемых, которые слишком легко отравляют атмосферу. Мы должны отказаться от поиска различных путей удовлетворения других своих влечений, не только сексуальных, которые партнер оставляет невостребованными и неисполненными. Иными словами, нам надо всерьез пересмотреть абсолютный стандарт моногамии, непредубежденно исследовав его происхождение, ценности и связанные с ним опасности.

Статья 8. Страх перед женщиной. О специфическом отличии страха мужчин и женщин перед противоположным полом[56]

В балладе «Кубок» Шиллер рассказывает о паже, который бросился в пучину моря, чтобы завоевать женщину, символизируемую кубком. Пораженный ужасом, он описывает грозную бездну, которой едва не был поглощен:

И вдруг, успокоясь, волненье легло;
И грозно из пены седой
Разинулось черною щелью жерло,
И воды обратно толпой
Помчались во глубь истощенного чрева;
И глубь застонала от грома и рева.

И он, упредя разъяренный прилив,
Спасителя-Бога призвал…
И дрогнули зрители все, возопив, –
Уж юноша в бездне пропал.
И бездна таинственно зев свой закрыла:
Его не спасет никакая уж сила.
…
Я видел, как в черной пучине кипят,
В громадный свиваяся клуб,
И млат водяной, и уродливый скат,
И ужас морей однозуб;

[56] Die Angst vor der Frau. Über einen spezifischen Unterschied in der mannlichen und weiblichen Angst vor dem anderen Geschlecht. – Int. Zeitschr. f. Psychoanal., XVIII (1932), S. 5-18; The Dread of Woman. Observations on a Specific Difference in the Dread Felt by Men and by Women Respectively for the Opposite Sex. – Int. J. Psycho-Anal., XIII (1932), pp. 348-360.

И смертью грозил мне, зубами сверкая,
Мокой ненасытный, гиена морская[57].

Эта же идея выражена, но уже менее мрачно, в «Песне рыбака» из «Вильгельма Телля»:

На озеро манит купанья отрада,
Уснувшего юношу нежит прохлада.
И звуки свирели
Он слышит сквозь сон,
Он ангельски нежною
Песней пленен.
Проснулся, блаженства, веселия полный,
А возле играют и пенятся волны.
И вкрадчивый голос
Влечет за собой:
«Бросайся в пучину,
Будь вечно со мной!»[58]

Мужчины не устают находить образы, чтобы выразить неистовую силу, влекущую его к женщине, и сопровождающий это стремление страх оказаться ею погубленным. В частности, я бы хотела упомянуть волнующее изображение этого страха в поэме Гейне о легендарной Лорелее, которая сидит на высоком берегу Рейна и своей красотой заманивает лодочников.

Опять возникает все тот же мотив воды (представляющей, как и прочие «элементы», первичную стихию «женщины»), которая поглощает мужчину, поддавшегося женским чарам. Одиссей, чтобы избежать обольщения сирен, приказал своим гребцам привязать себя к мачте. Мало кто сумел разгадать загадку Сфинкса, большинство поплатилось за свою попытку жизнью. В волшебных сказках ограда дворца короля украшена головами женихов, отважившихся отгадывать загадки его прекрасной дочери. Богиня Кали[59] танцует на трупах поверженных мужчин. Самсона, которого никто из мужчин не мог победить, лишила силы Далила. Юдифь обезглавила Олоферна после того, как отдалась ему. Саломея несет на блюде голову Иоанна Крестителя. Из-за страха мужчин-священников оказаться во власти дьявола сжигали ведьм. «Дух Земли» Ведекинда уничтожает всякого мужчину, поддавшегося ее чарам, и даже не потому, что она особенно зла, а просто потому, что такова ее природа. Перечислять подобные примеры можно бесконечно; всегда и везде мужчина стремится избавиться от своего страха перед женщинами, объективизируя его. «Дело не в том, – говорит он, – что я боюсь ее; дело в том, что она сама по себе зловредна, способна на любое преступление, хищница, вампир, ведьма, ненасытная в своих желаниях. Она – воплощение зла». Не здесь ли – в нескончаемом конфликте между желанием женщины и страхом перед ней – один из важнейших источников мужского стремления к творчеству?[60]

Для примитивного восприятия женщина становится вдвойне зловещей при кровавых

---

[57] Перевод В. А. Жуковского. – *Ред.*

[58] Перевод Н. Славятинского. – *Ред.*

[59] См.: *Daly C. D.,* Hindumythologie und Kastrationskomplex. – Imago, Bd. XIII (1927).

[60] Закс объясняет импульс к художественному творчеству как поиск со-виновных. Я думаю, что он прав, но мне кажется, что он недостаточно глубоко вдается в этот вопрос, поскольку его объяснения односторонни и учитывают только одну часть личности, а именно – Сверх-Я (см.: *Sachs H.,* Gemeinsame Tagtraume).

проявлениях ее женского естества. Контакт с ней во время менструации фатален[61]: мужчины теряют свою силу, пастбища засыхают, рыбаки и охотники возвращаются с пустыми руками. Особую опасность для мужчины представляет акт дефлорации. Как показал Фрейд в «Табу девственности»[62], особенно этого события боится муж. В этой работе Фрейд также ссылается на объективные причины такого страха, указывая на импульсы к кастрации, которые и в самом деле встречаются у женщин. Однако есть две причины, почему это не является адекватным объяснением такого табу. Во-первых, импульс к кастрации не является универсальной реакцией женщин на дефлорацию; эти импульсы присущи, пожалуй, лишь женщинам с сильно выраженной маскулинной установкой. А во-вторых, даже если бы дефлорация неизменно вызывала у женщины деструктивные импульсы, нам все равно пришлось бы (как мы это должны делать в каждом индивидуальном анализе) выяснить, какие именно импульсы у самого мужчины заставляют его считать первое – насильственное – проникновение в вагину опасным предприятием; настолько опасным, что его может безнаказанно совершить либо человек, наделенный властью, либо посторонний, готовый за вознаграждение рискнуть своей жизнью или мужским естеством.

И мы с удивлением спрашиваем себя: неужели не странно, что при таком изобилии очевидного материала так мало внимания уделяется тайному страху мужчины перед женщиной? Еще более удивительно, что и сами женщины так долго его не замечали; в другом месте я еще вернусь к детальному обсуждению причин подобной установки (то есть их собственной тревожности и низкой самооценки). У мужчины имеется достаточно очевидных стратегических причин, чтобы скрывать свой страх. Но он также пытается всеми способами его отрицать даже перед самим собой. Это и составляет цель упомянутых выше усилий «объективизировать» его в художественном и научном творчестве. Мы можем предположить, что даже прославление женщины мужчиной связано не только с его стремлением завоевать ее любовь, но и с желанием скрыть свой страх. Однако такое же облегчение мужчины находят и в презрении к женщинам, которое они так часто демонстративно выказывают в своем поведении. Позиция любви и преклонения означает: «Мне нечего бояться такого восхитительного, такого прекрасного, более того, такого святого создания». Позиция презрения подразумевает: «Было бы просто смешно бояться такого, как ни посмотри, жалкого существа»[63]. Последний способ успокоения своей тревоги дает мужчине особое преимущество, а именно помогает поддержать свою мужскую самооценку, которая, похоже, страдает гораздо сильнее от признания страха перед женщиной, чем от признания страха перед мужчиной (отцом). Понять, почему самооценка мужчин оказывается столь чувствительной именно по отношению к женщинам, можно только с учетом их раннего развития, к чему я вернусь позже.

В процессе анализа страх перед женщиной проявляется весьма отчетливо. Мужская гомосексуальность, как, впрочем, и другие перверсии, основывается на желании избежать женских гениталий или отрицать само их существование. Фрейд, в частности, показал, что это является фундаментальной особенностью фетишизма[64]; он полагает, однако, что она основана не на тревожности, а на чувстве отвращения из-за отсутствия у женщины пениса. Я

---

[61] *Daly C. O.,* Der Menstruationskomplex. – Imago, Bd. XIV (1928), *Winterstein A.,* Die Pubertatsriten der Madchen und ihre Spuren im Marchen. – Imago, Bd. XIV (1928).

[62] *Freud S.,* Tabu der Virginitat.

[63] Я прекрасно помню, как была поражена, впервые услышав, как эти идеи высказываются, причем мужчиной, в форме универсального тезиса. Об этом говорил Гроддек, который явно считал, что утверждал нечто само собой разумеющееся, бросив в разговоре: «Конечно, мужчины боятся женщин». В своих работах Гроддек неоднократно подчеркивал этот страх.

[64] *Freud S.,* Fetischismus (1927).

же считаю, что даже из его рассуждений мы вынуждены сделать заключение о наличии здесь тревоги. То, что на самом деле мы видим, – это страх вагины, тонко замаскированный под отвращение. Только *тревожность* является достаточно сильным мотивом, чтобы удержать мужчину, либидо которого, несомненно, подталкивает его к союзу с женщиной, от стремления к этой цели. Построения Фрейда не объясняют эту тревожность. Страх мальчика перед отцом из-за угрозы кастрации – недостаточная причина, чтобы бояться существа, которого эта кара уже постигла. За страхом перед отцом должен стоять другой страх, объектом которого является женщина или женские гениталии. И этот страх вагины, несомненно, проявляется не только у гомосексуалистов и при перверсиях, но и в сновидениях проходящих анализ мужчин. Сновидения такого рода известны каждому аналитику, поэтому я только вкратце напомню их основные сюжеты: автомобиль мчится вперед, неожиданно попадает в яму и разваливается на куски; лодка плывет по узкому проливу и ее неожиданно засасывает водоворот; открывается подвал с ужасными кровососущими растениями и дикими зверями; человек взбирается по трубе, рискуя сорваться и погибнуть.

Доктор Баумейер из Дрездена[65] разрешил мне рассказать о серии экспериментов, возникших в результате случайного наблюдения и иллюстрирующих страх перед вагиной. Врач в санатории играла с детьми в мяч, а затем показала им, что мяч порвался. Она развела края разреза и засунула туда палец, так что он оказался там зажатым. Из двадцати восьми мальчиков, которым она предложила проделать то же самое, только шесть сделали это без страха, а восьмерых она так и не сумела уговорить. Из девятнадцати девочек девять засовывали пальцы без следа страха, остальные обнаружили некоторые затруднения, но ни у кого из них не было серьезной тревоги.

Без сомнения, страх перед вагиной зачастую скрывается за страхом перед отцом, который также имеет место, или, на языке бессознательного, за страхом пениса в вагине женщины[66].

Тому есть две причины. Во-первых, как я уже говорила, мужское самолюбие оказывается таким образом менее уязвленным, а во-вторых, страх перед отцом по своему качеству более понятен, не столь иррационален. Мы можем сравнить это со страхом перед реальным врагом и страхом перед привидениями. Поэтому выдвижение на передний план тревожности, связанной с кастрирующим отцом, является тенденциозным, как показал Гроддек, например, в анализе сосания пальца в «Растрепе»: палец отрезает мужчина, но угрозу произносит мать, а инструмент, с помощью которого она осуществляется – ножницы, – женский символ.

Исходя из всего вышесказанного, я считаю вполне вероятным, что мужской страх перед женщиной (матерью) или женскими гениталиями более глубоко укоренен, более значим и обычно более энергично вытесняется, чем страх перед мужчиной (отцом), и что стремление обнаружить пенис у женщины представляет собой прежде всего судорожную попытку отрицать существование зловещих женских гениталий.

Существует ли какое-нибудь онтогенетическое объяснение этой тревожности? Не является ли она (у человека) неотъемлемой частью мужской сущности и мужского поведения? Имеет ли какое-нибудь отношение к этому летаргия или даже смерть после совокупления, которые часто наблюдаются у самцов животных?[67] Не связаны ли любовь и

---

65 Эти эксперименты провела доктор Хартунг в детской клинике в Дрездене.

66 *Bohm F.,* Beitrage der Psychologie der Homosexualitat. – Int. Zeitschr. f. Psychoanal., XI (1925); *Klein M.,* Early Stages of the Odipus Conflict. – Int. J. Psycho-Anal., Vol. IX (1928); The Importance of Symbol-Formation in the Development of the Ego. – Int. J. Psycho-Anal, Vol. XI (1930); Infantile Anxiety-Situations reflected in a Work of Art and in the Creative Impulse. – Int. J. Psycho-Anal, Vol. X (1929).

67 *Bergmann,* Muttergeist und Erkenntnisgeist.

смерть у мужчин теснее, чем у женщин, для которых соитие – потенциальное создание новой жизни? Не испытывает ли мужчина наряду с желанием завоевать тайного стремления прекратить существование в акте воссоединения с женщиной (матерью)? Не это ли желание лежит в основе «влечения к смерти»? А может быть, это воля к жизни реагирует тревогой на такое желание?

Пытаясь понять эту тревожность в психологических и онтогенетических терминах, мы оказываемся в растерянности, если придерживаемся позиции Фрейда, будто основное различие между инфантильной и детской сексуальностью заключается именно в том, что ребенок еще «не открыл» вагину. В соответствии с этим взглядом мы не можем говорить о примате гениталий; скорее мы должны назвать это приматом фаллоса. Следовательно, период инфантильной генитальной организации правильнее именовать «фаллической фазой»[68]. Множество высказываний, отмеченных у мальчиков в этот период жизни, не оставляет сомнений в справедливости наблюдений, на которых основана теория Фрейда. Но если мы вглядимся более пристально в главные характеристики этой фазы, нам придется поневоле задать вопрос, действительно ли описание Фрейда является исчерпывающим для инфантильной генитальности как таковой во всех ее специфических проявлениях или же оно приложимо лишь к ее сравнительно поздней стадии. Фрейд утверждает, что для мальчика характерно сосредоточение интереса, в отчетливо нарциссической форме, на его собственном пенисе: «Движущая сила, которую эта часть мужского тела будет генерировать позднее в пубертате, в детстве выражается в основном в стремлении исследовать вещи – в сексуальном любопытстве». Весьма важную роль играют вопросы о наличии и размерах фаллоса у других живых существ.

Но несомненно, суть собственно фаллических импульсов, исходящих от органических ощущений, состоит в желании *проникнуть.* То, что эти импульсы действительно существуют, вряд ли вызывает сомнение; они слишком отчетливо проявляются в детских играх и при анализе маленьких детей. Опять-таки трудно сказать, из чего состоят сексуальные желания мальчика в отношении матери, если не из этих самых импульсов, или почему объектом тревоги, связанной с мастурбацией, должен быть кастрирующий отец, не будь мастурбация в значительной степени аутоэротическим выражением гетеросексуальных фаллических импульсов.

В фаллической фазе психическая ориентация мальчика является преимущественно нарциссической; следовательно, период, в котором его генитальные импульсы направлены на объект, должен быть более ранним. Определенно, следует учитывать и возможность того, что они не направлены на женские гениталии, о существовании которых он инстинктивно догадывается. В сновидениях, как детских, так и более поздних, в симптомах и особых типах поведения мы и в самом деле обнаруживаем репрезентации орального, анального или садистского коитуса без специфической локализации. Но мы не можем считать это доказательством примата соответствующих импульсов, поскольку не знаем, действительно ли и в какой мере эти явления выражают смещение от собственно генитальной цели. В сущности, все это может быть лишь свидетельством того, что данный индивид проявляет специфические оральные, анальные или садистские наклонности. Ценность подобного свидетельства невелика, поскольку эти репрезентации всегда связаны с определенными аффектами, направленными против женщин, и поэтому нельзя сказать, не являются ли они по сути продуктом или выражением этих аффектов. Например, тенденция унижать женщин может выражаться в анальных репрезентациях женских гениталий, тогда как оральные репрезентации могут выражать тревогу.

Наряду со всем этим есть и другие причины, почему мне кажется невероятным, чтобы существование специфического женского отверстия оставалось «необнаруженным». С одной

---

68 *Freud S.,* Die infantile Genitalorganisation (1923).

стороны, конечно, мальчик может автоматически прийти к выводу, что все остальные устроены точно так же, как он сам; но с другой стороны, его фаллические импульсы, несомненно, побуждают его инстинктивно искать соответствующее отверстие в женском теле, более того, то отверстие, которого он сам лишен, ибо один пол всегда ищет в другом то, что дополняет его самого, или те свойства, которые отличаются от его собственных. Если мы всерьез принимаем заявление Фрейда, что сексуальные теории, создаваемые детьми, строятся на основе их собственной половой конституции, в данной связи это непременно должно означать, что мальчик, побуждаемый импульсами к проникновению, рисует в фантазии комплементарный женский орган. Именно к этому выводу мы и должны прийти из всего того материала, который я привела в начале статьи, говоря о мужском страхе перед женскими гениталиями.

Маловероятно, чтобы эта тревога возникла лишь в пубертате. Уже в начале этого периода тревога проявляется вполне отчетливо, если только заглянуть за невысокий фасад скрывающей ее мальчишеской гордости. В пубертате задача мальчика, очевидно, состоит в том, чтобы не только освободиться от инцестуозной привязанности к матери, но и справиться со своим страхом перед женским полом в целом. Успеха, как правило, здесь можно достичь лишь постепенно: сначала мальчик отворачивается от всех девчонок на свете, и только когда его мужественность пробуждается полностью, она побуждает его переступить через порог страха. Но мы знаем, что конфликты пубертата, как правило, лишь воспроизводят *mutatis mutandis* [69] конфликты периода ранней инфантильной сексуальности и что путь, который они избирают, зачастую по сути является копией ряда более ранних переживаний. Более того, гротескный характер тревоги, который мы обнаруживаем в символике сновидений и литературных произведений, несомненно, указывает на период ранних инфантильных фантазий.

В пубертате обычный мальчик уже имеет сознательное представление о вагине, но то, чего он боится в женщинах, – это нечто иррациональное, незнакомое и таинственное. Если взрослый мужчина продолжает относиться к женщине как к великой тайне, проникнуть в которую он не в силах, это чувство в конечном счете может быть связано только с одним – с тайной материнства. Все остальное – лишь остаток страха перед этой тайной.

Каков источник этой тревоги? Каковы ее основные черты? И какие факторы омрачают ранние отношения мальчика с матерью?

В статье о женской сексуальности[70] Фрейд указал на наиболее очевидные из этих факторов: мать первая, кто запрещает ребенку инстинктивные действия, потому что именно она ухаживает за младенцем. Во-вторых, ребенок, очевидно, испытывает садистские импульсы по отношению к телу матери[71], которые, по всей вероятности, связаны с яростью, вызванной ее запретами, и, в соответствии с законом талиона, этот гнев оставляет после себя осадок в виде тревоги. И наконец – и это, пожалуй, главное, – еще один такой фактор образует специфическая судьба самих генитальных импульсов. Анатомические различия между полами приводят к совершенно различной ситуации у девочек и мальчиков, и, чтобы действительно понять их тревогу и отличия их тревоги, мы должны прежде всего принять во внимание *реальную ситуацию ребенка* в период его ранней сексуальности. Природа девочки, которая обусловлена биологически, наделяет ее желанием принимать, вбирать[72]; она чувствует или знает, что ее гениталии слишком малы для отцовского пениса, и это

---

69 Внося соответствующие изменения *(лат.). – Ред.*

70 *Freud S.,* Über die weibliche Sexualitat (1931).

71 См. цитированную выше работу М. Кляйн, которой, как я думаю, было уделено недостаточно внимания.

72 Это не тождественно пассивности.

заставляет ее реагировать на собственные генитальные желания непосредственно тревогой; она боится, что, если ее желания осуществятся, она сама или ее гениталии будут уничтожены[73].

Мальчик, напротив, чувствует или инстинктивно оценивает, что его пенис слишком мал для гениталий матери, и реагирует страхом оказаться несостоятельным, отвергнутым и униженным. Следовательно, его тревога лежит совсем в другой области, чем тревога девочки; его изначальный страх перед женщиной является вовсе не страхом кастрации, а реакцией на угрозу его самолюбию[74].

Чтобы быть правильно понятой, позвольте мне подчеркнуть, что эти процессы, как я полагаю, протекают чисто инстинктивно на основе органических ощущений и напряжений, исходящих от органических потребностей; другими словами, я считаю, что эти реакции возникли бы даже в том случае, если бы девочка никогда не увидела пениса своего отца, а мальчик – гениталий своей матери и никто бы из них не приобрел теоретических знаний о существовании этих органов.

Из-за своей реакции мальчик подвергается иного рода и более серьезной фрустрации со стороны матери, чем девочка из-за своих переживаний в отношении отца. В любом случае, удар наносится по либидинозным импульсам. Однако девочка находит в своей фрустрации некоторое утешение – она сохраняет свою физическую целостность. Мальчик же получает еще один удар по чувствительному месту – он ощущает свою генитальную несостоятельность, и это чувство, вероятно, сопровождает его либидинозные желания с самого начала. Если мы считаем, что наиболее общей причиной для неистовой ярости является неосуществление жизненно важных на данный момент импульсов, то из этого следует, что фрустрация мальчика матерью должна вызывать у него удвоенную ярость: во-первых, из-за обращения вспять его либидо и, во-вторых, из-за его уязвленного мужского самолюбия. Одновременно вновь разгорается прежняя обида, проистекающая из догенитальных фрустраций. В результате его фаллические импульсы к проникновению смешиваются с гневом и фрустрацией и принимают садистский оттенок.

Здесь разрешите мне подчеркнуть один момент, которому часто не уделяется достаточно внимания в психоаналитической литературе, а именно: у нас нет причин предполагать, что эти фаллические импульсы являются садистскими от природы, и поэтому совершенно недопустимо в отсутствие конкретных доказательств в каждом отдельном случае приравнивать «мужское» к «садистскому» и сходным образом «женское» к «мазохистскому». Если примесь деструктивных импульсов действительно велика, материнские гениталии в соответствии с законом талиона становятся объектом непосредственной тревоги. Таким образом, если поначалу они вызывали у него неприязнь из-за ассоциации с его уязвленным самолюбием, то в результате вторичного процесса (гнева, вызванного фрустрацией) они становятся объектом страха кастрации. И вероятно, этот страх значительно усиливается, когда мальчик подмечает признаки менструации.

Очень часто этот страх в свою очередь оставляет долгий след на установке мужчины по отношению к женщине, о чем нам известно из множества примеров из жизни самых разных народов в самые разные времена. Однако я не думаю, что это происходит непременно со всеми мужчинами в сколько-нибудь значительной степени, и, несомненно, это не является отличительной чертой отношения мужчины к противоположному полу. Тревога такого рода весьма напоминает *mutatis mutandis* тревогу, которую мы встречаем у женщин. Если в процессе анализа мы обнаруживаем, что она достигла сколько-нибудь существенной интенсивности, то речь неизменно идет о мужчине, установка которого по отношению к

---

[73] В другой статье я остановлюсь на ситуации девочки более подробно.

[74] Здесь я бы указала на проблемы, затронутые мной в статье «Недоверие между полами» (с. 79-89 в этой книге).

женщинам, несомненно, является невротической.

С другой стороны, я полагаю, что тревога, связанная с уязвленным самолюбием, оставляет более или менее заметные следы в каждом мужчине и накладывает на его общую установку по отношению к женщинам особый отпечаток, который либо вообще отсутствует в установке женщин по отношению к мужчинам, либо если и присутствует, то является вторичным приобретением. Другими словами, она не является неотъемлемой частью женской натуры.

Мы можем постичь общий смысл этой мужской установки, если только более тщательно изучим развитие инфантильной тревожности у мальчика, его усилия справиться с ней и способы, которыми она проявляется.

Согласно моему опыту, страх быть осмеянным и отвергнутым является типичным ингредиентом при анализе любого мужчины, независимо от того, каковы его душевные свойства или структура невроза. Аналитическая ситуация и постоянная сдержанность женщины-аналитика выявляют эту тревогу и чувствительность более отчетливо, чем они обнаруживаются в обычной жизни, предоставляющей мужчинам множество возможностей избежать этих чувств, либо уходя из ситуаций, которые могут их вызывать, либо за счет сверхкомпенсации. Специфическую основу этой установки определить довольно сложно, потому что при анализе она, как правило, скрывается за женской ориентацией, по большей части бессознательной[75].

Основываясь на собственном опыте, я берусь утверждать, что последняя ориентация является не менее распространенной, хотя и менее очевидной (по причинам, о которых я скажу позднее), чем мужская установка у женщин. Я не стану предлагать обсудить здесь различные ее источники; я хочу лишь сказать, что, на мой взгляд, рана, нанесенная самолюбию мальчика, может быть одним из факторов, вызывающих у него неприязнь к своей мужской роли.

Типичной реакцией на эту рану и на возникающий вслед за этим страх перед матерью является, очевидно, отвод либидо от матери и сосредоточение его на себе и своих гениталиях. С экономической точки зрения этот процесс обладает двумя преимуществами: он позволяет мальчику избежать мучительной или исполненной тревоги ситуации, создавшейся между ним и его матерью, и восстанавливает его мужскую самооценку, реактивно усиливая в нем фаллический нарциссизм. Женские гениталии для него больше не существуют: «необнаруженная» вагина – это отрицаемая вагина. Эта стадия развития мальчика полностью идентична фаллической фазе, описанной Фрейдом.

Соответственно, доминирующее в этой стадии любопытство и специфический характер мальчишеского любопытства мы должны понимать как отступление от объекта, сопровождающееся нарциссически окрашенной тревогой.

Таким образом, первой реакцией мальчика является усиление фаллического нарциссизма. В результате прежнее желание быть женщиной, которое мальчики помладше выражают безо всякого смущения, теперь вызывает у него отчасти тревогу, как бы оно не было принято всерьез, отчасти страх кастрации. Убедившись, что мужской комплекс кастрации в значительной мере является ответом Я на *желание быть женщиной,* мы уже не можем полностью разделять мнение Фрейда, что бисексуальность гораздо отчетливее проявляется у женщин, нежели у мужчин[76]. Этот вопрос нам придется оставить открытым.

Одна из особенностей фаллической фазы, которую подчеркивает Фрейд, со всей отчетливостью проявляется в нарциссическом шраме, оставленном у маленького мальчика его отношениями с матерью: «Он ведет себя так, как будто смутно догадывается, что этот

---

[75] *Bohm F.,* The Femininity Complex in Men. – Int. J. Psycho-Anal., Vol. XI (1930).

[76] *Freud S.,* Über die weibliche Sexualitat (1931).

орган может и должен быть больше»[77]. Мы могли бы дополнить это наблюдение, заметив, что подобное поведение и в самом деле начинается в фаллической фазе, но не прекращается с ее окончанием; напротив, оно со всей наивностью проявляется на протяжении всего детства мальчика и сохраняется даже позднее в виде глубоко скрытой тревоги по поводу размеров своего пениса или своей потенции или в виде менее скрытой гордости за них.

Еще одна из особенностей биологического различия между полами состоит в том, что мужчина вынужден постоянно доказывать женщине свою мужественность. У женщины такой необходимости нет. Даже если она фригидна, она может участвовать в половом акте, зачать и родить ребенка. Чтобы сыграть свою роль, ей достаточно просто быть и необязательно что-то *делать* – обстоятельство, которое всегда вызывало у мужчин восхищение и обиду. Мужчина, напротив, должен что-нибудь делать для того, чтобы реализовать себя. Идеал «продуктивности» – типично мужской идеал.

Такова, пожалуй, основная причина того, почему при анализе женщин, боящихся своих мужских наклонностей, мы постоянно обнаруживаем, что они бессознательно относятся к честолюбию и достижениям как к мужским атрибутам, несмотря на значительное расширение сферы активности женщин в реальной жизни.

И в самой сексуальной жизни мы видим, как обычное стремление к любви, влекущее мужчин к женщинам, очень часто затмевается переполняющим мужчину навязчивым стремлением вновь и вновь доказывать себе и другим свою мужественность. Мужчину такого типа в его крайней форме интересует только одно – покорять. Его цель – «обладать» многими женщинами, самыми красивыми и самыми желанными для других. Удивительную смесь этой нарциссической сверхкомпенсации и пережитков тревоги мы обнаруживаем у тех мужчин, которые, несмотря на то что жаждут завоеваний, негодуют на женщин, принимающих их намерения слишком всерьез, или у тех мужчин, которые сохраняют вечную благодарность женщине, если она избавляет их от необходимости доказывать свою мужественность на деле.

Другой способ заглушить боль от ноющего нарциссического шрама – это принять установку, описанную Фрейдом как склонность к выбору недостойного объекта любви[78]. Если мужчина не желает женщин, которые равны ему или даже чем-то его превосходят, – разве это не защита от угрозы самооценке по принципу «зелен виноград»? От проститутки или легкодоступной женщины нечего бояться отказа или сексуальных, этических и интеллектуальных требований. С ней всегда можно чувствовать свое превосходство[79].

Это подводит нас к третьему способу, самому важному и самому пагубному по своим культурным последствиям: принижению самооценки женщин. Надеюсь, мне удалось показать, что пренебрежительное отношение мужчин к женщинам основано на психической тенденции к дискредитации – тенденции, коренящейся в психических реакциях мужчин на определенные биологические факты, чего и следовало ожидать от психической установки, которая столь широко распространена и столь упорно отстаивается. Представление о том, что женщины – существа инфантильные, эмоциональные и поэтому неспособные к ответственности и независимости, является плодом мужской тенденции снизить уважение женщин к себе. Когда мужчины оправдывают эту установку тем, что огромное множество женщин и в самом деле соответствуют такому описанию, нам следует задуматься, не был ли подобный тип женщин выведен в результате систематической селекции со стороны мужчин.

---

77 *Freud S.,* Die infantile Genitalorganisation (1923).

78 *Freud S.,* Beitrage zur Psychologie des Liebeslebens (1910).

79 Это не умаляет важности других влекущих мужчину к проституткам сил, описанных в работах Фрейда и Бёма *[Freud S.,* Beitrage zur Psychologie des Liebeslebens (1910); *Bohm F.,* Beitrage der Psychologie der Homosexualitat. – Int. Zeitschr. f. Psychoanal., Bd. VI (1920)].

Важно не то, что отдельные умы того или иного калибра – от Аристотеля до Мёбиуса – затратили немало энергии и интеллектуальных усилий, чтобы доказать превосходство мужского начала. Что действительно имеет значение – это тот факт, что вечно колеблющаяся самооценка «среднего человека» побуждает его вновь и вновь выбирать инфантильный, нематеринский, истерический тип женщины и тем самым подвергать каждое новое поколение влиянию таких женщин.

Статья 9. Отрицание вагины. К вопросу о специфически женской генитальной тревожности[80]

Фундаментальные выводы, к которым привели Фрейда исследования специфического характера женского развития, состоят в следующем: во-первых, у маленьких девочек раннее развитие влечений протекает тем же путем, что и у мальчиков, как в отношении эрогенных зон (для обоих полов существенную роль играет лишь один половой орган – пенис, вагина остается необнаруженной), так и в отношении первого выбора объекта (для обоих полов первым объектом любви является мать). Во-вторых, значительные различия, которые тем не менее существуют между полами, обусловлены тем, что сходство либидинозных тенденций не сопровождается сходством анатомических и биологических оснований. Из этой посылки логически и неизбежно следует, что девочки чувствуют себя недостаточно оснащенными для такой фаллической ориентации своего либидо и поэтому не могут не завидовать превосходству в этом отношении мальчиков. Помимо конфликтов с матерью, общих для девочки и для мальчика, у девочки добавляется еще один, критический для нее конфликт: она возлагает на мать вину за отсутствие у себя пениса. Этот конфликт является критическим потому, что именно этот упрек вызывает ее отчуждение от матери и обращение к отцу. Фрейд нашел удачное название для обозначения этого периода расцвета детской сексуальности, периода инфантильного примата гениталий как у девочек, так и у мальчиков, – он назвал его *фаллической фазой.*

Могу себе представить, как некий ученый муж, не знакомый с психоанализом, читая это сообщение, пожимает плечами, полагая, что это еще одна из множества странных и диковинных идей, в которых психоанализ пытается уверить мир. Лишь тот, кто принимает теорию Фрейда, способен оценить важность этого положения для понимания женской психологии в целом. Полное значение этой гипотезы раскрывается в свете одного из самых грандиозных открытий Фрейда, одного из тех его достижений, которые, как мы вправе ожидать, будут находить постоянное подтверждение. Я имею в виду осознание огромной важности для всей последующей жизни индивида впечатлений, переживаний и конфликтов раннего детства. Если мы полностью разделяем эту гипотезу, то есть если осознаем формирующее влияние раннего опыта на способность субъекта справляться со своим последующим опытом и на способы, которыми он будет это делать, то из этой гипотезы вытекают, по крайней мере потенциально, следующие выводы относительно специфики психической жизни женщины:

1. С наступлением каждой новой фазы в функционировании женских органов – менструации, половой жизни, беременности, родов, кормления, климакса – даже нормальной женщине (как действительно предполагала Хелен Дойч[81]) приходится преодолевать в себе импульсы мужской тенденции, прежде чем она сумеет принять установку искреннего признания процессов, происходящих внутри ее тела.

---

80 Die Verleugnung der Vagina. Ein Beitrag zur Frage der spezifisch weiblichen Genitalangst. – Int. Zeitschr. f. Psychoanal., XIX (1933), S. 372-384; The Denial of the Vagina. A Contribution to the Problem of the Genital Anxieties Specific to Women. – Int. J. Psycho-Anal., Vol. XIV (1933), pp. 57-70.

81 *Deutsch H.,* Psychoanalyse der weiblichen Sexualfunktionen (1925).

2. Опять-таки, даже у нормальной женщины, независимо от происхождения, социальных и индивидуальных условий, либидо с гораздо большей готовностью, чем у мужчин, может быть обращено на лиц одного с ней пола. Одним словом, *гомосексуальность* должна быть несравнимо более распространена среди женщин, нежели среди мужчин. Сталкиваясь с трудностями в отношениях с противоположным полом, женщина с большей легкостью, чем мужчина, обращается к гомосексуальной позиции. Ибо, согласно Фрейду, в наиболее важные годы ее детства в девочке доминирует привязанность к особе одного с ней пола, но даже когда она впервые обращается к мужчине (отцу), это, по сути, происходит благодаря лишь узенькому мостику обиды: «Раз я не могу иметь пенис, я хочу вместо него ребенка и „именно за этим" я обращаюсь к отцу. Из-за того, что я сердита на мать, повинной в моем анатомическом изъяне, я отказываюсь от нее и обращаюсь к отцу». Поскольку мы убеждены в формирующем воздействии первых лет жизни, мы бы противоречили самим себе, если бы полагали, что отношения женщины к мужчине не сохраняют в течение всей жизни некоторого оттенка этого вынужденного выбора эрзаца того, что было желанным на самом деле[82].

3. Тот же характер чего-то далекого от инстинкта, вторичного и замещенного, должен быть даже у нормальной женщины присущ *желанию материнства* или по крайней мере с легкостью проявляться. Фрейд прекрасно представляет себе силу желания женщины иметь детей. В его глазах оно является, с одной стороны, основным наследием наиболее сильного из инстинктивных объектных отношений маленькой девочки – то есть отношения к матери, выраженное в форме инвертированных первоначальных отношений ребенок-мать. С другой стороны, это желание является также главным наследием раннего, элементарного желания иметь пенис. Особенность позиции Фрейда состоит скорее в том, что он рассматривает желание материнства не как природное образование, а как нечто поддающееся психологической редукции к онтогенетическим элементам и черпающее свою энергию из гомосексуальных или фаллических инстинктивных желаний.

4. Если мы принимаем вторую аксиому психоанализа, то есть признаем, что установка индивида в сексуальных отношениях является прототипом его жизненной установки в целом, из этого в конечном счете следует, что все жизненные реакции женщины должны быть основаны на сильнейшей затаенной обиде. Ибо, согласно Фрейду, зависть маленькой девочки к пенису соответствует ощущению своего крайне невыгодного положения с точки зрения удовлетворения жизненно важных и элементарных инстинктивных желаний. Здесь мы имеем перед собой типичную основу, на которой может возникнуть общее недовольство. Разумеется, такая установка не является неизбежной; Фрейд особо подчеркивает, что *при благоприятном развитии* девочка находит свой собственный путь к мужчине и материнству. Но здесь опять-таки мы бы вступили в противоречие со всей психоаналитической теорией и практикой, если бы полагали, что столь ранняя и глубоко укоренившаяся установка обиды не будет проявляться с необычайной легкостью – гораздо легче, нежели, при сходных обстоятельствах, у мужчины, – или, во всяком случае, не пребывает в постоянной готовности, чтобы исподволь нанести ущерб жизненному настрою женщин.

Таковы основные заключения о женской психологии в целом, которые вытекают из представлений Фрейда о ранней женской сексуальности. Обсуждая их, мы отчетливо ощущаем, что обязаны вновь и вновь проверять путем исследований и теоретической рефлексии как факты, на которых они основаны, так и интерпретацию этих фактов.

Мне кажется, что одного только аналитического опыта недостаточно для того, чтобы оценить верность некоторых фундаментальных идей, на которых Фрейд основал свою теорию. Я думаю, что окончательный вердикт относительно правильности этих идей следует

---

82 В следующей работе я надеюсь обсудить вопрос ранних объектных отношений, рассматриваемых на основе фаллической установки маленькой девочки.

отложить до тех пор, пока в нашем распоряжении не окажутся результаты систематических исследований *нормальных* детей, проведенных в широком масштабе лицами, обученными анализу. К числу положений, остающихся пока под вопросом, я отношу и утверждение Фрейда о том, что «отчетливая дифференциация мужского и женского характеров, как всем известно, впервые возникает после пубертата». Некоторые мои собственные наблюдения это положение не подтверждают. Напротив, меня всегда поражало, насколько отчетливо у девочек между вторым и пятым годом жизни проявляются специфически женские черты характера. Например, зачастую они спонтанно начинают совершенно по-женски кокетничать с мужчинами или же обнаруживают характерные признаки материнской заботы. С самого начала мне было нелегко примирить эти впечатления с теорией Фрейда об изначально мужской направленности сексуальности у маленькой девочки.

Мы могли бы предположить, что Фрейд относил свой тезис об изначальном сходстве либидинозных тенденций у обоих полов лишь к сфере сексуальности. Но тогда мы бы вступили в конфликт с максимой, гласящей, что сексуальность индивида является прототипом его поведения в целом. Чтобы прояснить этот момент, нам бы понадобилось большое число тщательных наблюдений над различиями в поведении нормальных мальчиков и девочек в первые пять-шесть лет их жизни.

Не подлежит сомнению, что в эти первые годы девочки, которых не запугивали, очень часто высказывают нечто такое, что может быть интерпретировано как зависть к пенису: они задают вопросы, они проводят сравнение, которое оказывается не в их пользу; они говорят, что хотят иметь такую же штучку; они выражают восхищение пенисом или утешают себя мыслью, что потом он у них тоже вырастет. Предположив на миг, что подобные явления происходят достаточно часто или даже регулярно, мы все равно столкнемся с вопросом о том, какое место и какой вес они должны иметь в наших теоретических построениях. В соответствии с общими своими представлениями Фрейд использует эти явления для того, чтобы показать, в какой мере инстинктивная жизнь маленькой девочки уже находится под влиянием доминирующего желания обладать пенисом.

Против такого взгляда я бы выдвинула следующие три соображения:

1. У мальчиков того же возраста мы сталкиваемся с аналогичными явлениями в форме желания иметь грудь или родить ребенка.

2. Ни у одного из полов эти явления *не оказывают ни малейшего влияния на поведение ребенка в целом.* Мальчик, страстно желающий иметь такую же грудь, как у матери, может одновременно вести себя с обычной мальчишеской агрессивностью. Девочка, бросающая восхищенные и завистливые взгляды на гениталии брата, может вести себя в то время как настоящая маленькая женщина. Таким образом, вопрос о том, считать ли подобные проявления в этом раннем возрасте выражением элементарных инстинктивных требований или же мы должны отнести их к другой категории, на мой взгляд, по-прежнему остается открытым.

3. Еще одна возможная категория напрашивается, если мы примем предположение, что у каждого человека имеется бисексуальная диспозиция. Важность этого положения для понимания человеческой психики всегда подчеркивалась самим Фрейдом. Мы можем предположить, что, хотя при рождении пол каждого индивида уже закреплен физически, следствием бисексуальной диспозиции, которая, несмотря на подавление в процессе развития, всегда в нем присутствует, является тот факт, что *психологически* установка ребенка к своей сексуальной роли остается неопределенной и экспериментирующей. Ребенок не сознает собственного пола и поэтому вполне естественно наивно выражает бисексуальные желания. Мы можем пойти дальше и предположить, что подобная неопределенность исчезает лишь по мере того, как возрастает чувство любви, направленной на объект.

Чтобы пояснить сказанное, я могу указать на заметное различие между этими диффузными проявлениями бисексуальности в раннем детстве с их игровым, неустойчивым

характером и проявлениями в так называемый латентный период. Если в *этом* возрасте девочка желает быть мальчиком – однако также и здесь надо было бы исследовать, как часто встречается это желание и какими социальными факторами оно обусловлено, – то способ, которым это желание определяет ее поведение в целом (предпочтение мальчишеских игр и манеры поведения, отказ от женских привычек), показывает, что такое желание исходит из совсем иных глубин ее души. Эта картина, столь отличная от картины раннего детства, уже представляет собой результат душевных конфликтов[83], через которые пришлось пройти девочке, и поэтому без специальных теоретических допущений не может считаться проявлением мужских желаний, заложенных биологически.

Другая посылка, на которой Фрейд основывает свои взгляды, относится к эрогенным зонам. Фрейд считает, что ранние генитальные ощущения и действия девочки сосредоточены главным образом на клиторе. Он считает весьма сомнительной возможность ранней вагинальной мастурбации и утверждает даже, что вагина остается в целом «необнаруженной».

Чтобы разобраться в этом важном вопросе, нам вновь потребуется точное и широкомасштабное наблюдение над нормальными детьми. Йозина Мюллер[84] и я уже в 1925 году выражали сомнение по этому поводу. Более того, большая часть информации, которую нам удалось получить от интересующихся психологией гинекологов и детских врачей, заставляет предположить, что в ранние годы детства вагинальная мастурбация распространена не менее, чем клиторальная. Это предположение подтверждается следующими данными: частым обнаружением признаков вагинального раздражения, таких, как покраснение и появление выделений, относительно частым обнаружением во влагалище инородных тел и, наконец, весьма распространенными жалобами матерей, что их дочки засовывают во влагалище пальцы. Известный гинеколог Вильгельм Липманн, основываясь на своих наблюдениях, утверждал[85], что в раннем детстве и даже в первые годы жизни вагинальная мастурбация встречается гораздо чаще, нежели клиторальная, и лишь в последующие годы соотношение меняется в пользу клиторальной мастурбации.

Эти общие впечатления не могут заменить систематических наблюдений и поэтому не позволяют сделать окончательные выводы. Однако они показывают, что исключения, которые признавал и сам Фрейд, по-видимому, не такое уж и редкое явление.

Наиболее естественным для нас было бы попытаться пролить свет на данный вопрос с помощью анализа, однако это слишком сложно. Даже в лучшем случае материал сознательных воспоминаний пациентки или воспоминаний, возникающих в процессе анализа, нельзя использовать в качестве однозначного свидетельства, потому что здесь, как и везде, мы должны считаться с работой вытеснения. Другими словами, у пациентки могут быть веские причины не помнить вагинальных ощущений или вагинальную мастурбацию, и точно так же, с другой стороны, мы должны относиться скептически к тому, что ей неведомы клиторальные ощущения[86].

Еще одна сложность состоит в том, что женщины, обращающиеся к аналитику, не могут дать нам представление о средней норме в связи с вагинальными процессами. Это

---

[83] См. статью К. Хорни «О развитии комплекса кастрации у женщин» (с. 14-28 в этой книге).

[84] *Muller J.,* The Problem of Libidinal Development of the Genital Phase in Girls. – Int. J. Psycho-Anal., Vol. XIII (1932).

[85] В частной беседе.

[86] Во время дискуссии, последовавшей за моим докладом о фаллической фазе, прочитанным в 1931 году перед Немецким психоаналитическим объединением, Бём сообщил о нескольких случаях, когда пациентки вспоминали только о вагинальных ощущениях и вагинальной мастурбации, а о существовании клитора, очевидно, им было неизвестно.

всегда женщины, сексуальное развитие которых каким-то образом отклонилось от нормального, женщины, у которых *вагинальная* чувствительность в большей или меньшей степени оказалась нарушенной. В то же время, по-видимому, значение имеют даже случайные различия в материале. Примерно в двух случаях из трех я обнаруживала следующую картину:

1. Выраженный вагинальный оргазм, достигаемый мануальной вагинальной мастурбацией перед коитусом. Фригидность в форме вагинизма и недостаточная секреция при коитусе. (Я наблюдала только два случая, безусловно относящихся к этому роду.) Я думаю, что в целом при мануальной генитальной мастурбации предпочтение оказывается клитору или половым губам.

2. Спонтанные вагинальные ощущения, по большей части сопровождавшиеся заметной секрецией, возникали в ситуации бессознательной стимуляции, например при слушании музыки, езде в автомобиле, раскачивании, расчесывании волос и в некоторых ситуациях переноса. Отсутствие мануальной вагинальной мастурбации; фригидность при коитусе.

3. Спонтанные вагинальные ощущения, вызванные экстрагенитальной мастурбацией, то есть определенными движениями тела, тесным бельем или особыми садомазохистскими фантазиями. Отсутствие коитуса вследствие чрезмерной тревожности, возникавшей всякий раз при прикосновении к вагине – будь то мужчиной во время полового акта, гинекологом при осмотре, самой женщиной при мастурбации или предписанном медиками промывании.

Итак, на данный момент мои впечатления можно подытожить следующим образом: при мануальной генитальной мастурбации клитор избирается чаще, чем вагина, *но спонтанные генитальные ощущения, вызванные общим сексуальным возбуждением, чаще локализуются в вагине.*

Я полагаю, что с теоретической точки зрения следует придавать большое значение этому сравнительно распространенному явлению спонтанного вагинального возбуждения, возникающего даже у тех пациенток, которые не ведают о существовании вагины или имеют лишь весьма смутное представление о ней и анализ которых не выявляет никаких свидетельств вагинального совращения или воспоминаний о вагинальной мастурбации. В связи с этим явлением напрашивается вопрос: *не проявляется ли сексуальное возбуждение с самого начала в отчетливых вагинальных ощущениях?*

Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны располагать куда более обширным материалом, чем тот, который может извлечь из своих наблюдений каждый отдельный аналитик. Тем не менее ряд соображений свидетельствует, как мне кажется, в пользу моих представлений.

Прежде всего – это фантазии об изнасиловании, возникающие еще до первого полового акта и даже задолго до пубертата; они встречаются достаточно часто, чтобы привлечь к себе пристальное внимание. Я не вижу, каким образом можно было бы объяснить их происхождение и содержание, если мы не допускаем существование вагинальной сексуальности. Ибо эти фантазии отнюдь не ограничиваются неопределенными идеями об акте насилия, из-за которого бывают дети. Напротив, фантазии, сновидения и тревоги подобного рода, несомненно, выдают инстинктивное знание о действительных сексуальных процессах. Они предстают во множестве обличий, из которых я назову лишь несколько: преступники, врывающиеся в окно или дверь; мужчины с пистолетами, угрожающие застрелить; животные, ползающие, летающие или бегающие внутри какого-нибудь помещения (например, змеи, мыши, мотыльки); животные или женщины, заколотые ножом; поезд, въезжающий в здание вокзала или в туннель.

Я говорю об «инстинктивном» знании о сексуальных процессах, потому что мы обычно встречаемся с идеями такого рода – то есть с тревогами и сновидениями раннего детства – в период, когда еще отсутствует интеллектуальное знание, почерпнутое из наблюдений или объяснений других людей. Возникает вопрос: не предполагает ли подобное инстинктивное знание о процессах проникновения в женское тело инстинктивное знание о существовании вагины как рецептивного органа? Я думаю, ответ будет утвердительным, если мы разделяем

мнение Фрейда, что «сексуальные теории ребенка основаны на его собственной половой конституции». Ибо это может означать только одно: что путь, пересекаемый сексуальными теориями детей, размечен и предопределен спонтанно переживаемыми импульсами и органическими ощущениями. Если мы признаем такое происхождение сексуальных теорий, уже содержащих попытку рациональной переработки, мы тем более должны признать его в тех случаях, когда инстинктивное знание находит символическое выражение в играх, сновидениях и разных формах тревоги и когда оно явно еще не достигло сферы разума и не подверглось в ней соответствующей переработке. Иными словами, мы должны предположить, что и характерный для пубертата страх изнасилования, и детские тревоги маленьких девочек основаны на органических вагинальных ощущениях (или на идущих от них инстинктивных импульсах), связанных с представлением о проникновении в эту часть тела.

Я думаю, что здесь у нас есть ответ на возможное возражение, а именно, что многие сновидения указывают на идею, будто отверстие образуется лишь в тот момент, когда пенис впервые силой вторгается в тело. Эти фантазии вообще не могли бы возникнуть, если бы прежде не существовали инстинкты – и лежащие в их основе органические ощущения, – имеющие целью пассивную рецепцию. Иногда связь между сновидениями подобного типа довольно отчетливо указывает на источник данной идеи. Часто бывает так, что, когда у пациентки проявляется общая тревожность по поводу травматических последствий мастурбации, ей снятся сны типичного содержания: она что-то штопает, и тут же появляется новая дыра, из-за которой ей становится стыдно; она переправляется по мосту через реку или ущелье, который вдруг разламывается посередине; она идет по скользкому склону, поскальзывается, и ей грозит опасность сорваться в пропасть. Основываясь на таких сновидениях, мы можем предположить, что, когда эти пациентки были детьми и предавались онанистским забавам, вагинальные ощущения привели их к обнаружению вагины и что их тревога приняла именно форму страха, что они проделали дыру там, где ее быть не должно. Я хотела бы здесь подчеркнуть, что никогда не была полностью удовлетворена объяснением Фрейда того, почему девочки легче и чаще подавляют непосредственную генитальную мастурбацию, нежели мальчики. Как известно, Фрейд полагает [87], что (клиторальная) мастурбация вызывает отвращение у маленьких девочек потому, что сравнение клитора с пенисом наносит удар по их нарциссизму. Если учесть силу влечения, стоящего за побуждениями к мастурбации, то нарциссическая обида покажется недостаточно весомой причиной для того, чтобы привести к их подавлению. С другой стороны, страх перед тем, что она нанесла здесь себе непоправимое увечье, может оказаться достаточно сильным, чтобы отвратить девочку от вагинальной мастурбации и вынудить ее либо ограничить свои действия клитором, либо вообще отказаться от мануальной генитальной мастурбации. Я полагаю, что еще одно свидетельство этого раннего страха перед вагинальной травмой состоит в завистливом сравнении себя с мужчиной. От пациенток такого типа мы часто слышим, что мужчины внизу «так хорошо прикрыты». Аналогичным образом глубочайшая тревога, проистекающая из страха женщины, что из-за мастурбации она теперь не сможет иметь детей, тоже, по-видимому, связана с тем, что находится внутри тела, а не с клитором.

Есть еще один момент, свидетельствующий о наличии и важности раннего вагинального возбуждения. Мы знаем, что наблюдение за половым актом оказывает на детей чрезвычайно возбуждающее воздействие. Если мы разделяем позицию Фрейда, то должны предположить, что подобное возбуждение вызывает у девочки в целом такие же фаллические импульсы к проникновению, что и у мальчиков. Но тогда мы должны спросить: откуда берется тревога, с которой мы сталкиваемся при анализе чуть ли не каждой пациентки, – страх гигантского пениса, который может ее проткнуть? Источник идеи о необычайно огромном пенисе, несомненно, можно найти только в детстве, когда отцовский пенис и в

---

[87] *Freud S.,* Einige psychische Folgen des anatomischen Geschlechtsunterschieds (1925).

самом деле казался угрожающе большим и страшным. Или опять-таки, откуда берется понимание женской половой роли, проявляющееся в символике сексуальной тревоги, в которой снова звучит это ранее испытанное возбуждение? И каким образом мы можем объяснить безудержную ревнивую ярость по отношению к матери, которая, как правило, проявляется при анализе женщин в тот момент, когда аффективно оживают воспоминания о «первичной сцене»? Каким образом могло бы все это случиться, если бы в тот момент субъект мог разделять лишь возбуждение отца?

Позвольте мне подытожить сказанное. Вот что мы имеем: сообщения о сильнейшем вагинальном оргазме, сопровождающемся фригидностью при последующем коитусе; спонтанное вагинальное возбуждение без локальной стимуляции и вместе с тем фригидность при половых сношениях; вопросы и размышления, возникающие из необходимости понять содержание ранних сексуальных игр, фантазий и тревог, последующие фантазии об изнасиловании, а также реакции на ранние сексуальные наблюдения; и наконец, определенные содержания и последствия тревожности, вызванной у женщин мастурбацией. Собрав все эти данные вместе, я вижу лишь одну гипотезу, которая могла бы дать удовлетворительный ответ на поставленные здесь вопросы, а именно гипотезу о том, что с *самого начала вагина играет свою собственную сексуальную роль.*

С таким ходом мыслей тесно связано и решение проблемы фригидности, которое, на мой взгляд, заключается не в ответе на вопрос, каким образом либидинозная чувственность переносится на вагину[88], а скорее в ответе на вопрос, почему вагина, несмотря на то что уже обладает чувствительностью, либо вообще отказывается реагировать, либо реагирует в непропорционально малой мере на очень сильное либидинозное возбуждение, вызываемое при коитусе всевозможными эмоциональными и локальными стимулами? Несомненно, лишь *один* фактор может пересилить стремление к удовольствию, и этот фактор – тревожность.

Мы тут же здесь сталкиваемся с вопросом, что именно означает эта вагинальная тревожность, или, вернее, что означают обусловливающие ее инфантильные факторы. Анализ обнаруживает прежде всего кастрационные импульсы, направленные против мужчины, и связанную с ними тревогу, проистекающую из двух источников: с одной стороны, женщина боится своих собственных враждебных импульсов, а с другой – возмездия, которое ожидает ее по закону талиона, а именно, что содержимое ее тела будет уничтожено, похищено или высосано. Как мы знаем, сами по себе эти импульсы по большей части давнего происхождения, их можно проследить вплоть до детского чувства ненависти и мстительных побуждений по отношению к отцу, вызванных разочарованиями и фрустрациями, которые испытала маленькая девочка.

Весьма сходные по содержанию формы тревоги, которые могут быть прослежены до ранних деструктивных импульсов, направленных против тела матери, описаны Мелани Кляйн. И здесь тоже мы сталкиваемся со страхом возмездия, который может принимать разные формы, но суть его в целом состоит в том, что все, что проникает в тело или уже там находится (пища, фекалии, дети), может оказаться опасным.

---

88 В ответ на предположение Фрейда, что либидо может настолько прочно привязаться к клиторальной зоне, что становится трудно или невозможно переместить чувствительность в вагину, могу ли я рискнуть противопоставить Фрейду самого Фрейда? Поскольку именно он убедительно показал, с какой готовностью мы переключаемся на любую новую возможность извлечь удовольствие и как могут быть эротизированы процессы, не имеющие сексуального качества, – движения тела, речь или мышление, и что то же самое относится даже к мучительным переживаниям, таким как боль или тревога. Имеем ли мы право предполагать в таком случае, что при половом акте, предоставляющем самые широкие возможности для получения удовольствия, женщина откажется от их достижения! Поскольку, на мой взгляд, такая проблема на самом деле не возникает, я не могу последовать за предположениями Х. Дойч и М. Кляйн о переносе либидо с оральной зоны в генитальную. Не может быть сомнения, что во многих случаях существует тесная связь между этими зонами. Единственный вопрос – должны ли мы считать, что либидо «переносится», или, попросту говоря, в случаях, когда оральная установка возникла рано и продолжает существовать, она неизбежно должна проявляться *также* и в генитальной сфере.

Хотя в своей основе эти формы тревоги во многом аналогичны генитальной тревожности мальчиков, они приобретают особый характер под влиянием общей склонности к тревоге, которая является частью биологического строения девочек. В этой статье, как и в прежних работах, я уже указывала на источники этой тревоги, так что теперь мне остается лишь дополнить и подытожить сказанное:

1. Тревога возникает прежде всего вследствие огромной разницы в размерах девочки и ее отца, между гениталиями отца и ребенка. Нам нет надобности вникать в вопрос, выводится ли эта диспропорция между пенисом и вагиной на основании наблюдения или предполагается инстинктивно. Вполне понятным и даже неизбежным результатом является то, что любая фантазия об удовлетворении напряжения, порождаемого вагинальными ощущениями (то есть стремления принять внутрь себя, получить), вызывает подъем тревоги со стороны Я. Как было показано мной в статье «Страх перед женщиной», в этой биологически детерминированной форме женской тревоги мы имеем нечто специфически отличное от первоначальной генитальной тревоги мальчика по отношению к матери. Фантазируя об исполнении генитальных импульсов, он сталкивается с фактом, чрезвычайно болезненным для его самолюбия («мой пенис слишком мал для моей матери»); девочка же сталкивается с угрозой разрушения части своего тела. Таким образом, с точки зрения элементарных биологических основ страх мужчины перед женщиной является генитально-нарциссическим, тогда как страх женщины перед мужчиной – физическим.

2. Вторым специфическим источником тревоги, универсальность и важность которого подчеркивает Дали[89], являются наблюдения маленькой девочки менструаций у своих взрослых родственниц. Помимо всех (вторичных!) интерпретаций как кастрации, она впервые получает наглядное свидетельство уязвимости женского тела. Подобным же образом ее тревожность возрастает при наблюдении выкидышей или родов матери. Поскольку в детской психике и (если задействовано вытеснение) в бессознательном взрослых имеется тесная связь между коитусом и родами, тревога может принять форму страха не только перед родами, но и перед коитусом.

3. Наконец, третий специфический источник тревоги – это реакции девочки (и снова вследствие анатомической структуры ее тела) на свои ранние попытки вагинальной мастурбации. Я думаю, что последствия этих реакций могут быть более стойкими у девочек, чем у мальчиков, в силу следующих причин: прежде всего она не может проверить, какое воздействие оказала мастурбация. Мальчик, испытывая тревогу по поводу своих гениталий, всегда может убедиться, что они на месте и ничуть не пострадали[90]. Девочка же не имеет возможности доказать себе, что ее тревога безосновательна. Напротив, ее первые попытки вагинальной мастурбации еще раз убеждают ее в собственной физической уязвимости[91]. Я обнаруживала при анализе, что очень часто при попытках мастурбации или в сексуальных играх с другими детьми девочки испытывали болевые ощущения, по-видимому связанные с едва заметными разрывами девственной плевы[92].

---

89 *Daly C. D.,* Der Menstruationskomplex. – Imago, Bd. XIV (1928).

90 Эти реальные обстоятельства должны более всего приниматься в расчет, так же как и сила бессознательных источников тревоги. Например, мужской страх кастрации может усилиться в результате фимоза.

91 Небезынтересно вспомнить, что гинеколог Вильгельм Липманн (не разделяющий взглядов психоаналитиков) в своей книге «Психология женщины» говорит, что «уязвимость» женщины – одна из специфических черт ее пола.

92 Подобные переживания часто проявляются при анализе, во-первых, в форме воспоминаний о травмах в области гениталий, полученных в более позднем возрасте, возможно при падении. На эти воспоминания пациентки реагируют ужасом и стыдом, несоразмерным причине. Во-вторых, это может быть непреодолимый страх перед подобным ранением.

При благоприятном общем развитии, то есть когда объектные отношения детства не превратились в плодородный источник конфликтов, с этой тревогой удается успешно справиться, и тогда для женщины открывается путь для принятия своей женской роли. То, что в неблагоприятных случаях влияние тревоги на девочек оказывается гораздо более стойким, чем на мальчиков, подтверждается, на мой взгляд, и тем обстоятельством, что девочки сравнительно чаще полностью отказываются от генитальной мастурбации или по крайней мере ограничивают ее более доступным и менее катектированным тревогой клитором. Зачастую все, что связано с вагиной (знание о ее существовании, вагинальные ощущения и инстинктивные побуждения), подвергается беспощадному вытеснению; короче говоря, создается и надолго удерживается иллюзия, будто вагина вообще не существует, иллюзия, которая в то же время предопределяет у маленькой девочки предпочтение мужской сексуальной роли.

Все эти соображения, как мне кажется, во многом подтверждают гипотезу, что за *«неспособностью обнаружить» вагину стоит отрицание ее существования.*

Остается рассмотреть вопрос о значении ранних вагинальных ощущений или «открытия» вагины для всей нашей концепции ранней женской сексуальности. Хотя Фрейд и не утверждает этого определенно, тем не менее вполне очевидно, что если вагина первоначально остается «необнаруженной», то это является одним из сильнейших аргументов в пользу предположения о биологически обусловленной первичной зависти к пенису у маленьких девочек или об их изначальной фаллической организации. Ведь понять, каким образом маленькие девочки при отсутствии всякого специфического источника удовольствия или специфических женских желаний вынуждены концентрировать все внимание на клиторе, сопоставлять его с мужским пенисом и в итоге, поскольку это сравнение оборачивается не в их пользу, чувствовать себя уязвленными, мы могли бы только в том случае, если бы не существовало ни вагинальных ощущений, ни желаний, а все либидо целиком концентрировалось на клиторе, который, в свою очередь, воспринимался бы фаллически[93]. Если же, как я предполагаю, маленькая девочка изначально испытывает вагинальные ощущения и соответствующие импульсы, она должна с самого начала иметь отчетливое представление о специфическом характере своей сексуальной роли, и тогда вряд ли можно было бы объяснить первичную зависть к пенису, которую столь энергично постулировал Фрейд.

В этой статье я попыталась показать, что гипотеза о первичной фаллической сексуальности влечет за собой выводы, имеющие огромное значение для всей нашей концепции женской сексуальности. Если мы предполагаем, что существует специфически женская, первичная, вагинальная сексуальность, то прежняя гипотеза если не исключается полностью, то по крайней мере столь резко ограничивается, что все эти выводы оказываются под вопросом.

Статья 10. Психогенные факторы функциональных женских расстройств[94]

В последние тридцать-сорок лет в гинекологической литературе широко обсуждалось влияние психических факторов на женские расстройства. Разброс мнений весьма широк. С одной стороны, налицо тенденция, признавая эти факторы, преуменьшать их значение,

---

[93] Хелен Дойч пришла к выводу о такой причине зависти к пенису в процессе логических рассуждений. См.: *Deutsch H.,* The Significance of Masochism in the Mental Life of Woman. – Int. J. Psycho-Anal., Vol. XI (1930).

[94] Доклад, прочитанный на заседании Чикагского общества гинекологов 18 ноября 1932 г. Psychogenic Factors in Functional Female Disorders. – American Journal of Obstetrics and Gynecology, 25:694 (1933).

например, подчеркивать, что, конечно же, эмоциональные факторы имеют место, но они зависимы от конституции организма, функционирования желез и прочих телесных причин.

С другой стороны, мы наблюдаем тенденцию приписывать психогенным факторам слишком большое значение. Сторонники этой точки зрения склонны видеть в них основной источник не только более или менее очевидных функциональных расстройств, таких, как мнимая беременность, вагинизм, фригидность, менструальные расстройства, гиперемия и т. д.; помимо этого, они заявляют, что есть основания признать психологическое влияние источником таких болезней и нарушений, как преждевременные или запоздалые роды, определенные формы митрита, бесплодие и некоторые формы лейкореи.

То, что физические изменения могут быть вызваны психическими воздействиями, не вызывает сомнений с тех пор, как это эмпирически доказал своими экспериментами Павлов. Мы знаем, что, стимулируя аппетит, можно воздействовать на секрецию желудка, что сердечный ритм и деятельность кишечника могут ускоряться под влиянием страха, что определенные вазомоторные изменения, например покраснение, могут быть выражением стыда.

У нас есть также довольно точная картина того, какими путями эти раздражители передаются из центральной нервной системы к периферическим органам.

Переход от этих довольно простых связей к вопросу, может ли дисменорея вызываться психическими конфликтами, кажется слишком резким. Однако я думаю, что сами процессы различаются не столь основательно, как методологические подходы. Можно создать экспериментальную ситуацию, в которой вы стимулируете аппетит человека и способны измерять секрецию желудочных желез. При этом можно точно измерить изменения секреции при реакции испуга, но нельзя создать экспериментальную ситуацию, вызывающую дисменорею. Эмоциональные процессы, лежащие в основе дисменореи, слишком сложны, чтобы воспроизвести их в экспериментальной ситуации. Но даже если бы вам удалось экспериментально вызвать у человека некоторые весьма сложные эмоциональные состояния, вы не вправе ожидать каких-либо конкретных результатов, потому что дисменорея никогда не бывает результатом только одного эмоционального конфликта, но всегда предполагает ряд эмоциональных предпосылок, основы которых закладывались в разное время.

В силу указанных причин эти проблемы невозможно изучать экспериментальным путем. Метод, способный раскрыть нам связь между определенными эмоциональными силами и симптомом, как в случае с дисменореей, должен быть, очевидно, историческим. Он должен дать нам возможность понять особую эмоциональную структуру личности и корреляцию ее эмоций с симптомом с помощью весьма подробной биографии пациентки.

Насколько мне известно, существует только одна психологическая школа, предлагающая именно такое понимание со сколь угодно высокой степенью научной точности, – это психоанализ. Благодаря психоанализу мы получаем картину происхождения, содержания и динамической силы психических факторов, действующих в реальной жизни, – знание необходимое, если мы действительно хотим научно обсуждать вопрос о том, могут ли функциональные расстройства вызываться эмоциональными факторами.

Не стану вдаваться здесь в подробности относительно метода, а лишь в очень сжатой форме представлю на ваше рассмотрение несколько эмоциональных факторов, которые в своей аналитической работе я посчитала существенными для понимания функциональных женских расстройств.

Начну с того, что привлекло мое внимание благодаря постоянному повторению. Мои пациентки обращались за психоаналитической помощью по самым разным причинам психологического свойства: это состояния тревоги всех видов, неврозы навязчивости, депрессии, затруднения в работе и контактах с людьми, сложности характера. И всякий раз при неврозе имели место нарушения психосексуальной жизни. Отношения пациенток с мужчинами, детьми или и с теми и с другими были в чем-то серьезно затруднены. Меня поразило следующее: среди столь разных типов неврозов не нашлось ни одного случая, в котором не были бы представлены и какие-то функциональные нарушения в генитальной

системе, будь то фригидность различной степени, вагинизм, все виды менструальных расстройств, зуд, боли и выделения, не имевшие органической основы и исчезавшие после того, как были вскрыты некоторые бессознательные конфликты; а также разнообразные ипохондрические страхи, такие как страх заболеть раком или собственной ненормальности; определенные нарушения при беременности и родах, которые, по-видимому, указывали на их психогенную природу.

Здесь возникают три вопроса:

1. Такое совпадение нарушений психосексуальной жизни, с одной стороны, и функциональных женских расстройств – с другой, может быть, и поражает воображение, но постоянно ли оно?

Преимущество психоаналитика состоит в том, что он знает ряд случаев весьма досконально, но, в конце концов, даже профессиональный аналитик наблюдает лишь сравнительно малое их число. Поэтому, даже если мы находим, что наши результаты подтверждаются как другими наблюдателями, так и этнологическими факторами, вопрос о распространенности и надежности полученных нами данных – это вопрос, на который гинекологам предстоит дать ответ в недалеком будущем.

Конечно, на проведение подобных изысканий им потребовалось бы время и психологическое образование; но если хотя бы часть энергии, расходуемой на работу в лаборатории, была бы потрачена на психологическое обучение, это наверняка помогло бы прояснить проблему.

2. Если мы убеждаемся, что совпадение встречается регулярно, возникает вопрос, не могли ли и психосексуальные, и функциональные нарушения возникнуть на общей основе, связанной с состоянием организма или желез?

Я не хочу сейчас вдаваться в подробное обсуждение этих очень сложных проблем; хочу лишь указать на то, что, по моим наблюдениям, функциональные факторы и эмоциональные нарушения не всегда сопутствуют друг другу. Есть, например, фригидные женщины с отчетливо выраженными мужскими установками и явным неприятием женской роли. Вторичные половые признаки – голос, оволосение, строение скелета – у некоторых представительниц этой группы похожи на мужские, но большинство из них выглядят совершенно по-женски. В обеих группах женщин – выглядящих мужеподобно и абсолютно по-женски – вы можете выяснить, с каких конфликтов начались эмоциональные изменения; но только в первой группе конфликты могли возникнуть на конституциональной основе. На мой взгляд, пока мы не узнаем больше о конституциональных факторах и их особом влиянии на последующие установки, предполагать строгую связь было бы некорректно. К тому же подобное предположение может привести к очень опасным терапевтическим последствиям, если пренебречь психическими факторами. Например, в самом современном немецком учебнике по гинекологии Гальбана и Зайтца один из соавторов, Маттес, описывает случай с девушкой, обратившейся к нему по поводу дисменореи, которой она страдала в течение полутора лет. Она сказала ему, что простудилась на танцах. Позже он узнал, что уже после этого она вступила в половую связь с мужчиной. Она сказала Маттесу, что этот человек сильно возбуждает ее сексуально, но в то же время вызывает раздражение. Поскольку она являла собой то, что он называет «межсексуальным типом», Маттес посоветовал ей бросить этого мужчину, исходя из теории, что она принадлежит к типу личности, не способной обрести счастье в сексуальных отношениях. Девушка старательно последовала его совету, и две менструации прошли у нее без боли. Затем она возобновила свою любовную связь, и боли начались снова.

Это выглядит как излишне радикальный терапевтический вывод, воздвигнутый на базе весьма скудных знаний, и напоминает мне высказывание из Библии: «Если око твое искушает тебя, вырви его».

С терапевтической точки зрения, видимо, лучше было бы обратить внимание на психический уровень конфликтов, которые, возможно, и возникли по причине какого-то органического фактора, однако мы часто наблюдаем те же самые конфликты и при его

отсутствии.

3. Теперь третий вопрос, который я хочу сейчас рассмотреть. Его точная формулировка выглядела бы так: есть ли специфическая корреляция между некоторыми психическими установками в сфере психосексуальной жизни и определенными генитальными нарушениями? К сожалению, человеческая природа не так проста, а наши знания не настолько далеко продвинулись, чтобы дать нам возможность высказаться по этому поводу ясно и однозначно.

В самом деле, у всех этих пациенток вы найдете некоторые фундаментальные психосексуальные конфликты. Эти конфликты сочетаются с имеющейся у всех пациенток некоторой степенью фригидности, по крайней мере с преходящей фригидностью; но главную роль в постоянной корреляции с определенными функциональными симптомами играют специфические эмоции и факторы.

Если фригидность выступает в качестве основного нарушения, мы неизменно обнаруживаем следующие характерные психические установки.

Прежде всего фригидным женщинам присуще весьма амбивалентное отношение к мужчинам, неизменно включающее в себя элементы подозрительности, враждебности и страха. Но крайне редко эти элементы проявляются открыто.

Например, у одной пациентки было сознательное убеждение, что все мужчины – преступники и их следовало бы убивать. Это убеждение явилось естественным следствием ее представлении о половом акте как о чем-то кровавом и болезненном. Она считала героиней каждую замужнюю женщину. Как правило, подобная враждебность проявляется завуалированно, и проникнуть в реальное отношение пациентки к мужчинам можно только исходя из ее поведения, а не ее слов. Девушки могут искренне рассказывать вам, как они ухаживают за мужчинами, насколько они склонны идеализировать их, но в то же самое время вы, возможно, заметите, что они чаще всего бросают своих «приятелей» совершенно внезапно, без всякой видимой причины. Вот типичный пример. У меня была пациентка X, чьи сексуальные отношения с мужчинами носили довольно дружелюбный характер. Но они никогда не длились больше года. Каждый раз после небольшого промежутка времени она чувствовала все возрастающее раздражение на мужчину, пока, наконец, больше уже была не в силах его выносить. Тогда она искала и находила какой-нибудь предлог, чтобы его бросить. В самом деле, ее враждебные импульсы по отношению к мужчинам становились настолько сильными, что она боялась причинить им вред и их избегала.

Иногда можно встретить пациенток, заявляющих, что они преданы своим мужьям, однако более глубокое исследование покажет вам мелкие, но беспокоящие признаки враждебности, проявляющиеся в повседневной жизни, такие, как глубоко пренебрежительное отношение к мужу, умаление его достоинств, неприятие его интересов или друзей, чрезмерные финансовые требования или ведение тихой, но постоянной борьбы за власть.

В этих случаях вы можете не только получить более или менее ясное представление о том, что фригидность – прямое выражение скрытой враждебности, но и на продвинутых стадиях анализа весьма точно проследить, как закладывалась фригидность, открыв новый источник внутреннего отвращения к мужчинам, и как она исчезает, когда эти конфликты преодолены.

Здесь налицо заметное различие в психологии мужчин и женщин. В целом сексуальность у женщин гораздо теснее, чем у мужчин, связана с нежностью, с чувствами, с привязанностью. Обычный мужчина не станет импотентным, даже если он не испытывает особой нежности к женщине. Наоборот, у мужчин очень часто наблюдается разрыв между сексуальной жизнью и любовью, так что в случае крайней патологии такой мужчина способен иметь половые отношения только с женщиной, совершенно ему безразличной, но он же не испытывает сексуального желания или даже превращается в импотента по отношению к женщине, которой действительно увлечен.

У большинства женщин вы найдете более тесное единство между сексуальными

ощущениями и эмоциональной жизнью в целом, обусловленное, по-видимому, биологическими причинами. Следовательно, тайная враждебность женщины будет с легкостью проявляться в неспособности давать и получать в сексуальных отношениях.

Эта защитная установка к мужчинам необязательно коренится очень глубоко. В некоторых случаях мужчины, способные пробудить нежные чувства у таких женщин, могут преодолеть их фригидность; но в ряде других случаев установка враждебной защиты очень глубока, и если женщина хочет от нее избавиться, необходимо вскрыть ее истоки.

Во втором ряде случаев вы обнаружите, что чувства враждебности к мужчине были приобретены в раннем детстве. Чтобы понять далеко идущие последствия ранних жизненных переживаний, нет необходимости хорошо разбираться в психоаналитической теории, достаточно уяснить себе два момента: дети рождаются с сексуальными чувствами и они способны к страстным чувствам, вероятно, даже в гораздо большей степени, чем мы, взрослые, со всеми нашими сдерживающими факторами.

Изучая историю этих женщин, вы обнаружите, что в их ранней любовной жизни, возможно, глубоко запечатлелись разочарования: это отец или брат, к которым они испытывали нежную привязанность и которые их разочаровали; или брат, которого им предпочитали; или совершенно иная ситуация, вроде следующей. Пациентка совратила младшего брата, когда ей было одиннадцать лет. Через несколько лет брат умер от гриппа. Она испытала сильное чувство вины. Обратившись спустя тридцать лет к психоаналитику, она по-прежнему была убеждена, что является причиной смерти брата. Она полагала, что, после того как его совратила, брат стал заниматься мастурбацией и от этого умер. Чувство вины заставило ее ненавидеть собственную женскую роль. Она хотела быть мужчиной, довольно откровенно завидовала мужчинам, унижала их, где только возможно; ее навещали жуткие сны и фантазии о кастрации, и она была абсолютно фригидна.

Этот случай, между прочим, проливает свет на психогенез вагинизма. Муж не мог дефлорировать пациентку в течение четырех недель после свадьбы, и дефлорация в конце концов была осуществлена хирургически, хотя в ее девственной плеве не было никаких отклонений, а муж обладал нормальной потенцией. Спазм стал частично выражением ее сильнейшего неприятия женской роли, частично защитным механизмом против собственных кастрационных импульсов, направленных на предмет ее зависти – мужчину.

Неприятие женской роли часто оказывает огромное воздействие вне зависимости от того, каково его возможное происхождение. В одном случае это был младший брат, которому отдавали предпочтение оба родителя. Зависть к нему отравляла пациентке всю жизнь и особенно ее отношения с мужчинами. Ей самой хотелось быть мужчиной, и она играла эту роль в фантазиях и сновидениях. Во время полового сношения она иногда испытывала вполне осознанное желание поменяться сексуальными ролями.

У фригидных женщин вы встретите и другую конфликтную ситуацию, часто еще более важную в динамическом отношении, – конфликт с матерью или старшей сестрой. На уровне сознания можно питать различные чувства к матери. Иногда такие пациентки в начале лечения соглашаются признать – даже для самих себя – только позитивную сторону своих отношений с матерью. Возможно, они пережили потрясение, заметив, что, несмотря на страстное желание материнской любви, в действительности они всегда делали прямо противоположное тому, чего хотела бы от них мать. В других же случаях имеет место откровенная ненависть. Но даже отдавая себе отчет в существовании конфликта, они ничего не знают ни о его существенных причинах, ни о влиянии, которое он оказывает на их психосексуальную жизнь. Одной из таких существенных черт может быть, например, то, что мать по-прежнему представляет собой для этих женщин инстанцию, запрещающую сексуальную жизнь и сексуальное удовольствие. Один этнолог недавно сообщил об обычае некоего примитивного племени, проливающем свет на всеобщность подобных конфликтов. Когда умирает отец, дочери остаются в доме покойного, а сыновья покидают его, опасаясь, как бы дух мертвого отца не проявил к ним враждебности и не причинил вреда. Когда умирает мать, сыновья остаются в доме, а дочери покидают дом из страха, что дух матери

может их убить. Этот обычай отражает тот же антагонизм и страх перед возмездием, который обнаруживается нами при анализе фригидных женщин.

Здесь человек, не знакомый с процессом психоанализа, вправе спросить: если эти конфликты не осознаются пациентками, как вы можете столь определенно полагать, будто они существуют, да еще играют эту особую роль? Ответ на этот вопрос, который, однако, может показаться трудным для понимания тому, у кого нет психоаналитического опыта, таков: старые иррациональные установки пациента оживают и вновь включаются в действие по отношению к аналитику. Например, по отношению ко мне пациентка X на уровне сознания испытывала привязанность, хотя всегда с некоторой примесью страха. Но когда ее застарелая инфантильная ненависть к матери готова была выплеснуться наружу, она дрожала от страха в приемной, эмоционально видя во мне нечто вроде безжалостного злого духа. Стало ясно, что в подобных ситуациях она переносила на меня свой прежний страх перед матерью. Один особый случай позволил нам увидеть, насколько важную роль в ее фригидности играл страх перед запрещающей матерью. В период анализа, когда ее сексуальная скованность уже пошла на убыль, мне пришлось на две недели уехать. После моего возвращения она рассказала мне, что как-то вечером, собравшись с друзьями, немного выпила, но не больше, чем обычно позволяла себе, – и дальнейшего не помнила. Но ее друг рассказал ей, что она пришла в сильное возбуждение, предложила вступить с ней в половое сношение, испытала полный оргазм (до этого она была совершенно фригидна) и несколько раз воскликнула с чем-то вроде триумфа в голосе: «Я отдыхаю от Хорни!» Меня, запрещающей матери в ее фантазии, не было, и поэтому она могла без опаски быть любящей женщиной.

Другая пациентка, страдавшая вагинизмом, а позже фригидностью, перенесла на меня свой прежний страх перед матерью и особенно перед сестрой, бывшей на восемь лет ее старше. Пациентка не раз предпринимала попытки установить взаимоотношения с мужчинами, но всегда терпела неудачи из-за своих комплексов. В подобных ситуациях она постоянно приходила в ярость на мой счет и даже высказывала чуть ли не параноидную идею, что это я не подпускаю к ней мужчин. И хотя разумом она понимала, что я-то как раз хочу помочь ей наладить жизнь, застарелый страх перед сестрой оказался сильнее. Еще в то время, когда она приобрела свой первый сексуальный опыт с мужчиной, ей сразу же приснился тревожный сон, в котором сестра ее преследовала.

В каждом случае фригидности к ней примешивались другие психические факторы; некоторые из них я сейчас упомяну. Я не стану вдаваться в их связи с фригидностью, а просто укажу на то значение, которое они могут иметь для некоторых других функциональных расстройств.

Прежде всего речь идет о страхах по поводу мастурбации, способных повлиять как на психические установки, так и на телесные процессы. Хорошо известно, что при наличии подобных страхов чуть ли не каждое заболевание можно рассматривать как их результат. Особая форма, которую они часто принимают у женщин, – это страх, что их половые органы физически повреждены мастурбацией. Такой страх нередко связан с фантастической идеей, будто некогда они были такими же, как мальчики, но затем их кастрировали. Подобный страх может выражаться в разных формах:

1) смутного, но глубокого страха оказаться «ненормальной»;

2) ипохондрических страхов и симптомов, таких, как боли и выделения, не имеющие органической основы, которые побуждают пациенток обращаться за советом к гинекологу. Там они получают лечение с помощью суггестии, или своего рода успокоение, им становится лучше, но страх, естественно, возвращается, и они вновь приходят с теми же жалобами. Иногда страх приводит к тому, что пациентки настаивают на операции. Они испытывают чувство, будто физически у них не в порядке что-то такое, что можно исправить только столь радикальным способом, как операция;

3) страхи могут принимать и такую форму: повредив себя, я никогда не смогу иметь ребенка. У совсем молоденьких девушек связанный с этим страх может иной раз полностью

сознаваться. Но даже эти юные пациентки обычно скажут вам сначала, что иметь детей представляется им делом, вызывающим отвращение, и они никогда не собирались их иметь. Лишь гораздо позже вы узнаете, что чувство отвращения представляет собой реакцию типа «зелен виноград» на бывшее раньше очень сильным желание иметь много детей и что вышеупомянутый страх привел их к отрицанию этого желания.

Противоречивых бессознательных тенденций, связанных с желанием иметь ребенка, предостаточно. Природный материнский инстинкт может столкнуться с противодействием некоторых бессознательных мотивов. Я не могу сейчас вдаваться во все детали и упомяну только одну возможность: для тех женщин, у которых в каком-то уголке их души присутствует желание быть мужчиной, беременность и материнство, олицетворяющие собой женские достижения, имеют преувеличенное значение.

Мне, к сожалению, не довелось наблюдать случая мнимой беременности, но, вероятно, она тоже проистекает из бессознательно усиленного желания иметь ребенка. Каждому гинекологу знакомы женщины, необычайно нервные и подавленные, но обретающие полное счастье, стоит им забеременеть. Для них тоже беременность представляет собой особую форму удовлетворения.

То, что усиливается в указанных случаях, – это не столько идея иметь ребенка, нянчить и ласкать его, сколько идея беременности сама по себе, идея вынашивания ребенка в своем теле. Состояние беременности имеет для них утонченную нарциссическую ценность. В двух подобных случаях имела место задержка родов. Было бы слишком поспешно делать какие-либо выводы, но и при всей критической осмотрительности можно было бы по крайней мере подумать здесь о возможности того, что бессознательное желание удержать ребенка в себе могло послужить объяснением некоторых случаев задержки родов, по-иному не объяснимых.

Еще один фактор, иногда играющий определенную роль, – сильный страх умереть во время родов. Сам по себе этот страх может осознаваться, а может и нет. Но подлинный его источник не сознается никогда. Один из основных его элементов, как подсказывает мой опыт, – это застарелая вражда к беременной матери. Одна пациентка, которую я имею в виду, чрезвычайно боявшаяся умереть во время родов, вспомнила, что, будучи ребенком, она в течение многих лет с тревогой наблюдала за матерью, не беременна ли та снова. Стоило ей увидеть беременную женщину на улице, как ею овладевало желание пнуть ее в живот, и, естественно, в ответ она боялась, как бы нечто столь же ужасное не случилось и с ней.

С другой стороны, материнскому инстинкту могут противодействовать бессознательные враждебные импульсы, направленные против ребенка. Здесь очень интересную проблему представляет возможное влияние таких импульсов на гиперемию, преждевременные роды и послеродовую депрессию.

Однако вернемся еще раз к страхам, связанным с мастурбацией. Я уже упомянула о том, что они могли возникнуть как следствие идеи пациентки о физическом повреждении и что этот страх способен вести к ипохондрическим симптомам. Есть еще один способ выражения этих страхов: через отношение к менструации. Мысль о нанесенном себе вреде заставляет женщину негодовать на свои гениталии как на своего рода рану, и менструации поэтому эмоционально воспринимаются как еще одно подтверждение такого предположения. Для этих женщин существует тесная связь между кровотечением и раной. Отсюда понятно, что для них менструация никак не может представляться естественным процессом и что они всегда будут испытывать чувство глубокого отвращения к ней.

Это подводит меня к проблеме меноррагии и дисменореи. Разумеется, я говорю только о тех случаях, в которых нет ни локальной, ни какой-либо иной органической причины. Основа для понимания любого функционального менструального расстройства такова: психическим эквивалентом телесных процессов в гениталиях в это время является возросшее либидинозное напряжение. Женщина, психосексуальное развитие которой протекало уравновешенно, справится с ним без каких-либо серьезных затруднений. Но есть множество

женщин, которым едва удается поддерживать хоть какое-то равновесие и для которых возрастание либидинозного напряжения оказывается последней каплей, переполняющей чашу.

Под бременем растущего напряжения оживают всякого рода инфантильные фантазии, особенно те, что тем или иным образом связаны с процессом кровотечения. Во всех этих фантазиях, вообще говоря, половой акт предстает как нечто жестокое, кровавое и болезненное. Я обнаружила, что подобные фантазии играли существенную роль у всех без исключения пациенток, страдавших меноррагией и дисменореей. Обычно дисменорея начинается если не в пубертате, то в период, когда пациентка сталкивается с сексуальными проблемами взрослых.

Я попытаюсь привести несколько примеров. Одну мою пациентку, хронически страдавшую тяжелой формой меноррагии, всякий раз, стоило ей подумать о половом сношении, преследовал вид крови. В процессе анализа мы обнаружили, что детерминанты этого видения, возникавшего при определенных обстоятельствах, содержатся в некоторых детских воспоминаниях.

Она была старшей из восьми детей, и ее самые страшные воспоминания относились к тому времени, когда рождался новый ребенок. Она слышала крики матери, видела тазы с кровью, которые выносили из ее комнаты. Ранняя ассоциация деторождения, половых отношений и крови была так близка ей, что когда однажды вечером у ее матери случилось легочное кровотечение, девочка немедленно связала его с супружескими отношениями между родителями. Менструация оживила в ней эти детские впечатления и фантазии о весьма кровавой половой жизни.

Только что упомянутая пациентка страдала и тяжелой формой дисменореи. Она сама полностью отдавала себе отчет, что ее реальная сексуальная жизнь связана со всевозможными садистскими фантазиями. Стоило ей услышать или прочитать о жестокостях, она испытывала сексуальное возбуждение. По ее собственному описанию, во время менструаций она испытывала такие боли, как если бы ей вырывали внутренности. Столь специфическая форма была обусловлена инфантильными фантазиями. Она вспомнила, что, когда была маленькой девочкой, считала, что во время полового акта мужчина что-то вырывает из тела женщины. В дисменорее она эмоционально проигрывала эти старые фантазии.

Я допускаю, что большинство моих утверждений, касающихся психогенных факторов, могут прозвучать как совершенно фантастические, хотя, пожалуй, на самом деле все это отнюдь не фантазия – просто это чуждо нашему привычному медицинскому мышлению. Если мы хотим иметь нечто большее, чем чисто эмоциональная оценка, существует только один научно оправданный путь – проверка фактов. То, что симптомы болезни исчезают в процессе выявления и раскрытия ее психических корней, разумеется, еще не может быть доказательством того, что именно этот процесс вызывает исцеление. Любое искусное внушение может привести к тому же результату.

Научная проверка должна быть здесь такой же, как и в других областях науки: применение психоаналитической техники свободных ассоциаций и сопоставление полученных данных. Каждое заключение, не отвечающее этому требованию, не имеет научной ценности.

Кроме того, мне кажется, что у гинекологов есть еще один путь, чтобы по крайней мере удостовериться в существовании особой корреляции между некоторыми эмоциональными факторами и определенными функциональными нарушениями. Если уделять пациенткам хоть немного времени и внимания, по крайней мере некоторые из них с легкостью раскрыли бы свои конфликты. Я думаю, что такой образ действия уже сам по себе мог бы иметь терапевтическую ценность. Правильно провести анализ может только врач, получивший соответствующую психоаналитическую подготовку. Эту процедуру можно сравнить с хирургической операцией. Но существует ведь не только большая, но и малая хирургия. Малая психотерапия состояла бы в том, чтобы заниматься сравнительно недавними

конфликтами и раскрывать их связь с симптомами. Работу, уже проделанную в этой области, с легкостью можно было бы значительно расширить.

Для подобной возможности есть только одно ограничение, в котором следует отдавать себе отчет: надо иметь основательные психологические знания, если хочешь избежать ошибок, особенно тех, что могут возбудить эмоции, с которыми ты не в силах совладать.

Статья 11. Материнские конфликты[95]

На протяжении последних тридцати – сорока лет имели место самые противоположные оценки врожденных материнских способностей к воспитанию. Около тридцати лет назад материнский инстинкт считался непогрешимым наставником в деле воспитания детей. Когда же его несовершенство стало очевидным, с таким же энтузиазмом стали верить в теоретические знания о воспитании. К сожалению, оснащенность средствами научных теорий воспитания оказалась не более надежной гарантией от неудач, чем материнский инстинкт. И теперь мы на полпути к тому, чтобы вновь делать акцент на эмоциональной стороне отношений матери и ребенка. На сей раз, однако, уже не затем, чтобы опереться на расплывчатую концепцию влечений, а чтобы поставить вполне определенный вопрос: каковы эмоциональные факторы, способные подорвать желательную установку у матери и из каких источников они проистекают?

Даже и не пытаясь обсудить огромное разнообразие конфликтов, с которыми мы сталкиваемся при анализе матерей, я постараюсь представить здесь только один особый тип, в котором отношение матери к собственным родителям отражается на ее отношении к своим детям. Я имею в виду пример с женщиной в возрасте тридцати пяти лет, обратившейся ко мне за помощью. Она была учительницей, наделенной умом и способностями, яркой личностью и в целом производила впечатление очень уравновешенного человека. Одна из двух ее проблем касалась небольшой депрессии, от которой она страдала, узнав, что муж обманывает ее с другой женщиной. Сама она была женщиной высоких моральных качеств, подкрепленных образованием и профессией, но она придерживалась принципа терпимости в отношении других людей, и поэтому естественно поднявшаяся в ней враждебность как реакция на поведение мужа была неприемлема для ее сознания. К тому же недоверие к мужу повлияло на ее отношение к жизни и удерживало ее в своих тенетах. Другая проблема касалась ее тринадцатилетнего сына, страдавшего тяжелым неврозом навязчивости и состояниями тревоги, которые, как показал анализ, находились в определенной зависимости от его необычайной привязанности к матери. Обе эти проблемы были в достаточной мере выяснены. Прошло пять лет, прежде чем она вернулась, на сей раз с проблемой, о которой умолчала в первый раз. Она заметила, что некоторые из ее учеников питают к ней более чем нежные чувства; и в самом деле, бросалось в глаза, что некоторые ребята страстно влюблены в нее, и она спрашивала себя, не провоцировала ли она сама такую любовь и страсть. Она чувствовала, что допустила ошибку в своем отношении к этим ученикам. Она обвиняла себя в том, что эмоционально откликнулась на эту страсть и любовь, и теперь давала себе волю, осыпая себя суровыми упреками. Она была твердо уверена, что я буду осуждать ее, а когда я этого не сделала, отнеслась ко мне с недоверием. Я пыталась убедить ее, говоря, что в сложившейся ситуации нет ничего сверхъестественного и что, если человек способен столь напряженно работать, занимаясь такой действительно прекрасной и творческой деятельностью, вполне естественно, что будут затронуты и более глубокие влечения. Такое объяснение не принесло ей облегчения, поэтому нам пришлось искать более глубокие эмоциональные истоки этих отношений.

В конце концов выяснилось следующее. Во-первых, стала очевидной сексуальная

---

95 Доклад, прочитанный на заседании Американской ортопсихиатрической ассоциации в 1933 г. Maternal Conflicts. – The American Journal of Orthopsychiatry, Vol. III, № 4 (1933).

природа ее собственных чувств. Один из юношей последовал за ней в тот город, где она проходила анализ, и она действительно влюбилась в этого двадцатилетнего молодого человека. Было прямо-таки поразительно видеть, как эта уравновешенная и сдержанная женщина боролась с собой и со мной, боролась со своим желанием вступить в любовную связь со сравнительно незрелым юношей и преодолевала все условности, которые, как ей казалось, являлись единственной помехой их любви.

Затем обнаружилось, что эта любовь в действительности относилась не к самому юноше. И этот парень, и другие юноши до него, очевидно, воплощали для нее образ отца. Все они обладали определенными физическими и духовными качествами, напоминавшими ей отца, а в сновидениях эти юноши и отец часто являлись ей в образе одного и того же человека.

Она стала осознавать, что за жесткой конфронтацией с отцом в отроческие годы скрывалась глубокая и страстная к нему любовь. В случае фиксации на отце субъект обычно выказывает явное предпочтение мужчинам старшего возраста, поскольку они, видимо, наводят его на мысль об отце. В данном случае отношения, сложившиеся в детском возрасте, оказались перевернутыми.

Попытки этой женщины разрешить проблему приняли в ее фантазии такую форму: «Я уже не маленький ребенок, который не может добиться любви недосягаемого отца; раз я большая, тогда пусть он будет маленьким, я смогу быть матерью, а мой отец – моим сыном». Она вспомнила, что, когда отец умер, ей хотелось лечь рядом с ним и прижать его к груди, как поступила бы мать со своим ребенком.

Дальнейший анализ выявил, что эти юноши воплощали только вторую фазу переноса ее любви к отцу. Ее сын был первым реципиентом этой перенесенной любви, которая затем была обращена на ребят того же возраста, что и ее сын, с тем чтобы отвлечь ее мысли от сосредоточения на инцестуозном объекте любви. Ее любовь к ученикам была своего рода бегством, еще одной формой ее любви к собственному сыну, первоначально воплощавшему собой отца. По мере того как она осознавала свою страсть к другому юноше, ослабевала та невероятная напряженность, которую она испытывала по отношению к сыну. До сих пор она настаивала на том, чтобы он писал ей каждый день письма, в противном случае она очень беспокоилась. Когда ее охватила страсть к другому юноше, эмоциональный накал в отношении сына тут же ослаб, свидетельствуя о том, что и этот юноша, и другие до него на самом деле были для нее лишь заменой сына. Ее муж тоже был моложе ее и гораздо слабее как личность, и в ее отношении к нему совершенно отчетливо проступали материнские черты. Узы, связывавшие ее с мужем, утратили для нее эмоциональное значение, как только родился сын. Фактически именно этот чрезмерный эмоциональный накал по отношению к сыну и вызвал у него с наступлением половой зрелости тяжелый невроз навязчивости.

Одно из основных психоаналитических положений состоит в том, что сексуальность возникает не в пубертате, а существует с самого рождения; соответственно наши ранние любовные чувства всегда носят сексуальный характер. Как мы наблюдаем во всем животном мире, сексуальность означает влечение полов друг к другу. В детстве выражение этого мы усматриваем в том, что дочь инстинктивно больше тянется к отцу, а сын – к матери. Из этого источника возникают конфликты, порожденные соперничеством и ревностью по отношению к родителю того же пола. В описанном выше случае мы видели трагическое развитие конфликта, проходящего через три поколения.

Подобный перенос любви с отца на сына я наблюдала в пяти случаях. Такое воскрешение чувств к отцу обычно остается бессознательным. Сексуальная природа чувств к сыну осознавалась лишь в двух случаях; что обычно осознается, так это высокий эмоциональный заряд отношений между матерью и сыном. Чтобы понять особенности таких отношений, надо уяснить себе, что по самой своей природе они будут напряженными. На них переносятся не только инцестуозные сексуальные элементы инфантильного отношения к отцу, но и элементы враждебности, некогда неизбежно присоединившиеся к ним. Некоторый остаток детских враждебных чувств неизбежен, будучи результатом столь же неизбежного

воздействия ревности, фрустрации и чувства вины. Если чувства к отцу переносятся на сына в полном объеме, сын получит не только любовь, но и застарелую враждебность. Как правило, оба чувства вытесняются. Одна из форм, в которую может осознанно вылиться конфликт между любовью и ненавистью, – это чрезмерно заботливое отношение к ребенку. Таким матерям постоянно кажется, что их чаду угрожает опасность. Они испытывают преувеличенный страх, что их малыш может заболеть, заразиться, стать жертвой несчастного случая. Они буквально фанатичны в своей опеке. Женщина, о которой шла речь, защищая себя от осознания конфликта, просто изводила себя хлопотами о сыне, которого, как ей казалось, окружали бесчисленные опасности. Когда он был маленьким, все вокруг него должно было быть стерильным. И даже позже, стоило ему столкнуться с малейшей неприятностью, как она непременно оставалась дома, пропуская работу, и посвящала себя заботе о нем.

В других случаях такие матери не осмеливались даже прикоснуться к своим сыновьям из опасения чем-либо им навредить. Две женщины, которых я имею в виду, содержали няню исключительно ради маленьких сыновей, хотя подобный расход не вписывался в их бюджет, а присутствие постороннего человека создавало большое неудобство для всех домашних, в том числе и с эмоциональной стороны. Тем не менее матери предпочитали терпеть присутствие няни, потому что защитить сыновей от мнимых опасностей им представлялось слишком важным.

Есть еще одна причина чрезмерно заботливого отношения таких матерей. Поскольку их любовь носит запретный инцестуозный характер, они постоянно чувствуют угрозу того, что у них отнимут сына. Одной женщине, например, приснилось, что она стоит в храме с сыном на руках и что она должна принести его в жертву какой-то ужасной богине-матери.

Еще одна сложность в случае фиксации на отце часто бывает обязана своим происхождением ревности между матерью и дочерью. Некоторое соперничество между матерью и взрослеющей дочерью – вещь естественная. Но если эдипова ситуация в детстве самой матери вызвала у нее чрезмерное чувство соперничества, впоследствии оно может принять гротескные формы и возникнуть у девочки чуть ли не в младенческом возрасте. Подобное соперничество может проявиться в запугивании ребенка, в попытках высмеять и унизить дочь, помешать ей привлекательно выглядеть и встречаться с мальчиками и т. д., и все с тайной целью воспрепятствовать тому, чтобы дочь развивалась как женщина. Хотя обнаружить ревность за всем многообразием форм, в которых она выражается, может оказаться трудным делом, общий психологический механизм имеет простую базисную структуру и поэтому в подробном описании не нуждается.

Рассмотрим теперь более сложный случай, возникающий тогда, когда женщина в детстве была особенно сильно привязана не к отцу, а к матери. В такого рода случаях, которые мне довелось анализировать, постоянно обнаруживались определенные особенности. Типично следующее: у девочки, как правило, очень рано возникали причины не любить свой собственный женский мир, возможно, из-за того, что мать запугала ее, или девочка пережила глубокое разочарование в отношениях с отцом или братом, или рано приобрела напугавший ее сексуальный опыт, или обнаружила, что брату отдают предпочтение перед ней.

В результате всего этого она эмоционально отворачивается от присущей ей сексуальной роли и развивает в себе мужские наклонности и фантазии. Однажды возникнув, эти фантазии ведут затем к формированию соревновательных тенденций в отношениях с мужчинами, которые усиливают изначальное чувство обиды на мужчин. Очевидно, что женщины с такой установкой не слишком-то подходят для замужества. Они фригидны и неудовлетворенны, а их мужские наклонности проявляются, например, в желании главенствовать. Если такие женщины выходят замуж и заводят детей, они склонны демонстрировать преувеличенную привязанность к своему чаду, которую обычно описывают как застой устремленного на ребенка либидо. Хотя такое описание верно, оно не позволяет проникнуть в особенности происходящих процессов. Осмыслив источник такого развития,

мы можем понять конкретные его особенности как результат попыток разрешить те или иные конфликты раннего возраста.

Мужские наклонности проявляются в установке женщины на доминирование, в стремлении полностью контролировать детей. Или, возможно, она боится этого и потому слишком потакает им. Может проявиться одна из двух этих крайностей. Мать может бесцеремонно встревать в дела детей или, испугавшись своих садистских наклонностей, оставаться пассивной, не осмеливаясь во что-либо вмешиваться. Обида за женскую роль находит выход в том, что детям прививается мысль, что мужчины – скоты, а женщины – несчастные страдалицы, что роль женщины неприятна и достойна сожаления, что менструация – болезнь («проклятие»), а половой акт – принесение себя в жертву похоти мужа. Такие матери нетерпимы к любому проявлению сексуальности, особенно у дочерей, но нередко и у сыновей тоже.

Очень часто у этих мужеподобных матерей развивается чрезмерная привязанность к дочери, подобная той, которую другие матери испытывают к сыну. Обычно дочь отвечает матери столь же сильной привязанностью. При этом она отчуждается от своей женской роли, и в дальнейшем ей, как правило, трудно достичь нормальных отношений с мужчинами.

Есть еще один важный способ, с помощью которого дети могут непосредственно воспроизводить образы и действия родителей. Родители – объекты не только любви и ненависти, но и инфантильных страхов детских и отроческих лет. В значительной мере наша совесть, особенно ее бессознательная часть, именуемая Сверх-Я, обязана своим происхождением внедрению в нашу личность устрашающих образов родителей.

Этот старый инфантильный страх, относившийся некогда к отцу или матери, может также переноситься на детей и вызывать связанное с ними безграничное, хотя и смутное ощущение небезопасности. По ряду причин это представляется особенно верным для этой страны[96]. Родители выказывают этот страх в двух основных формах. Они страшатся неодобрения детей, боятся, что дети раскритикуют их поведение, пьянство, курение, сексуальные отношения. Или же они постоянно беспокоятся о том, дают ли детям надлежащее воспитание и образование. Причина кроется в тайном чувстве вины перед детьми и приводит либо к чрезмерной снисходительности, с тем чтобы избежать неодобрения ребенка, либо к открытой враждебности, то есть к инстинктивному использованию нападения в качестве средства защиты.

Тема эта неисчерпаема. Конфликты матери со своими родителями могут иметь множество косвенных последствий. Моя же цель заключалась в том, чтобы прояснить способ, с помощью которого дети могут прямо и непосредственно воплотить в себе старые образы и таким образом вызывать те же эмоциональные реакции, которые однажды уже имели место.

Может возникнуть вопрос: какова практическая польза от разнообразных попыток глубже проникнуть в изучаемые процессы для наших усилий по руководству детьми и улучшению условий их воспитания? В отдельно взятом случае анализ материнских конфликтов стал бы наилучшим способом помочь ребенку, однако этого нельзя сделать в широком масштабе. Тем не менее я полагаю, что детальное знание, полученное из анализа сравнительно немногочисленных случаев, способно указать направление, в котором реально находятся порождающие факторы. К тому же знание о завуалированных формах, в которых проявляются патогенные факторы, уже сейчас может оказаться полезным для более легкого их распознавания в практической работе.

Статья 12. Переоценка любви. Исследование распространенного в наши дни типа женщин[97]

---

[96] Речь идет о США. – *Ред.*

[97] The Overvaluation of Love. A Study of a Common Present-Day Feminine Type. – The Psychoanalytic Quarterly,

Усилия женщины достичь независимости, расширить круг своих интересов и поле деятельности постоянно наталкиваются на скептическую позицию, состоящую в том, что подобные усилия стоило бы прилагать только перед лицом экономической необходимости и что они противоречат врожденным особенностям женщины и ее естественным наклонностям. Соответственно об усилиях подобного рода говорится как о чем-то, не имеющем жизненно важного значения для женщины, все помыслы которой в действительности должны бы сосредоточиваться исключительно на мужчинах и материнстве, в точности так, как поется в известной песенке Марлен Дитрих: «Я знаю лишь любовь – и больше ничего».

В этой связи немедленно приходят на ум всевозможные социологические соображения, однако они слишком известны и очевидны, чтобы заслуживать обсуждения. Такое отношение к женщине, какова бы ни была его основа и как бы его ни оценивали, выражает патриархальный идеал женственности – женщины как существа, единственное желание которого состоит в том, чтобы любить мужчину и быть им любимой, восхищаться им и ему служить, а то и в чем-то копировать. Сторонники подобной точки зрения ошибочно судят по внешнему поведению о наличии внутренней предрасположенности, тогда как в действительности последнюю нельзя распознать как таковую по той простой причине, что биологические факторы никогда не проявляются в чистом, незавуалированном виде, но всегда лишь в преобразованной традицией и окружением форме. Как довольно обстоятельно показал Бриффо в недавно вышедшей книге «Матери», преобразующее воздействие «унаследованной традиции» не только на идеалы и верования, но и на эмоциональный настрой и на так называемые инстинкты невозможно переоценить [98]. Унаследованная традиция, однако, означает для женщины насильственное сокращение ее участия в решении общих задач, изначально бывшего, вероятно, очень значительным, до более узкой сферы эротизма и материнства. Соблюдение унаследованной традиции выполняет определенные функции как для общества, так и для индивида. Об их социальном аспекте мы здесь говорить не будем. Рассмотрев же их с точки зрения индивидуальной психологии, придется только упомянуть о том, что эта мыслительная конструкция временами доставляет мужчине большое неудобство, однако, с другой стороны, служит ему источником, из которого его самолюбие всегда может почерпнуть поддержку. Напротив, для женщины с ее заниженным самоуважением на протяжении веков она служит прибежищем покоя, в котором женщина избавлена от усилий и тревог, связанных с развитием других способностей и притязаний при наличии в обществе критического отношения и конкуренции. Понятно поэтому (рассуждая исключительно с социологической точки зрения), что женщины, охваченные ныне порывом к независимому развитию своих способностей, в состоянии осуществить его лишь ценой борьбы как против внешней оппозиции, так и против того сопротивления внутри себя, которое сложилось благодаря упрочению традиционного идеала, оставляющего на долю женщины исключительно сексуальную функцию.

Вряд ли было бы особым преувеличением утверждать, что в настоящее время с подобным конфликтом сталкивается каждая женщина, отваживающаяся сделать карьеру и в то же время не желающая расплачиваться за свою смелость отречением от женственности. Обсуждаемый здесь конфликт, таким образом, обусловлен изменившимся положением женщины и ограничен кругом тех женщин, которые приступают к делу, следуя своему

Vol. III (1934), pp. 605-638.

[98] *Briffault R.* The Mothers (1927, Vol. II, p. 253): «Разделение труда по полу, на котором основывалось общественное развитие первобытных общин, было устранено в ходе великой экономической революции, вызванной развитием земледелия. Женщина, бывшая прежде на положении главного производителя, стала экономически непродуктивной, нуждающейся, зависимой… Лишь одна экономическая ценность была оставлена за ней – ее пол».

призванию, у которых есть особые интересы и которые вообще стремятся к независимому развитию личности.

Социологическое рассмотрение проблемы позволяет в полной мере осознать существование конфликтов такого рода, их неизбежность, а также в самых общих чертах многочисленные формы их проявления и их более отдаленные последствия. Оно позволяет, к примеру, понять, как складываются установки, разнообразие которых простирается от одной крайности – полного отказа от женственности – до противоположной крайности – совершенного неприятия интеллектуальной или профессиональной деятельности.

Границы указанной области исследования очерчены следующими вопросами: почему в каждом конкретном случае конфликт принимает именно такую, а не иную форму, или почему его разрешение достигается именно таким способом? Почему некоторые женщины заболевают вследствие этого конфликта или испытывают заметную задержку в развитии своих потенциальных способностей? Какого рода предрасположенность со стороны самого индивида необходима для подобного результата? Каковы его возможные исходы? Там, где встает вопрос о судьбе отдельного человека, мы вступаем в область индивидуальной психологии, фактически психоанализа.

Наблюдения, о которых я собираюсь рассказать, навеяны не социологическим интересом; в их основе лежат некоторые вполне определенные проблемы, встретившиеся при анализе целого ряда женщин, что заставило меня подумать о наличии особых факторов, их порождающих. Настоящее сообщение основано на семи случаях из собственной аналитической практики и еще нескольких случаях, известных мне по психоаналитическим конференциям. У большинства этих пациенток вообще отсутствовали ярко выраженные симптомы, у двух наблюдалась тенденция к совершенно нетипичной депрессии, а временами – к ипохондрической тревоге; с двумя изредка случались приступы, диагностированные как эпилептические. Но в каждом случае симптомы – если только они вообще имели место – заслонялись определенными проблемами, связанными каждый раз с отношением пациентки к мужчинам и к работе. Как это часто случается, пациентки более или менее ясно ощущали, что эти трудности проистекают из их личностных особенностей.

Однако уловить, какая именно проблема стоит за этими трудностями, было отнюдь не просто. Первое впечатление фиксировало лишь то, что для этих женщин отношения с мужчинами имели огромное значение, но что им так и не удавалось установить удовлетворительные отношения на сколько-нибудь длительный срок. Либо их попытки наладить отношения оканчивались полным провалом, либо имел место ряд не более чем мимолетных связей, разорванных то ли мужчиной, то ли самой пациенткой, – связей, помимо всего прочего, часто свидетельствовавших об определенном недостатке разборчивости. Если же складывались более длительные и более глубокие отношения, они в конце концов разбивались о какую-то свойственную женщине установку или о ее поведение. Во всех упомянутых случаях имели место затруднения в работе и других видах деятельности и более или менее заметное оскудение интересов. До известной степени эти затруднения осознавались и были вполне очевидны, но часто пациентка не отдавала себе в них отчета до тех пор, пока они не извлекались на свет в процессе анализа.

И только после довольно длительной аналитической работы я поняла, что в наиболее явных случаях центральная проблема состоит не в каком-либо запрете на любовь, а в исключительном сосредоточении на мужчинах. Этими женщинами как будто овладела единственная мысль: «я должна иметь мужчину» – они словно оказались одержимы идеей, которой придавалось такое значение, что она поглощала собой любую другую мысль, так что в сравнении с ней вся остальная жизнь казалась тусклой, однообразной и никчемной. Способности и интересы, которыми обладали большинство из них, либо вообще не имели для них значения, либо утратили то значение, которое имели когда-то. Другими словами, конфликты, повлиявшие на их отношение к мужчинам, были налицо и их можно было в значительной степени ослабить, но подлинная-то проблема заключалась не в том, что любовной жизни придавалось слишком малое значение, а, напротив, в чрезмерном ее

акцентировании.

В некоторых случаях сдержанность в отношении работы впервые давала о себе знать лишь в процессе анализа и продолжала нарастать, тогда как одновременно с этим отношения с мужчинами улучшались благодаря проведенному анализу тревоги, связанной с сексуальностью. Такая перемена по-разному оценивалась и пациенткой, и ее близкими. С одной стороны, перемена расценивалась как проявление прогресса, как это было в случае с отцом одной пациентки, высказавшим удовлетворение от того, что дочь в результате анализа стала столь женственной, что теперь хочет выйти замуж, утратив всякий интерес к учебе. С другой стороны, в ходе консультаций я постоянно сталкивалась с жалобами на то, что та или иная пациентка благодаря анализу добилась улучшения в отношениях с мужчинами, но зато утратила в работе прежнюю продуктивность и умения, перестала получать от нее удовольствие и теперь целиком охвачена стремлением общаться с мужчинами. Это дало пищу для размышлений. Очевидно, подобная картина могла представлять собой побочный продукт анализа, своего рода неудачу лечения. Но ведь такой исход наблюдался лишь в случае с некоторыми, а не со всеми женщинами. Какие предрасполагающие факторы обусловливали тот или иной исход? Не было ли вообще в проблеме этих женщин чего-то такого, что я упустила из виду?

Наконец, для всех этих пациенток была характерна еще одна черта, более или менее бросающаяся в глаза, – *страх не оказаться нормальной.* Подобная тревога проявлялась в сфере эротизма, в отношении к работе или – в более абстрактной и расплывчатой форме – как общее ощущение своего отличия от других и собственной неполноценности, которое они часто относили на счет врожденной, а потому и неизменной предрасположенности.

Проблема стала проясняться лишь постепенно, чему есть две причины. С одной стороны, обрисованная выше картина в значительной мере воплощает собой наше традиционное представление о женщине в подлинном смысле слова, у которой нет иной цели в жизни, кроме как окружать мужчину атмосферой преданности. Вторая трудность кроется в самом аналитике, который, будучи убежден в важности любовной жизни, соответственно склонен считать своей первейшей задачей устранение нарушений именно в этой области. Поэтому он будет с радостью следовать за пациентками, добровольно подчеркивающими важность этой сферы, и заниматься теми проблемами, которые они ему преподносят. Если бы пациентка заявила ему, что величайшая мечта ее жизни – путешествие на острова южных морей и что она надеется на помощь аналитика в разрешении внутренних конфликтов, стоящих на пути исполнения этого желания, аналитик, естественно, задал бы вопрос: «Скажите, почему, собственно, это путешествие так важно для вас?» Сравнение, конечно, несколько натянутое, ибо сексуальность действительно намного важнее поездки к южным морям, но оно позволяет показать, что наше умение осознать важность гетеросексуального опыта, совершенно правильное само по себе, иной раз способно заслонить от нас невротическую переоценку этой сферы, ее чрезмерное выпячивание.

При рассмотрении под этим углом зрения становится ясным, что эти пациентки воплощают в себе двойное противоречие. Их чувство к мужчине в действительности так много вбирает в себя, – здесь я бы предпочла выразиться описательно, – ему дается такая воля, что их оценка гетеросексуальных отношений как единственно ценной вещи в жизни, несомненно, является навязчивой переоценкой. С другой стороны, их способности, дарования, интересы, их честолюбие и соответственно возможности достичь чего-нибудь и получить удовлетворение от этого намного больше, чем они предполагают. Таким образом, мы имеем дело со смещением акцента с достижений или борьбы за достижения на секс; насколько можно говорить об объективном в области ценностей, настолько, конечно, то, что мы имеем здесь, есть объективное искажение ценностей, ибо, хотя, согласно последним аналитическим исследованиям, секс – чрезвычайно важный, пожалуй, даже наиболее важный источник удовлетворения, но, конечно же, не единственный и даже не самый надежный.

В ситуации переноса на женщину-аналитика на всем ее протяжении господствовали

две установки: на соперничество и на активное включение в отношения с мужчинами[99]. Каждое улучшение, каждое продвижение вперед казалось им не их собственным прогрессом, а исключительно успехом анализа. Одна пациентка, подвергнутая дидактическому анализу, проецировала на меня мысль о том, что на самом-то деле я не собираюсь вылечить ее или что я советую ей обосноваться в другом городе, потому что боюсь конкуренции с ее стороны. Другая пациентка в ответ на каждую правильную интерпретацию подчеркивала, что ее способность к работе так и не улучшилась. Еще одна пациентка взяла за правило замечать – стоило у меня возникнуть чувству, будто налицо некоторый прогресс, – что она сожалеет о том, что отнимает у меня столько времени. Отчаянные жалобы на упадок духа просто прикрывали их настойчивое желание обескуражить аналитика. Эти пациентки подчеркивали, что несомненное улучшение в действительности следует отнести на счет факторов, внешних по отношению к психоанализу, тогда как в любом изменении к худшему повинен аналитик. Часто они испытывали затруднения в ходе изложения свободных ассоциаций, потому что последнее означало для них уступку с их стороны и триумф аналитика, а значит, они помогли бы аналитику добиться успеха. Одним словом, они хотели сказать, что аналитик бессилен что-либо сделать. Одна пациентка шутливо выразила это в следующей фантазии: будто бы она поселилась в доме напротив моего, а на моем доме повесила броский плакат, указывающий на место ее проживания и снабженный надписью: «Вон там живет единственная хорошая женщина-психоаналитик».

Другая установка в процессе переноса состоит в том, что, как и в жизни, отношение к мужчинам выдвигается на первый план и весьма часто преподносится в форме отыгрывания *(acting out)* [100]. В нем нередко фигурирует один мужчина за другим, роль которых колеблется от простого ухаживания до половой близости, а рассказы о том, что он сделал или чего не сделал, любит ли он их или не оправдывает надежд и чем они ему ответили, иной раз отнимают большую часть сеанса и с неутомимостью растягиваются до мельчайших подробностей. То, что это отыгрывание, причем отыгрывание с целью усилить сопротивление, не всегда выяснялось сразу. Временами пациентка маскировала его, стремясь показать, что удовлетворительные отношения с мужчиной, имеющие, пожалуй, жизненно важное значение для нее, развиваются своим чередом, – стремление, согласующееся со сходно направленным желанием со стороны аналитика. Мысленно возвращаясь в прошлое, могу сказать, однако, что более точные знания о своеобразии проблем этих пациенток и специфике их реакции переноса позволяют, как правило, видеть их игру насквозь и тем самым существенно ограничить их притворство.

В подобных проявлениях активности на первый план выходят три рода тенденций. Их можно описать следующим образом.

1. «Я боюсь попасть в зависимость от тебя как женщины, как образа матери. Поэтому мне надо всячески избегать привязываться к тебе чувством любви. Ибо любовь есть зависимость. А раз так, избегая этого, я должна постараться найти своим чувствам другое приложение – мужчину». Так, одной пациентке, определенно принадлежавшей к обсуждаемому типу, в период психоаналитического лечения приснилось, будто она пытается прийти на сеанс, но вместо этого убегает с мужчиной, которого увидела в комнате ожидания.

---

[99] Установка по отношению к мужчине-аналитику может быть такой же. А может случиться и так, что перенос временно или даже постоянно являет собой картину, описанную Фрейдом как «логика лапши и супа». В первом случае аналитик олицетворяет преимущественно мать или сестру (но отнюдь не всегда, поэтому в каждой ситуации надо разбираться исходя из нее самой). Во втором случае постоянное стремление завоевывать мужчину, характерное для этой группы пациенток, относится и к самому аналитику.

[100] Поведение больного, переживающего в настоящем вытесненные инфантильные чувства и желания. При этом чувства и эмоциональные проявления могут быть более интенсивными, чем прежде, а сам пациент не осознает причины своего поведения. Обычно возникает в результате переноса. С точки зрения лечения является нежелательным, поскольку тем самым пациент избегает вербализации и переработки своих желаний. – *Ред.*

Подобная настороженность часто рационализируется мыслью о том, что раз аналитик не ответит взаимностью на ее любовь, то бесполезно давать волю своим чувствам.

2. «Лучше уж я поставлю тебя в зависимость от меня (от любви ко мне). Поэтому я ухаживаю за тобой и стараюсь возбудить в тебе ревность тем вниманием, которое я оказываю мужчинам». Здесь выражена глубоко укоренившаяся, по большей части не совсем осознанная уверенность в том, что ревность – превосходное средство вызвать любовь.

3. «Ты завидуешь тому, что я поддерживаю отношения с мужчинами; фактически всевозможными способами ты пытаешься помешать мне иметь их и даже не хочешь, чтобы я привлекательно выглядела. Но я во что бы то ни стало докажу тебе, что как раз все это я могу». Готовность аналитика помочь в принципе допускается только на интеллектуальном уровне, а иной раз нет даже и этого; когда же в конце концов лед недоверия бывает сломан, бросается в глаза искреннее удивление по поводу того, что кто-то действительно хочет помочь человеку добиться счастья в этой сфере. С другой стороны, даже при наличии доверия на интеллектуальном уровне истинная недоверчивость и подлинная тревога пациентки, как и ее гнев на аналитика, вырывались наружу всякий раз, когда попытка привязать к себе аналитика терпела неудачу. Иногда этот гнев имеет чуть ли не параноидный характер, и суть его сводится к тому, что именно аналитик несет ответственность за то или иное событие и что он даже активно ему способствовал.

Понимание подобных особенностей вводит нас в искушение допустить, что ключ к такому поведению с мужчинами лежит в сильной и в то же время внушающей женщине ужас гомосексуальности, которая и служит причиной патологического бегства к мужчине. Под гомосексуальностью подразумевается здесь «истинно мужское поведение», для которого попытка поставить как мужчин, так и женщин в зависимость от себя – это всего лишь способ его осознанного выражения. Тем самым стала бы понятной характерная беспринципность, неразборчивость во взаимоотношениях обследуемых пациенток с мужчинами. Двойственное отношение к женщинам, неизменно характерное для гомосексуальности, объясняла бы необходимость отхода от нее и бегства к мужчинам, как, впрочем, и недоверие, тревогу и гнев, проявляемые по отношению к женщине-аналитику, коль скоро последняя играет роль матери.

Сначала клинические данные совершенно не противоречили такой интерпретации. В сновидениях мы встречаем отчетливо выраженное желание быть мужчиной, а в жизни мужские образцы поведения представлены в разнообразно замаскированных формах. Весьма характерен тот факт, что в определенных случаях такие желания энергично отрицаются, поскольку женщинам представляется, что быть мужчиной и быть гомосексуальным – одно и то же. Рудименты гомосексуально окрашенных отношений почти всегда присутствуют в какой-нибудь период жизни. То, что подобные взаимоотношения не развиваются дальше рудиментарной стадии, вполне согласуется с ранее предложенной интерпретацией, как, впрочем, и тот факт, что в большинстве случаев дружеские отношения между женщинами играют поразительно малую роль. Все эти феномены можно было бы успешно рассматривать в качестве мер защиты от явной гомосексуальности.

Однако не может не поразить открытие того обстоятельства, что во всех этих случаях интерпретация, основанная на допущении бессознательных гомосексуальных наклонностей и бегства от них, остается совершенно неэффективной в терапевтическом отношении. Значит, должна быть какая-то другая, более правильная интерпретация. Ответ предлагает пример из ситуации переноса[101].

Одна пациентка в начале лечения неоднократно присылала мне цветы, сначала анонимно, а потом открыто. Мое первоначальное толкование, что она ведет себя как

101 Меня не раз поражало то, что стоило мне продемонстрировать моим пациенткам желание быть мужчиной, полностью свободное от каких бы то ни было объектных отношений, как они реагировали с неизменной быстротой и наивностью, как будто я «упрекала» их в гомосексуализме.

мужчина, ухаживающий за женщиной, не изменило ее поведения, хотя она и приняла его со смехом. Мое второе толкование, согласно которому подарки предназначались в качестве компенсации за обильные проявления агрессивности, также не возымело действия. Вместе с тем картина изменилась как по мановению волшебной палочки, когда у пациентки возникли ассоциации, недвусмысленно демонстрирующие ее уверенность, что с помощью подарков можно поставить человека в зависимость. Последующая фантазия выявила стоящее за этим желанием более глубокое деструктивное содержание. По ее словам, она хотела бы быть моей служанкой и все делать для меня наилучшим образом. Так я стала бы зависеть от нее, полностью доверять ей, и тогда однажды она подложила бы мне яду в кофе. Она подвела итог своей фантазии, абсолютно типичной для этой группы людей, следующей фразой: «Любовь – это способ убийства». Приведенный пример особенно наглядно раскрывает характерную для всей группы установку. Поскольку сексуальные импульсы по отношению к женщинам воспринимаются осознанно, они зачастую действительно переживаются как настоящие преступления. Коль скоро аналитик воплощает собой образ матери или сестры, инстинктивная установка при переносе оказывается недвусмысленно деструктивной, так что цель ее состоит в господстве и разрушении; другими словами, последняя деструктивна, но не сексуальна. Поэтому термин «гомосексуальный» вводит в заблуждение, ибо под гомосексуальностью обычно подразумевается установка, в которой сексуальные цели хотя и смешаны с деструктивными элементами, все-таки направлены на партнера того же пола. В данном случае, однако, деструктивные импульсы слишком непрочно соединены с либидинозными. Привнесенные сюда сексуальные элементы постигает та же участь, что и в пубертате: удовлетворительные отношения с мужчиной невозможны по причинам внутреннего характера, поэтому остается некоторое количество несвязанного либидо, которое можно направить на женщин. Как я покажу дальше, в силу ряда причин все прочие выходы для либидо, такие как работа или аутоэротизм, оказываются неподходящими. В качестве позитивного момента во влечении к другим женщинам вдобавок наблюдается еще и обращение (правда, во всех этих случаях безуспешное) к поискам мужского начала в себе, а также попытка обезвредить деструктивные импульсы с помощью либидинозных связей, впрочем, столь же безуспешная. Такая комбинация факторов отчасти объясняет тревогу по поводу гомосексуальности: почему получается так, что в подобных случаях сексуальные, нежные или хотя бы дружеские чувства не направлены в сколько-нибудь значительной степени на женщин.

Однако даже беглый взгляд на женщин, развитие которых шло в указанном направлении, немедленно вскрывает неадекватность подобного объяснения. Ибо, хотя склонность к враждебному отношению к женщинам откровенно и в изобилии представлена в этих группах (что прослеживается как в процессе переноса, так и в самой их жизни), те же самые склонности в не меньшей степени можно обнаружить и у женщин с бессознательной гомосексуальностью (гомосексуальностью в смысле только что данного определения). Поэтому связанная с такими склонностями тревога не может быть решающим фактором. Мне скорее представляется, что у женщин, развитие которых пошло в гомосексуальном направлении, решающим фактором выступает очень ранний и далеко зашедший отказ от мужчин – не важно, по каким причинам; так что эротическое соперничество с другими женщинами у них в той или иной степени отходит на задний план, в результате чего наблюдается не только *соединение* сексуального и деструктивного импульсов, но и с не меньшей частотой и *любовь, сверхкомпенсирующая* эти деструктивные тенденции, что, впрочем, случается и среди представительниц обсуждаемой группы.

В том типе женщин, который мы имеем в виду, подобная сверхкомпенсация либо вовсе не имеет места, либо не слишком значима; в то же время мы находим не только то, что соперничество с женщинами упорно продолжается, но и то, что оно в действительности резко обостряется, поскольку они не отказались от цели борьбы (окрашенной, как в последнем случае, огромной ненавистью), то есть от завоевания мужчины. Таким образом, налицо тревога, связанная с ненавистью и страхом возмездия, но отсутствует побудительная

сила, чтобы прекратить ее; более того, скорее наблюдается заинтересованность в том, чтобы ее сохранить. Колоссальная ненависть к женщинам, порожденная соперничеством, разыгрывается в ситуации переноса в иных сферах, нежели эротика, но совершенно ясно представлена и в эротической сфере в форме проекции. Ибо если основное чувство заключается в том, что женщина-аналитик стоит на пути отношений пациентки с мужчинами, вне всяких сомнений, она наводит на мысль исключительно о запрещающей матери, в особенности о ревнующей матери или сестре, которые не потерпят, чтобы пациентка совершенствовалась или имела успех как женщина.

Только на этой основе можно понять, зачем пациентка в знак противодействия сталкивает мужчину с женщиной-аналитиком. Намерение состоит в том, чтобы во что бы то ни стало продемонстрировать ревнивой матери или сестре, что пациентка способна иметь или заполучить мужчину. Но это возможно только ценой нечистой совести или тревоги. Отсюда и проистекают явные или скрытые реакции гнева на любую фрустрацию. Борьба разыгрывается подспудно и выглядит примерно так: когда аналитик настаивает на необходимости анализа, вместо того чтобы предоставить пациентке возможность реализовать свои отношения с мужчиной, это бессознательно истолковывается как запрет, как противодействие со стороны аналитика. Если аналитик при случае указывает на то, что без анализа попытки установить взаимоотношения с мужчиной ни к чему хорошему не приведут, для пациентки это эмоционально означает повторную попытку матери или сестры ударить по женскому самолюбию, как если бы аналитик сказала пациентке: «Ты слишком мала, или слишком незначительна, или недостаточно привлекательна; ты не сможешь привлечь или удержать мужчину». Вполне понятно, что реакция пациентки – продемонстрировать свои возможности. Если пациентки помоложе, их ревность прямо выражается в подчеркивании собственной молодости и более зрелого возраста аналитика примерно в такой форме, что, мол, аналитик слишком стара, чтобы понять, что для девушки вполне естественно нуждаться в мужчине больше, чем во всем прочем, и что это должно быть для нее гораздо важнее, чем психоанализ. Нередко заново разыгрывается семейная, то есть эдипова, ситуация, причем в почти неизменном виде, как, например, когда пациентка чувствует, что ее отношения к мужчине – предательство по отношению к аналитику.

При переносе, как всегда, наблюдается особенно явный и не подвергшийся цензуре вариант того, что имеет место в остальной жизни пациентки. Пациентка почти всегда стремится завоевать мужчину, привлекательного для других женщин или связанного с ними какими-то узами, часто совершенно безотносительно к его прочим качествам. Но когда налицо серьезная тревога, именно на такого человека налагается абсолютное табу. Дело может зайти настолько далеко, как в одном случае, что все мужчины окажутся под запретом, ибо в конечном счете любого мужчину придется отнимать у какой-нибудь женщины. Другая пациентка, первоначально соперничавшая со старшей сестрой, после первой половой близости видела тревожный сон, в котором ей снилось, будто сестра с угрозами гоняется за ней по комнате. Формы, которые способно принимать патологически преувеличенное соперничество, настолько хорошо известны, что нет нужды вдаваться здесь в дальнейшие подробности. То, что значительная доля эротического сдерживания и фрустрации порождается тревогой, связанной с соперничеством деструктивного типа, – факт столь же хорошо известный.

Но главный вопрос таков: что именно придает установке на соперничество столь колоссальное усиление и столь ярко выраженный деструктивный характер?

В предыдущих историях женщин есть одно обстоятельство, поражающее своим постоянством и тем, сколь заметное воздействие оно оказывает. Все эти женщины в детстве довольствовались вторым местом в соревновании с мужчиной (отцом или братом). С заметной частотой (в семи случаях из тринадцати), кроме того, была еще и старшая *сестра,* имевшая возможность разнообразными средствами завладеть местом под солнцем, то есть пользоваться расположением отца или брата (в одном случае старшего, в другом – младшего). За исключением одного случая, когда намного более старшая сестра совершенно

явно была любимица отца и, очевидно, ей не приходилось предпринимать никаких особых усилий, чтобы помешать младшей обратить на себя его внимание, анализ выявлял ужасное негодование против этих сестер. Гнев концентрировался вокруг двух пунктов. Он может обратиться на женское кокетство, с помощью которого сестра преуспела в завоевании отца, брата или – позже – других мужчин. В этих случаях гнев настолько велик, что – как выражение протеста – он еще долгое время мешает самой пациентке развиваться в этом направлении в том смысле, что она полностью отрекается от женских уловок; так, она старается не носить броской одежды, воздерживается от танцев и вообще от участия во всем, что связано с областью эротики. Вторая разновидность гнева касается враждебного отношения сестры к пациентке, и истинная его величина угадывается лишь постепенно. Если свести его к простой формуле, можно выразиться так: старшие сестры запугали младших, частично путем прямых угроз, то есть указывая на то, что они могут воздействовать на них благодаря большей физической силе и большему умственному развитию, частично тем, что высмеивают все усилия младших сестер быть эротически привлекательными, частично (что наверняка имело место в трех случаях, а возможно, и в четырех) тем, что ставят младших сестер в зависимость от себя с помощью сексуальных уловок. Последний способ, как нетрудно догадаться, оставляет особенно глубокую печать гнева, поскольку он делает младших детей беззащитными – частью из-за приобретенной сексуальной зависимости, частью из-за чувства вины. Именно в таких случаях можно было также найти наиболее явную склонность к гомосексуальности в полном смысле этого слова. В одном из подобных случаев мать была чрезвычайно привлекательной женщиной, окруженной толпой знакомых мужчин, и держала отца в абсолютной зависимости от себя. В другом случае предпочтение отдавалось не только сестре: у отца была любовная связь с жившей в доме родственницей, а по всей вероятности, и с другими женщинами. Еще в одном случае все еще молодая и необычайно красивая мать была абсолютным центром внимания со стороны как отца, так и сыновей и самых разных мужчин, часто бывавших в доме. В этом последнем случае положение, помимо всего прочего, усугублялось еще и тем, что девочка с пяти до девяти лет имела интимную сексуальную связь с братом несколькими годами старше ее, хотя тот был любимцем матери и по-прежнему испытывал бо́льшую привязанность к ней, чем к сестре. Более того, в подростковом возрасте именно из-за матери он вдруг прервал взаимоотношения с сестрой, по крайней мере в том, что касалось их сексуальной стороны. Еще в одном случае отец приставал к пациентке с тех пор, как той исполнилось четыре года, с сексуальными домогательствами, которые по мере приближения половой зрелости становились все откровеннее по своему характеру. В то же время он не только оставался чрезвычайно зависимым от матери, получавшей знаки внимания со всех сторон, но, сверх того, был отнюдь не равнодушен к чарам других женщин, так что у девочки сложилось впечатление, что она просто игрушка в руках отца, которую тот отбрасывает при каждом удобном случае или когда на сцене появляются взрослые женщины.

Таким образом, все эти девочки на протяжении всего детства приобретали опыт острого соперничества за внимание мужчины, либо безнадежного с самого начала, либо вылившегося в конце концов в их поражение. Поражение в попытке поддержать отношения с отцом – это, конечно, типичная судьба девочки в семье. Но в перечисленных случаях оно вызывает особые и типичные последствия благодаря тому, что соперничество усиливается либо из-за абсолютного эротического господства в данной ситуации матери или сестры, либо из-за того, что отец или брат пробуждают у девочки специфические иллюзии. Здесь действует дополнительный фактор, к значению которого я вернусь в другой связи. В большинстве подобных случаев сексуальное развитие получило более резкий, сильный толчок, чем обычно, по причине чересчур рано пережитого сексуального возбуждения, вызванного другими людьми или обстоятельствами. Преждевременный опыт генитального возбуждения не только приводит к тому, что генитальная сфера выдвигается на гораздо более заметное место; он также закладывает основания того, чтобы раньше и полнее инстинктивно оценивалась важность борьбы за обладание мужчиной, причем все это в

гораздо большей степени, чем физическое удовольствие, проистекающее из других источников (оральный, анальный или мышечный эротизм).

В том, что подобная борьба в результате привносит постоянно действующую деструктивную установку на соперничество с женщинами, проявляется та же самая психология, что и в ситуации любого соревнования: побежденный долго сердится на победителя, страдает от нанесенного его самолюбию удара, а значит, оказывается с психологической точки зрения в менее благоприятном положении в последующих соревновательных ситуациях и в конце концов чувствует, осознанно или бессознательно, что его единственный шанс на успех заключается в смерти противника. Точно такие же последствия можно усмотреть и в обсуждаемых случаях: это и чувство подавленности, и постоянное ощущение незащищенности в том, что касается женского самолюбия, и гнев на более удачливых соперниц. Такое положение имеет место во всех случаях, а в результате – либо стремление частично или полностью избежать соперничества с женщинами, или внутренний запрет на него, либо, наоборот, навязчивые попытки соперничества в невообразимых размерах, и чем большее поражение терпит чувство, тем решительнее будет жертва в вопросе о смерти соперницы, как бы говоря: я смогу быть свободной, только когда ты мертва.

Ненависть к победившей сопернице может разрешаться одним из двух способов. Если она остается в значительной мере предсознательной, то вина за эротическую неудачу возлагается на других женщин. Если она вытеснена глубже, причину неудачи пациентка ищет в собственной личности; возникающее при этом мучительное недовольство собой соединяется с чувством вины, проистекающим из вытесненной ненависти. При переносе часто можно отчетливо наблюдать не только то, как одна установка заменяет другую, но и как вытеснение одной автоматически усиливает другую. Если вытесняется гнев на сестру или мать, у пациентки возрастает чувство вины; если пациентка меньше упрекает себя, ее гнев на других людей бьет ключом. Кто-то должен отвечать за неудачу: если не я, то кто-то другой; если не другие, тогда я. Из этих двух установок гораздо сильнее вытесняется та, которая связана с признанием собственной вины.

Гложущее душу сомнение, не сама ли она виновата в том, что у нее нет удовлетворяющих ее отношений с мужчинами, как правило, в процессе анализа не сразу проявляется именно в такой форме, а скорее выражается в общей убежденности, что дела идут не так, как следовало бы; пациентки чувствуют и всегда чувствовали тревогу за то, все ли у них «в норме». Иногда тревога рационализируется в виде опасения, что у них нездоровое телосложение или с организмом не все в порядке. Временами своеобразной защитой от подобных сомнений становится чрезмерное выпячивание своей нормальности. Если ее подчеркивают в защитных целях, то психоаналитическая терапия часто воспринимается как нечто постыдное, поскольку является свидетельством того, что все идет не так, как должно бы; соответственно пациентки стараются держать в тайне, что ходят к аналитику. Психическая установка одной и той же пациентки может шарахаться из одной крайности в другую: от безнадежности, потому что даже психоанализ не в состоянии изменить столь серьезное неблагополучие, до противоположной уверенности в том, что все в порядке и поэтому они не нуждаются в психоанализе.

Чаще всего такого рода сомнения предстают в сознании пациентки в виде убеждения в том, что она уродлива и поэтому не может быть привлекательной для мужчин. Подобное убеждение совершенно не зависит от реального положения вещей; его можно обнаружить, например, даже у девушек необычайно хорошеньких. Это чувство связано с некоторыми действительными или воображаемыми дефектами: невьющиеся волосы, слишком большие руки или ноги, слишком полная фигура, слишком большой или слишком маленький рост, не тот возраст или дурной цвет лица. Подобная самокритичность неизменно сопровождается глубоким чувством стыда. Одна пациентка, например, некоторое время волновалась по поводу своих ног; она спешила в музеи, чтобы сравнить свои ноги с ногами статуй, чувствуя, что ей пришлось бы покончить с собой, если бы довелось обнаружить, что у нее уродливые

ноги. Другая пациентка не могла понять в свете собственных переживаний, почему ее муж не умирает со стыда из-за своих скрюченных пальцев на ногах. Еще одна неделями постилась из-за того, что брат посчитал ее руки слишком толстыми. В некоторых случаях объектом переживания становилось платье: мысль заключалась в том, что нельзя быть привлекательной без красивой одежды.

В попытках совладать с мучительными мыслями одежда играет очень важную роль, впрочем, не всегда успешно, поскольку сомнения вторгаются и в эту сферу и превращают ее в источник постоянного огорчения. Все становится нестерпимым: если предметы одежды не совсем подходят друг к другу, если платье полнит, если оно кажется слишком длинным или слишком коротким, слишком свободным или слишком элегантным, чересчур броским, слишком молодящим или недостаточно современным. Соглашаясь с тем, что одежда имеет большое значение для женщин, в данном случае я говорю только о том, что здесь вступают в силу совершенно неуместные аффекты – стыд, неуверенность, даже гнев. У одной пациентки, например, была привычка рвать платье, если ей казалось, что оно полнит ее; гнев других направлялся на портного.

Другая попытка защититься выражается в желании быть мужчиной. «Как женщина я ничто, – сказала одна из таких пациенток, – было бы куда лучше, если бы я была мужчиной», – и сопроводила это замечание сугубо мужским жестом. Третье и наиболее важное средство защиты состоит в том, что пациентка все-таки доказывает, что она способна привлечь мужчину. И вновь здесь мы сталкиваемся с тем же набором эмоций. Остаться без мужчины, никогда не связываться ни с кем из них, остаться девственницей, не выходит замуж – все это вещи постыдные, побуждающие людей смотреть на тебя свысока. Иметь мужчину – будь то поклонник, друг, любовник или муж – вот доказательство того, что у тебя все «в норме». Отсюда безумная погоня за мужчиной. По сути, последний должен отвечать единственному требованию – быть мужчиной. Если у него есть другие качества, усиливающие нарциссическое удовлетворение женщины, – тем лучше. Однако можно продемонстрировать поразительную неразборчивость с ее стороны, явно контрастирующую с уровнем ее запросов в других отношениях.

Но и эта попытка, как и та, что связана с одеждой, тоже остается безуспешной, во всяком случае, безуспешной в том, что касается возможности что-либо доказать. Ибо даже когда таким женщинам удается добиться того, чтобы мужчины один за другим влюблялись в них, они умудряются изыскивать доводы, обесценивающие их успех, – доводы вроде следующих: «рядом с этим мужчиной просто не было другой женщины, в которую можно было бы влюбиться», или «не так уж он значителен», или «что бы там ни было, я вынудила его к этому», или «он любит меня потому, что я умна, или потому, что я могу ему в чем-то пригодиться».

В первую очередь анализ вскрывает тревогу по поводу половых органов, причем ее содержанием является вопрос, не навредила ли себе женщина мастурбацией, не поранила ли себя таким образом. Часто подобные страхи находят выражение в мысли о том, что девственная плева разорвана и что вследствие мастурбации женщина не способна иметь детей[102]. Под давлением тревоги мастурбация, как правило, полностью пресекается, а всякое воспоминание о ней вытесняется; во всяком случае, заявления о том, будто бы мастурбации никогда не было, вполне типичны. В тех не слишком частых случаях, когда мастурбации предаются в более поздний период жизни, вслед за ней приходит тяжелое чувство вины.

Основу столь крайней формы защиты от мастурбации можно найти в сопровождающих ее откровенно садистских фантазиях о том, как какой-то женщине всевозможными

---

[102] Создается впечатление, что эта тревога глубочайшим образом связана с мастурбацией, но давать количественные оценки такого рода без точных данных в их поддержку весьма рискованно. Так или иначе, желание иметь детей у всех этих женщин, и в большинстве случаев с самого начала, подверглось сильнейшему вытеснению.

способами причиняют вред: то ее сажают в тюрьму, то унижают, то мучают, то – и это особенно часто – калечат ее гениталии. Последняя из названных фантазий подвергается наиболее сильному вытеснению, но, по всей видимости, она является существенным элементом в психодинамическом отношении. Насколько мне позволяет судить опыт, такая фантазия никогда не выражается прямо, даже когда фантазии, сопровождающие мастурбацию, пропитаны жестокостями иного рода. Однако ее можно реконструировать по следующим данным: в случае с пациенткой, рвавшей одежду, если ей казалось, что та ее полнит, было ясно, во-первых, что такое поведение равноценно мастурбации; во-вторых, что впоследствии она чувствует себя так, как если бы совершила убийство, следы которого ей приходится заметать; дальше, что полнота означает для нее беременность и напоминает ей беременность матери (когда ей самой было пять лет); затем порождает мысль о том, что при беременности у женщины-аналитика наверняка что-то разорвалось внутри. И наконец, пока она рвет платье, у нее невольно возникает чувство, будто она раздирает половые органы матери.

Другая пациентка, полностью преодолевшая привычку мастурбировать, испытывая боль во время менструации, чувствовала себя так, как будто ей вырывали внутренности. Она испытывала сексуальное возбуждение, когда слышала об аборте; она припомнила, что, будучи ребенком, думала, будто мужчина вытаскивает что-то из жены с помощью вязальной спицы. Ее возбуждали газетные заметки о насилии и убийствах. Самые разные сновидения содержали в себе фантазии на тему о том, как некая женщина ранит или оперирует половые органы девушки, так что они истекают кровью. Однажды такой случай произошел с девушкой в исправительном заведении по вине одной из учительниц; то же самое пациентка хотела бы проделать с аналитиком или со своей ненавистной матерью, поменявшись с ними местами.

Вывод о наличии деструктивных импульсов у других пациенток можно сделать по сходно проявляющемуся страху репрессалий, то есть по преувеличенной тревоге по поводу того, как бы каждая женская сексуальная функция не оказалась болезненной и кровавой, особенно дефлорация и роды.

Короче говоря, со всей очевидностью обнаруживается, что в бессознательном все еще действуют те самые деструктивные импульсы, которые в раннем детстве направлялись против матери или сестры, причем действуют в неизменной форме и с не меньшей силой. Мелани Кляйн придавала особое значение этим импульсам. Приняв их во внимание, нетрудно поверить, что именно усиленное, распаленное чувство соперничества не позволило пациенткам успокоиться. Изначальные порывы, направленные против матери, имеют следующий смысл: у тебя не должно быть половых сношений с моим отцом; ты не должна иметь детей от него; если ты это делаешь, тебе будет нанесено такое повреждение, что ты больше не сможешь этого делать и станешь ни для кого не опасной; или – что подробно раскрывается дальше – ты будешь казаться всем мужчинам отвратительной и отталкивающей. Но в соответствии с неумолимым законом талиона, господствующим в бессознательном, это приводит в результате к точно таким же страхам. Так, если я желаю тебе вреда и мысленно наношу его тебе в своих фантазиях при мастурбации, мне надо опасаться, как бы то же самое не приключилось со мной; к тому же мне приходится бояться еще и того, что то же самое произойдет со мной, окажись я в положении моей матери, когда я надумала причинить ей боль и вред. И в самом деле, в подобных случаях дисменорея развивается именно тогда, когда пациентки начинают проигрывать идею сексуальных отношений. Более того, иногда развивающаяся в это время дисменорея совершенно осознанно и явно рассматривается как наказание за сексуальные желания, о которых идет речь. В других случаях страхи пациенток имеют менее специфический характер, проявляясь в основном в том, что они содействуют намерению наложить запрет на половые сношения.

Эти страхи возмездия относятся отчасти к будущему, как уже было указано, но отчасти и к прошлому, как в следующем примере. «Поскольку я пережила деструктивные импульсы при мастурбации, со мной произошло то же самое; я пострадала из-за того же, из-за чего и

она, или – в качестве дальнейшей переработки – я столь же отвратительна, как и она». Эта связь была полностью осознана и высказана одной моей пациенткой, у которой действительно имевшие место сексуальные домогательства со стороны отца породили необычайно сильное чувство соперничества, так что до анализа она едва осмеливалась смотреться в зеркало, поскольку считала себя уродливой, хотя на самом деле была, несомненно, хорошенькой. Когда ее конфликты с матерью были проработаны и заново пережиты в процессе анализа, в момент высвобождения аффектов ее собственное отражение в зеркале показалось ей образом матери.

Деструктивные импульсы в отношении мужчин присутствуют в каждом случае. В сновидениях они предстают как побуждения к кастрации, в жизни – в разнообразных уже знакомых нам формах желания нанести вред или в форме защиты от подобных импульсов. Очевидно, однако, что импульсы, направленные против мужчин, почти не связаны с мыслью о ненормальности, их раскрытие в процессе анализа происходит обычно при незначительном сопротивлении и совершенно не меняет общей картины. Вместе с тем тревога исчезает по мере обнаружения и проработки деструктивных влечений, направленных против женщин (матери, сестры, аналитика), и, наоборот, остается неизменной, пока избыток тревоги препятствует обузданию связанного с этими влечениями тяжелого чувства вины. Установленные здесь механизмы защиты, появление которых я связала с сопротивлением анализу, – это защита от чувства вины примерно с таким значением: я никоим образом не навредила себе, просто я так устроена. Одновременно это годится и для того, чтобы жаловаться либо на судьбу за то, что человек создан так, а не иначе; либо на унаследованную предрасположенность, данную раз и навсегда; либо – как в двух случаях – на сестру, что-то сделавшую с гениталиями пациентки; либо на притеснение в детстве, компенсацию за которое пациентка так и не получила. Здесь отчетливо видно, что функция, которую выполняют эти жалобы, и причина их сохранения заключаются в защите пациентки от чувства вины.

Первоначально я предполагала, что пациентки носятся с мыслью о ненормальности из-за иллюзии о наличии у них мужского начала, иллюзии, сопутствующей чувству досады на то, что вследствие мастурбации утрачен либо сам пенис, либо шанс на то, что он вырастет. Я считала, что погоня за мужчиной обусловлена отчасти вторичным чрезмерным акцентированием собственной женственности, отчасти желанием заполучить мужчину хотя бы как собственное дополнение, раз уж самой нельзя быть мужчиной. Но исходя из динамики событий, описанной выше, я пришла к убеждению, что мужские фантазии вовсе не представляют собой *динамически действующей силы,* а просто *выражают вторичные тенденции,* коренящиеся в соперничестве с описанными выше женщинами, будучи в то же время либо обвинением, так или иначе рационализированным, в адрес то ли несправедливой судьбы, то ли матери за то, что пациентка не родилась мужчиной, либо же выражением потребности создать в сновидениях или фантазиях средства избежать мучительных женских конфликтов.

Бывают, конечно, случаи, в которых приверженность иллюзии, будто пациентка является мужчиной, все-таки играет динамическую роль, но у этих случаев, по-видимому, совершенно иная структура, поскольку в них была представлена ярко выраженная идентификация с определенным человеком, чаще всего с отцом или братом, на основе которой и происходит развитие в гомосексуальном направлении или складываются нарциссическая установка и ориентация.

Чрезмерное внимание к взаимоотношениям с мужчинами имеет своим источником – насколько мы успели обсудить до сих пор – не какую-то необычайную силу сексуального импульса, а факторы, лежащие вне сферы взаимоотношений между мужчинами и женщинами, а именно стремление восстановить ущемленное самолюбие и бросить вызов победившей сопернице. Итак, возникает необходимость исследовать, играет ли жажда сексуального удовлетворения существенную роль в погоне за мужчиной, и если да, то до какой степени. То, что на уровне сознания стремление таково, это безусловно, но верно ли

это также и с инстинктивистской точки зрения?

Весьма существенно не упустить в данной связи того важного обстоятельства, что к такому удовлетворению стремятся не с обычным энтузиазмом, но с явно и бесспорно преувеличенным рвением. Такая установка временами отчетливо проступала на сознательном уровне, тем не менее сначала я была склонна ее недооценивать из-за силы внутренних сексуальных запретов у пациенток, с одной стороны, а с другой – из-за мощного их порыва ко всему мужскому, проистекающему из других источников; впоследствии я стала рассматривать данную установку во многом как рационализацию, призванную скрывать бессознательные мотивы и представлять желание иметь мужчин как нечто «вполне нормальное и естественное». Теперь уже не вызывает сомнений, что подобный акцент и в самом деле служит этим целям; здесь мы находим подтверждение старого изречения, что в некотором смысле пациент всегда прав. Но даже если учесть естественное желание полового удовлетворения и с должным вниманием отнестись к несексуальным элементам, все-таки налицо избыток сексуального желания, требующегося для гетеросексуального полового акта. Такое впечатление основано на том, что, если бы для этих женщин это был, *по сути,* всего лишь протест против женщин, с одной стороны, и самоутверждение («нарциссическая компенсация») – с другой, то было бы нелегко объяснить тот факт, что в действительности, часто того не сознавая и, конечно, противореча своей сознательной установке, они страстно ищут половых контактов с данным партнером. Нередко обнаруживается, что они буквально лелеют мысль о том, что без этого они не в состоянии поддерживать свое здоровье и преуспевать в работе. Эта рационализация связана с наполовину усвоенной психоаналитической точкой зрения, с использованием какой-либо теории о роли гормонов или же просто со свойственными мужской идеологии представлениями о вреде воздержания. Насколько половая близость важна для них, видно по тем усилиям, которые, как бы по-разному они ни обусловливались в других отношениях, имеют общий знаменатель: стремление гарантировать себе половой контакт, то есть не оказаться в таком положении, когда возможность контакта неожиданно пресекается. Усилия такого рода реализуются тремя способами, внутренне предельно разными, тем не менее взаимозаменяемыми, поскольку они обязаны своим происхождением лежащей в их основе общей мотивации: это фантазии на тему проституции, стремление выйти замуж и желание быть мужчиной. Фантазии на тему проституции и стремление к замужеству означают в данном случае, что в распоряжении пациентки всегда будет мужчина. Желание быть мужчиной или обида на мужчин проистекают в этой связи из мысли о том, что мужчина может совершать половой акт всегда, когда захочет.

Я полагаю, что в переоценку сексуальности вносят свой вклад следующие три фактора.

1. С экономической точки зрения многое в психологической структуре, типичной для этих женщин, вынуждает их ограничиваться областью сексуальности, потому что путь к достижению удовлетворения иного рода чрезвычайно затруднен. Гомосексуальные импульсы отвергаются из-за того, что они сочетаются с деструктивными импульсами, а также из-за установки на соперничество с другими женщинами. Мастурбация не приносит удовлетворения, если только она вообще еще полностью не подавлена, как это бывает в большинстве случаев. Но в значительной мере сдерживаются и все прочие формы аутоэротического удовлетворения в широком смысле слова, причем как в непосредственном проявлении, так и в сублимированном виде, то есть все, что человек делает или чем наслаждается «только для себя», будь то наслаждение едой, заработком, искусством или природой, и все в основном потому, что эти женщины, как все люди, чувствующие себя в явно невыгодном положении, таят в себе необычайно сильное желание иметь все только для себя, не позволять больше никому ни малейшего наслаждения, отнимать все у всех остальных – желание, вытесняемое из-за порождаемой им тревоги и из-за его несовместимости с прочими нормами поведения индивида. Вдобавок к этому во всех областях деятельности имеется ограничение, которое при наличии амбиций приводит к значительной внутренней неудовлетворенности.

2. Первый фактор мог бы объяснить имеющее место усиление сексуальных потребностей, тогда как следующий фактор мог бы послужить причиной завышения ее оценки – оценки, основанной на изначальном поражении индивида в сфере женского соперничества, выливающемся в глубоко затаенный страх, как бы другие женщины не стали постоянной помехой в гетеросексуальных проявлениях, что, действительно, достаточно ясно проступает в ситуации переноса. На деле это нечто вроде описанного Эрнестом Джонсом «афанизиса»[103], впрочем, с той разницей, что здесь нет и речи о тревоге по поводу утраты способности к сексуальному переживанию; скорее есть опасение, что какое-то внешнее воздействие будет постоянно мешать ему. Чтобы отвратить тревогу, делаются попытки достичь упомянутой выше безопасности, однако тревога вносит свой вклад в переоценку сексуальности, поскольку любое намерение, становясь предметом обсуждения, всегда привлекает к себе повышенное внимание.

3. Третий источник, как мне кажется, наименее распространен, ибо мне не удалось обнаружить его присутствия во всех случаях, поэтому я не возьмусь поручиться за то, что он имеет значение в каждом примере. Некоторые из женщин, как уже говорилось, сами припоминают, что в раннем детстве пережили сексуальное возбуждение, сходное с оргазмом. В отношении других с определенной долей уверенности можно вывести, что подобное переживание имело место, опираясь на такие возникшие впоследствии проявления, как страх перед оргазмом, хотя сновидения выдавали, что страх сочетается со знанием об оргазме. Возбуждение, пережитое в ранний период жизни, действовало устрашающе как из-за специфических условий, сопутствовавших данному переживанию, так и просто из-за его всепоглощающего характера, специфичного для незрелого субъекта, и поэтому оно вытеснялось. Тем не менее переживание оставило определенный след – намек на удовольствие, намного превосходящее то, что можно получить из любого другого источника, и на нечто необычайно животворное для всего организма. Я склоняюсь к тому, что подобные следы приводят именно этих женщин – в большей степени, чем обычно, – к тому, чтобы считать сексуальное удовлетворение своего рода эликсиром жизни, которым способны снабдить их мужчины и без которого придется иссохнуть и зачахнуть, тогда как его нехватка делает невозможными достижения в любом другом направлении. Этот пункт, однако, нуждается в дальнейшем подтверждении.

Несмотря на разнообразные причины стремления добиться расположения мужчин, несмотря на огромные усилия, прилагаемые для достижения поставленной цели, все эти попытки обречены на провал. Причины этой неудачи надо искать отчасти в том, что уже было сказано. Они произрастают на той почве, которая привела пациенток к поражению в соревновании за мужчину, но которая вместе с тем снова заставляет прилагать особые усилия для его завоевания.

Распаленное чувство соперничества с другими женщинами побуждает их, конечно, вновь и вновь демонстрировать свое эротическое превосходство, и в то же время их деструктивные импульсы в отношении женщин неизбежно привносят в любое соперничество за мужчину глубокую тревогу. В соответствии с силой тревоги и, пожалуй, еще больше в соответствии с субъективным осознанием своего поражения и вытекающим отсюда снижением самооценки конфликт между нарастающим побуждением включиться в соперничество с другими женщинами и вызванным им усилением тревоги изливается вовне, в стремление избежать подобной конкуренции вообще, либо, наоборот, в попытку приумножить усилия в этом направлении. Выявленная картина может поэтому развернуть перед нами весь диапазон вариантов, начиная с женщин, чрезвычайно сдержанных в любых шагах по установлению взаимоотношений с мужчинами, хотя и жаждущих их вплоть до

---

103 Термин введен Э. Джонсом для обозначения невротической тревоги в связи с возможной утратой полового влечения. – *Ред.*

утраты всех прочих желаний, и кончая женщинами подлинно донжуановского типа. Включение в одну категорию всех этих женщин, невзирая на видимые различия между ними, оправдано не только сходством их фундаментальных конфликтов, но и сходством их эмоциональной ориентации, несмотря на огромную разницу ее внешних проявлений, точнее, особо учитывая их установку в сфере эротики. Уже упомянутое обстоятельство, что «успех» у мужчин сам по себе эмоциональной ценности не имеет, вносит заметный вклад в указанное сходство. Более того, ни в одном из случаев так и не удается достигнуть взаимоотношений с мужчиной, удовлетворяющих женщину либо духовно, либо физически.

Обида на то, что они – женщины, побуждает их доказывать самим себе свою женскую состоятельность, причем побуждает как прямо, так и косвенно – через опасение, что у них не все в норме. Но поскольку поставленная цель оказывается недостижимой в силу того, что по мере ее приближения немедленно происходит самообесценивание достигнутого, такой оборот дела приводит к быстрой замене одного отношения другим. Их заинтересованность в мужчине, способная даже создать иллюзию чрезвычайной влюбленности в него, как правило, сразу пропадает, как только он оказывается «покорен», то есть стоит ему стать эмоционально от них зависимым.

Эта тенденция ставить человека в зависимость с помощью любви, которую я уже описала в качестве характерной особенности переноса, имеет еще один определяющий фактор. Она обусловлена тревогой, подсказывающей, что зависимость – это опасность, которой надо избегать любой ценой, и, следовательно, раз любовь или какая-либо иная эмоциональная привязанность есть то, что в наибольшей степени порождает зависимость, они представляют собой большое зло, которого следует избегать. Другими словами, страх перед зависимостью – это глубинное опасение пациенток испытать разочарования и унижения, проистекающие, как они полагают, из их влюбленности; унижения, которые они сами претерпели в детстве и теперь хотели бы, чтобы впоследствии их пережили другие. Таким образом, первоначальное переживание, оставившее после себя столь сильное ощущение уязвимости, причинялось преимущественно мужчиной, а поведение, явившееся его следствием, направляется примерно в равной степени и на мужчин, и на женщин. Например, пациентка, желавшая поставить меня в зависимость с помощью подарков, как-то выразила сожаление, что не пошла к аналитику-мужчине, потому что мужчину гораздо легче заставить влюбиться и тогда – игра выиграна.

Защита себя от эмоциональной зависимости соответствует, таким образом, желанию стать неуязвимой, подобно Зигфриду в германской саге, искупавшемуся для этого в крови дракона.

В других же случаях механизм защиты проявляется в склонности женщины к деспотизму, а также к бдительности, с тем чтобы удостовериться, что партнер останется более зависимым от нее, чем она от него, и, конечно же, это сопровождается соответствующими вспышками гнева, явно выраженными или подавленными, стоит лишь партнеру проявить хоть какой-нибудь признак независимости.

Двояко детерминированное непостоянство по отношению к мужчинам служит в дальнейшем удовлетворению затаенной жажды мести, сходным образом развившейся на основе первоначального поражения; желание состоит в том, чтобы одержать верх над мужчиной, бросить его, отвергнуть просто потому, что женщина сама однажды почувствовала себя брошенной и отвергнутой. Из всего сказанного видно, что шансы пациенток на выбор подходящего объекта весьма малы, а практически сводятся на нет; по причинам, отчасти связанным с их отношением к другим женщинам, отчасти – с их собственным самолюбием, эти женщины слепо хватаются за первого попавшегося мужчину. К тому же в двух третях рассмотренных здесь случаев в дальнейшем их шансы еще больше уменьшились из-за фиксации на отце, бывшем тем самым человеком, вокруг которого первоначально концентрировалась борьба в детстве. В таких случаях сначала создавалось впечатление, будто в действительности они искали отца или образ отца, и впоследствии очень быстро бросали мужчин потому, что те не соответствовали этому идеалу и к тому же

становились объектами мести, изначально предназначавшейся отцу; другими словами, создавалось впечатление, будто фиксация на отце составляла ядро невротических расстройств у этих женщин. Хотя и в самом деле такая фиксация усиливает проблемы у многих женщин, тем не менее она наверняка не играет какой-то особой роли в генезе данного типа нарушений. Во всяком случае, не составляет динамической сердцевины той специфической проблемы, которой мы здесь занимаемся, ибо почти в трети рассмотренных случаев в этом отношении не было найдено ничего такого, что превосходило бы обычный уровень по интенсивности или по какому-либо особому показателю. Я упоминаю здесь данный вопрос только по техническим причинам. Ибо из опыта известно, что, если проследовать через фиксации на ранних ступенях развития, не проработав предварительно всей затронутой проблематики, легко зайти в тупик.

Для пациентки существует лишь один выход из такого во всех отношениях неудовлетворительного положения, а именно через достижения в работе, уважение со стороны других, реализацию честолюбивых устремлений. Все эти женщины без исключения ищут такой выход, развивая при этом огромное честолюбие. Ими движут мощные импульсы, проистекающие из ущемленного женского самолюбия и из преувеличенного чувства соперничества. Уважение к себе можно воздвигнуть на базе достижений и успехов если не в сфере эротики, то в какой-либо другой области устремлений, выбор которой определяется спецификой способностей индивида, и тем самым одержать победу над соперницами.

Однако женщины заранее обречены на неудачу на этом пути, как и в эротической сфере. Теперь нам предстоит рассмотреть причины неизбежности этой неудачи. Мы можем сделать это кратко, потому что затруднения в области достижений в каком-либо виде деятельности по сути те же самые, какие мы видели в эротической сфере, и все, что нужно рассмотреть здесь, – это форму их проявления. Конечно, именно в соперничестве легче всего заметить параллелизм между поведением в эротической сфере и сфере работы. Те, у кого потребность оттеснить любую другую женщину с арены собственной деятельности разрослась чуть ли не до патологических размеров, осознанно стремятся к признанию и жаждут его в каждом виде соревновательной активности, но непрочность их основы, конечно, очевидна. Она дала о себе знать в трех случаях, являвших собой именно эту модель, суть которой состоит в том, что женщины терпят полный провал в своих попытках упорно следовать указанной цели, несмотря на огромное честолюбие. Их обескураживает даже мягкая критика, как, впрочем, и похвала. Критика задевает их тайное опасение, способны ли они успешно состязаться, а похвала – страх перед любой конкуренцией, какова бы она ни была, но особенно, конечно, где они могут проиграть. Вторым элементом, регулярно повторявшимся в упомянутых случаях, было их донжуанство. Подобно тому как они испытывают постоянную потребность во все новых мужчинах, они не способны привязаться и к какому-нибудь виду работы. Они любят указывать на то, что, привязавшись к какому-нибудь конкретному роду деятельности, они лишились бы возможности реализовать другие интересы. То, что подобное опасение – рационализация, обнаруживается в том, что в действительности они практически не затрачивают энергии на осуществление каких бы то ни было интересов.

У тех женщин, которые избегают любой конкуренции в эротической сфере и одержимы идеей о неспособности понравиться, честолюбие как таковое тоже почти полностью подавлено. В присутствии людей, всего лишь создающих видимость того, будто они в состоянии делать что-то лучше пациенток, последние чувствуют себя полностью оттесненными на задний план и ненужными, поэтому они реагируют на подобные ситуации – точно так же, как и в ситуации переноса, – бурными вспышками гнева и готовностью впасть в депрессию.

Когда же дело доходит до замужества, их собственное подавленное честолюбие часто переносится на мужа, так что со всей энергией собственного честолюбия они требуют успехов от него. Но перенос честолюбия увенчивается успехом лишь частично, поскольку из-за неизменной установки на соперничество они в то же время бессознательно ожидают от

него неудачи. Какая установка по отношению к мужу возобладает, зависит от того, насколько сильна собственная потребность женщины в максимальной сексуальной удовлетворенности. Таким образом, и мужа можно с самого начала рассматривать как соперника, в отношении которого они погружаются в бездну чувств, вызванных невозможностью победить и сопровождаемых глубочайшей обидой на него, то есть все обстоит точно так же, как было при объяснении того, почему они избегают эротической конкуренции. Во всех этих случаях имеет место дополнительная трудность первостепенной важности, вытекающая из-за поразительного расхождения между раздутым честолюбием пациенток и их недостаточной уверенностью в себе. Все эти женщины могли бы плодотворно работать – в соответствии с индивидуальными наклонностями – писателями, учеными, художниками, врачами, организаторами. Само собой разумеется, что для любой продуктивной деятельности необходима определенная уверенность в себе, тогда как заметная ее нехватка оказывает парализующее действие. Это в равной мере верно, конечно, и здесь. Рука об руку с непомерными амбициями с самого начала у них идет недостаток смелости, проистекающий из их неустойчивого душевного состояния. В то же самое время большинство пациенток не осознают вызванного их честолюбием огромного напряжения, с которым они работают.

Такое расхождение имеет практические последствия. Ибо, сами того не сознавая, эти женщины рассчитывают отличиться с самого начала, например стать пианисткой не упражняясь; блестяще рисовать, не имея технического мастерства; достичь успеха в науке, не слишком утруждая себя; правильно диагностировать шумы в сердце и хрипы в легких без обучения. Свою неизбежную неудачу они относят не на счет собственных нереалистических и завышенных ожиданий, а считают следствием недостатка способностей вообще. К тому же у них есть склонность бросать сразу же все, что бы они ни делали; тем самым они лишают себя возможности упорным трудом добыть те знания и умения, которые необходимы для успеха, и таким образом происходит дальнейшее расхождение между чрезмерными амбициями и недостаточной уверенностью в себе.

Ощущение неспособности достичь хоть чего-нибудь, столь же мучительное в работе, как и в эротической сфере, из которой оно происходит, как правило, удерживается с тем же упорством. Пациентка полна решимости доказать себе и другим, и больше всего психоаналитику, что она ни на что не способна, что она просто глупа или неумеха. Она отметает любые доказательства обратного и принимает каждую похвалу за коварную лесть.

Что же поддерживает эти тенденции? С одной стороны, убежденность в собственной неспособности что-либо сделать надежно предохраняет от попытки достичь чего-то стоящего и тем самым страхует от опасности проиграть в состязании. Правда, приверженность представлениям о собственной неспособности что-либо сделать оказывает такой защите гораздо меньшую услугу, чем положительное стремление, доминирующее в общей картине, а именно – стремление заполучить мужчину или, скорее, во что бы то ни стало вырвать мужчину у судьбы, причем сделать это, доказывая собственную слабость, зависимость и беспомощность. Эта «схема» всегда полностью бессознательна, но именно поэтому ей тем более упорно следуют; и то, что, казалось бы, лишено смысла, обнаруживает себя как запланированное и целенаправленное стремление к определенной цели, если рассмотреть его с точки зрения бессознательного ожидания.

На поверхности это проявляется разнообразными способами, такими, как несколько расплывчатые, но устойчивые представления, в соответствии с которыми приходится выбирать между мужчиной и работой, и что работа и независимость служат препятствием на пути к мужчине, а то и пресекают движение в этом направлении. Попытки внушить пациенткам, что подобные представления в действительности безосновательны, оставляют их совершенно равнодушными. То же самое относится к предполагаемому выбору между мужественностью и женственностью, между пенисом и ребенком. Упорство пациенток становится понятным, если рассматривать его как выражение, пусть даже неосознанное, описанной выше схемы. Одна пациентка, у которой идея, касающаяся такой альтернативы,

играла заметную роль в ее сильнейшем сопротивлении всякой работе, в ситуации переноса выразила лежащее в его основе желание в следующей фантазии: выплачивая гонорар аналитику, она потратит все свои деньги и постепенно дойдет до нищеты. Анализ, однако, не поможет ей преодолеть ее пассивность в работе. Она будет лишена всех средств к существованию и не сможет зарабатывать на жизнь. Аналитику тогда придется о ней заботиться, в особенности ее первому аналитику – мужчине. Эта же пациентка пыталась уговорить аналитика запретить ей работать, настойчиво подчеркивая не только свою неспособность к работе, но равным образом сопутствующие этому вредные последствия. Когда ее убеждали заняться работой, ссылаясь на ее пригодность и компетентность, она реагировала – совершенно логично – вспышкой гнева, проистекающего из того, что ее тайный план рухнул, хотя его сознательное содержание состояло в том, что аналитик считает, будто она пригодна только для работы и хочет помешать ей развиваться как женщине.

В других случаях основное их ожидание находит свое выражение в зависти к женщине, которую поддерживает мужчина или содействует ей в работе. Сходные по смыслу фантазии встречаются в изобилии, фантазии о том, как получают от мужчины поддержку или подарки, детей или сексуальное удовлетворение, духовную или моральную поддержку. Соответствующие орально-садистские фантазии дают о себе знать во сне. В двух случаях пациентки вынуждали самого отца поддерживать их, демонстрируя ему свою неспособность делать что-либо самим.

В целом их установка сохраняется неизменной в динамическом отношении, пока она остается в рамках их тайного ожидания, действующего следующим образом: если я не в силах обрести любовь отца – то есть мужчины – естественным путем, я вырву ее посредством беспомощности. Это как бы магический призыв к состраданию. Поэтому функция подобной мазохистской установки – быть невротически искаженным средством достижения гетеросексуальной цели, которой, как считают пациентки, они не могут достичь никаким иным способом[104].

Проще говоря, можно утверждать, что решение проблемы, связанной с ощущением пациенток, что им трудно работать, заключается в том, что они не способны заинтересоваться работой. На самом деле выражение «трудно работать» не отражает сути дела в должной мере, ибо в большинстве случаев выявляется их полная духовная бесплодность. Цели по-прежнему зафиксированы в эротической сфере, существующие в ней конфликты переносятся на область деятельности, и в конце концов незаинтересованность в работе сама превращается в инструмент, с помощью которого стараются вынудить любовь хотя бы окольным путем через проявления сочувствия или нежной заботы.

Поскольку работа для таких пациенток не только с неизбежностью остается непродуктивной и не приносящей удовлетворения, но и начинает их по-настоящему тяготить, их – *вторичным* образом – с удвоенной силой отбрасывает назад в эротическую сферу. Этот вторичный процесс можно запустить в действие с помощью личного сексуального опыта, например, путем замужества, как, впрочем, и с помощью других подобных событий в окружающем мире. Это может служить объяснением того, что, как уже упомянуто, анализ тоже способен стать возбуждающим фактором, а именно когда аналитик, неверно оценив действительное положение вещей, с самого начала делает упор на сексуальную сферу.

С возрастом трудности, естественно, становятся еще заметнее. Девушка легко утешается после эротических неудач и уповает на лучшую «долю». Экономическая независимость, по крайней мере в среднем классе общества, не является такой уж настоятельной проблемой. А сужение круга интересов не так уж сильно дает о себе знать. С

---

104 Ход мысли здесь в главном тот же, что и у Райха в его «Мазохистском характере», поскольку ему тоже удалось показать, что мазохистское поведение в конечном счете служит достижению удовольствия.

возрастом, где-то ближе к тридцати, продолжающиеся неудачи в любви начинают восприниматься как фатальная неизбежность, тогда как возможности удовлетворительных взаимоотношений мало-помалу становятся все более призрачными, главным образом, по внутренним причинам: это и растущая неуверенность в себе, и замедление общего развития, а отсюда и неспособность достичь обаяния, свойственного зрелым годам. К тому же чем дальше, тем больше начинает тяготить экономическая зависимость. И наконец, пустота в сфере деятельности и достижений ощущается все в большей степени, поскольку с возрастом и самим человеком, и окружением все больший упор делается именно на достижения. Жизнь все больше кажется лишенной смысла, и мало-помалу появляется ощущение горечи, потому что эти люди неизбежно все больше и больше запутываются в двойном самообмане. Они думают, что могут быть счастливы только в любви, тогда как при их складе они никогда таковыми не будут; с другой стороны, их вера в свои способности все убывает.

Каждый читатель, по всей вероятности, отметит, что изображенный здесь тип женщины часто встречается в наши дни, во всяком случае в интеллектуальных кругах среднего класса, хотя, быть может, и не в столь ярко выраженной форме. В самом начале я высказала мнение, что это в значительной мере обусловлено социальными причинами, заключающимися в сужении сферы социальной деятельности для женщин. Тем не менее в описанных здесь случаях отчетливо проступает особая невротическая усложненность как следствие неудачного индивидуального развития.

Такое описание могло бы создать впечатление, будто два класса сил – социальных и индивидуальных – отделены друг от друга. Конечно же, это не так. Мне представляется, что в каждом случае можно показать, что такой тип женщины мог сложиться исключительно на основе индивидуальных факторов, но я полагаю, что его *распространенность* объясняется тем, что в данных социальных условиях достаточно даже небольших затруднений в личностном развитии, чтобы подвигнуть женщин развивать в себе подобный тип женственности.

Статья 13. Проблема женского мазохизма[105]

Интерес к проблеме женского мазохизма выходит далеко за пределы медицинской и психологической сфер, поскольку, по крайней мере для тех, кто изучает западную культуру, эта проблема затрагивает сами основы оценки женщин с культурных позиций. Факты, похоже, свидетельствуют о том, что в нашей культуре мазохистские феномены встречаются у женщин чаще, нежели у мужчин. Существуют два подхода к объяснению этого наблюдения. Первый представляет собой попытку выяснить, не присущи или не родственны ли мазохистские тенденции самой природе женщины. Второй – попытку оценить роль социальных условий в развитии специфических для пола особенностей, способствующих распространению мазохистских тенденций.

В психоаналитической литературе – если взять воззрения Радо и Дойч как особо показательные – проблема рассматривалась только с точки зрения на женский мазохизм как на психическое последствие анатомического различия между полами. Психоанализ, таким образом, предоставлял свой научный инструментарий для поддержки теории исконного родства между мазохизмом и биологией женщины. Возможность социальной обусловленности с психоаналитической точки зрения пока еще не рассматривалась.

Задача настоящей статьи – содействовать попыткам определить соотношение биологических и культурных факторов в этой проблеме, тщательно проверить надежность имеющихся на этот счет психоаналитических данных и поднять вопрос, можно ли

---

105 Доклад, прочитанный на заседании Американской психоаналитической ассоциации в Вашингтоне 26 декабря 1933 г. The Problem of Feminine Masochism. – The Psychoanalytic Review, Vol. XXII, № 3 (1935), pp. 241-257.

использовать психоаналитические знания для исследования возможной связи этого явления с социальными условиями.

Существующие на данный момент психоаналитические представления суммарно можно изложить следующим образом.

Специфическое удовлетворение, которое ищет и находит женщина в половой жизни и в материнстве, носит мазохистский характер. Содержание ранних сексуальных желаний и фантазий, касающихся отца, составляет стремление быть им изувеченной, то есть кастрированной. Менструация имеет скрытое значение мазохистского опыта. Тайные желания женщины при половом акте состоят в том, чтобы подвергнуться насилию и жестокости или – в психической сфере – унижению. Процесс деторождения дает ей бессознательное мазохистское удовлетворение, так же как и в случае материнского отношения к ребенку. Более того, если мужчины получают удовольствие от мазохистских фантазий или действий, то это является выражением их стремления играть женскую роль.

Дойч [106] предполагает наличие генетического фактора биологической природы, который неизбежно ведет к мазохистской концепции женской роли. Радо[107] указывает на генетический фактор, направляющий сексуальное развитие в мазохистское русло. Различие во взглядах состоит лишь в ответе на вопрос, представляют ли собой эти специфически женские формы мазохизма отклонения в развитии женщины или являются «нормальной» женской установкой.

Предполагается, по крайней мере имплицитно, что разного рода наклонности мазохистского характера также гораздо чаще встречаются у женщин, чем у мужчин. Такое заключение неизбежно, если придерживаться основной психоаналитической теории, что поведение в обычной жизни строится по образцу сексуального поведения, которое у женщин считается мазохистским. Поэтому если большинство женщин или все женщины мазохистичны в своей установке по отношению к половой жизни и репродукции, то и во внесексуальной установке к жизни мазохистские тенденции, несомненно, будут проявляться у них гораздо чаще, чем у мужчин.

Из этих рассуждений становится очевидно, что оба автора фактически имеют дело с проблемой нормальной женской психологии, а не только с проблемой психопатологии. Радо утверждает, что он рассматривал только патологические феномены, но из его выводов о происхождении женского мазохизма нельзя не заключить, что половая жизнь подавляющего большинства женщин патологична. Различие между его взглядами и взглядами Дойч, утверждающей, что быть женственной – значит быть мазохистичной, таким образом, является скорее теоретическим, чем фактическим.

Нет надобности подвергать сомнению факт, что женщины могут искать и находить мазохистское удовлетворение в мастурбации, менструации, половом акте и деторождении. Несомненно, такое бывает. Остается обсудить генез и распространенность этого явления. И Дойч, и Радо, занимаясь данной проблемой, вопрос о частоте полностью игнорируют, полагая, что психологические генетические факторы столь сильны и повсеместны, что обсуждать распространенность явления становится излишним.

Что касается генеза, оба автора предполагают, что поворотным пунктом в женском развитии является осознание маленькой девочкой отсутствия у себя пениса и что шок от этого открытия оказывает на нее постоянное воздействие. Для такого предположения имеются два источника данных: выявленные при анализе невротических женщин желания обладать пенисом или фантазии о том, что когда-то они им обладали; и наблюдения над маленькими девочками, выражающими желание иметь пенис, обнаружив, что он есть у

---

106 *Deutsch H.,* Der feminine Masochismus und seine Beziehung zur Frigiditat. – Int. Zeitschr. f. Psychoanal., II (1930).

107 *Rado S.,* Fear Castration in Woman. – Psychoanalytic Quarterly, III–IV (1933).

других.

Вышеупомянутых наблюдений достаточно, чтобы построить рабочую гипотезу о том, что мужские желания того или иного происхождения играют особую роль в женской сексуальной жизни, и такая гипотеза может быть использована для объяснения некоторых невротических явлений у женщин. Следует, однако, иметь в виду, что это гипотеза, а не факт и что она не бесспорна даже как гипотеза. Когда заявляют, кроме того, что стремление к маскулинности является динамическим фактором первого порядка не только у невротических женщин, но и у любой женщины независимо от индивидуальных и культурных условий, нельзя не заметить, что данных, подтверждающих такое заявление, нет. К сожалению, вследствие ограниченности исторических и этнологических знаний нам почти ничего не известно о психически здоровых женщинах или о женщинах, живущих в различных культурных условиях.

Поэтому из-за отсутствия данных о частоте, обусловленности и выраженности наблюдаемых реакций девочки на открытие пениса предположение о том, что оно является поворотным пунктом в женском развитии, хотя и стимулирует, но едва ли его можно использовать в цепи доказательств. В самом деле, почему девочка должна превратиться в мазохистку, обнаружив, что у нее нет пениса? Дойч и Радо доказывают это совершенно по-разному. Дойч полагает, что «активно-садистское либидо, до сих пор привязанное к клитору, рикошетом отскакивает от баррикады внутреннего осознания субъектом отсутствия у себя пениса… и чаще всего регрессивно отклоняется в сторону мазохизма». Этот поворот в направлении мазохизма является «частью анатомической судьбы женщины».

Опять-таки спросим: а где же факты? Насколько я понимаю, единственным фактом являются ранние садистские фантазии у маленьких детей. Этот факт отчасти установлен в результате психоаналитического исследования невротических детей (М. Кляйн), отчасти благодаря реконструкции при анализе взрослых невротиков. Доказательств всеобщей распространенности этих ранних садистских фантазий не существует, и я бы удивилась, если бы, например, они имели место у девочек американских индейцев или маленьких тробриандок. Но если даже допустить, что явление распространено повсеместно, остаются еще три других предположения, необходимых для полноты картины.

1. Что эти садистские фантазии вызваны активно-садистским либидинозным катексисом клитора.

2. Что девочка отказывается от клиторальной мастурбации вследствие нарциссической травмы из-за отсутствия пениса.

3. Что либидо, являвшееся до сих пор активно-садистским, автоматически обращается вовнутрь и становится мазохистским.

Все три предположения представляются мне крайне спекулятивными. Известно, что человек может быть напуган собственной враждебностью и поэтому предпочесть страдательную роль, но каким образом либидинозный катексис органа может быть сначала садистским, а затем обратиться вовнутрь – представляется таинственным.

Дойч намеревалась «изучить генез фемининности», под которой она понимает «фемининную, пассивно-мазохистскую диспозицию в психической жизни женщины». Она утверждает, что мазохизм представляет собой элементарную силу в женской психике. Несомненно, это относится ко многим невротическим женщинам, но гипотеза, что это психобиологически неизбежно для всех женщин, неубедительна.

Радо поступает более осторожно. Во-первых, он не начинает с попытки раскрыть «генез фемининности», а намеревается лишь дать объяснение некоторым клинически наблюдаемым явлениям у невротических женщин и предоставляет ценные сведения о различных видах защит женщин от своих мазохистских влечений. Более того, он не принимает желание обладать пенисом за данный факт, а признает, что здесь имеет место проблема. Мне бы хотелось напомнить, что прежде я уже поднимала этот вопрос, так же как затем Джонс и Лампль де Гроот. Различные предложенные решения отнюдь не совпадают. Джонс, Радо и я согласны в том, что мужские желания или фикция мужественности

являются защитой. Джонс предполагает, что это защита от угрозы афанизиса, Радо – от мазохистских влечений, а я – от инцестуозных желаний по отношению к отцу[108]. Лампль де Гроот считает, что стремление быть мужчиной связано с ранними сексуальными желаниями в отношении матери. Обсуждение частных моментов этой проблемы вышло бы за рамки данной статьи; если сказать вкратце, то, на мой взгляд, проблема еще не решена.

Радо предлагает следующую схему мазохистского развития женщины, следующего за открытием пениса. Он согласен с Фрейдом, что это открытие неминуемо вызывает у девочки нарциссический шок, однако он полагает, что последствия его зависят от различных эмоциональных условий. Если такое открытие происходит в период расцвета ранней сексуальности, то, согласно Радо, помимо нарциссического удара оно вызывает у девочки весьма болезненные переживания, поскольку она приходит к мысли, что мужчина получает от мастурбации гораздо больше удовольствия, чем женщина. Эти переживания, по мнению Радо, настолько болезненны, что навсегда лишают девочку удовольствия, которое она прежде находила в мастурбации. Прежде чем мы посмотрим, как Радо выводит генез женского мазохизма из такой предполагаемой реакции, необходимо обсудить, при каких условиях осознание возможности большего удовольствия, получаемого другим, явно лишает доступного наслаждения, которое рассматривается по сравнению с ним как неполноценное.

Как такое предположение соотносится с фактами из повседневной жизни? Можно было бы предположить, например, что мужчина, считающий Грету Гарбо более привлекательной, чем других женщин, но не имеющий шансов с ней встретиться, в результате «открытия» превосходства ее очарования утратит все удовольствие от отношений с другими, доступными ему, женщинами. Можно было бы предположить, что тому, кто любит горы, все удовольствие от них испортит мысль о возможно еще более приятном морском курорте. Разумеется, реакции подобного рода иногда встречаются, но только у лиц определенного типа, а именно у патологически жадных людей. Принцип, применяемый Радо, несомненно, не является принципом удовольствия; скорее уж его можно назвать принципом жадности, и он как таковой, хотя и ценен для объяснения некоторых невротических реакций, едва ли допустим при работе с «нормальными» детьми или взрослыми, и он на самом деле противоречит принципу удовольствия. Принцип удовольствия подразумевает, что человек готов искать удовлетворение в любой ситуации, и даже когда нет возможностей для получения максимального удовольствия, и даже когда возможности ограниченны. Обычное появление этой реакции объясняется двумя факторами: высокой адаптивностью и гибкостью нашего стремления к удовольствию, отмеченные Фрейдом в качестве характеристик, отличающих здорового человека от невротика, и автоматическим процессом проверки на реальность, результатом которого является автоматическая сознательная или бессознательная регистрация того, что для нас достижимо, а что нет. Даже если допустить, что этот последний процесс более замедлен у детей по сравнению со взрослыми, маленькая девочка, любящая свою тряпичную куклу, хотя и может горячо возжелать разодетую куклу из магазина игрушек, будет продолжать весело играть со своей, осознав невозможность получить более красивую.

Давайте, однако, примем на миг предположение Радо, что девочка, до сих пор удовлетворенная выходом своей сексуальности, с открытием пениса лишается удовольствия от мастурбации. Почему же тогда следует ожидать, что это приведет к развитию у нее мазохистских влечений? Радо аргументирует это следующим образом: чрезмерная душевная боль, причиненная открытием пениса, вызывает у девочки сексуальное возбуждение и это дает ей эрзац-удовлетворение. Лишенная естественных средств удовлетворения, отныне она располагает единственным способом достижения удовольствия – через страдание. Ее сексуальные стремления становятся и остаются мазохистскими. Впоследствии, ощутив

---

[108] Я больше не придерживаюсь этого взгляда по причинам, которые будут изложены в следующий раз. Фактически я склонна согласиться с мнением Радо, хотя я пришла к такому заключению по другим причинам.

опасность своих устремлений, она может выстроить разного рода защиты, но сами сексуальные стремления определенно и постоянно возвращаются в мазохистское русло.

Напрашивается один вопрос. Допустим, что девочка действительно сильно страдает, понимая недостижимость источника большего удовольствия, но почему это должно возбуждать ее сексуально? Поскольку эта предполагаемая реакция является краеугольным камнем, на котором автор выстраивает идею о сохраняющейся всю жизнь мазохистской установки, было бы хорошо услышать доказательства того, что она действительно существует.

Но поскольку такие доказательства до сих пор еще не представлены, попробуем поискать сами аналогичные реакции, которые могли бы придать этому предположению правдоподобие. Подходящим примером, в котором бы соблюдались те же условия, что и в случае с маленькой девочкой, стало бы внезапное прерывание обычного способа достижения сексуальной разрядки из-за какого-то неприятного события. Возьмем, например, случай мужчины, который прежде вел нормальную половую жизнь, но затем попал в тюрьму под такой суровый надзор, что все способы сексуальной разрядки оказались невозможны. Станет ли такой человек мазохистом? То есть будут ли его возбуждать побои и издевательства, которые он видит, воображает или испытывает сам? Будет ли он давать волю фантазиям о том, как его преследуют и заставляют страдать? Несомненно, такие мазохистские реакции случаются. Но несомненно также и то, что это только одни из возможных реакций и что такие мазохистские реакции возникают только у человека, который и *прежде* имел мазохистские тенденции. Другие примеры ведут к такому же заключению. Женщина, брошенная своим мужем, лишенная возможности для непосредственной сексуальной разрядки и не предвидящая этих возможностей в будущем, может реагировать мазохистски; но чем более она уравновешена, тем легче ей перенести временный отказ от сексуальности и найти некоторое удовлетворение в друзьях, детях, работе или других радостях жизни. Опять-таки женщина в такой ситуации будет реагировать мазохистски, только если у нее уже оформился паттерн мазохистских тенденций.

Осмелюсь предположить, что имплицитной посылкой, позволившей автору считать свое достаточно спорное утверждение самоочевидным, является переоценка побуждающей силы сексуальных потребностей – он словно наделил сексуальные побуждения той же самой нетерпеливой жадностью, которая присуща стремлению к удовольствию в целом; точнее говоря, дело обстоит так, словно, когда человек лишен возможности сексуальной разрядки, он тотчас ухватывается за первую попавшуюся возможность достижения сексуального возбуждения и удовлетворения.

Иными словами, реакции вроде той, которую предполагает Радо, конечно, существуют, хотя они отнюдь не самоочевидны и неизбежны; предпосылкой их возникновения является наличие мазохистских влечений; *они являются выражением мазохистских тенденций, но не их корнями.*

Если следовать за Радо, разве не удивительно, что мальчики не превращаются в мазохистов. Чуть ли не каждый мальчик видит, что его пенис гораздо меньше пениса взрослого мужчины. Он чувствует, что взрослый – отец – может получить большее удовольствие, чем он сам. Мысль о том, что кто-то может получить большее удовольствие, должна отравить ему удовольствие от мастурбации. Он будет вынужден отказаться от мастурбации. Он испытает сильные душевные муки, что возбудит его сексуально, он примет эту боль как эрзац-удовлетворение и отныне будет мазохистом. Но это, похоже, случается не так часто.

Я перехожу к последнему критическому моменту. Допустим, девочка отреагировала на открытие пениса тяжелыми душевными муками; допустим, что мысль о возможности большего удовольствия лишила ее доступного удовольствия; допустим, что душевные страдания вызвали у нее сексуальное возбуждение и она нашла в этом замену сексуального удовлетворения; допустим справедливость всех этих спорных предположений, чтобы спросить: почему она должна *постоянно* искать удовлетворения в страдании? Здесь, по

всей видимости, имеет место несоответствие между причиной и следствием. Упавший на землю камень останется лежать, пока его не сдвинет какая-нибудь внешняя сила. Живой организм, получивший повреждение в результате травматического события, приспосабливается к новой ситуации. Когда Радо говорит о последующих защитных реакциях, предохраняющих от угрозы мазохистских влечений, он не подвергает сомнению постоянный характер самих стремлений, которые, на его взгляд, однажды возникнув, сохраняют свою мотивирующую силу неизменной. Одна из величайших научных заслуг Фрейда состоит в том, что он придавал особое значение прочности детских впечатлений; однако психоаналитический опыт показывает также, что эмоциональные реакции, имевшие место в детстве, сохраняются на всю жизнь, если только продолжают поддерживаться различными важными в динамическом отношении факторами. Если Радо не предполагает, что единственный травматический шок может оказывать постоянное влияние, не будучи поддержанным никакими внутренними потребностями личности, то тогда он должен предположить, что, хотя шок и проходит, тем не менее остается якобы болезненный для девочки факт отсутствия пениса, что и приводит к прекращению мастурбации и устойчивой переориентации либидо в мазохистское русло. Однако клинический опыт показывает, что отсутствие мастурбации отнюдь не является непременной особенностью мазохистичных детей[109]. Тем самым рушится и эта цепочка предполагаемых связей.

Хотя Радо и не предполагает, подобно Дойч, что это травматическое событие является непременным и неизбежным в женском развитии, он утверждает, что оно случается с «поразительной частотой» и что на самом деле, по его мнению, девочка может избежать судьбы мазохистского отклонения только в исключительных случаях. Придя к такому подразумеваемому выводу, что женщины чуть ли не всегда являются мазохистками, он сделал ту же ошибку, которую склонны делать врачи, когда пытаются объяснить патологические феномены, подводя под них более широкую базу – то есть неоправданно обобщая ограниченные данные. В принципе это та же ошибка, которую делали до него психиатры и гинекологи: Краффт-Эбинг, наблюдая, что мужчины-мазохисты часто играют роль страдающей женщины, говорит о мазохистских феноменах как о своего рода чрезмерном усилении женских качеств; Фрейд, отталкиваясь от этого же наблюдения, предполагает наличие тесной связи между мазохизмом и феемининностью; русский гинеколог Немилов под впечатлением страданий женщин при дефлорации, менструации и деторождении говорит о «кровавой трагедии женщины»; немецкий гинеколог Липманн под впечатлением частоты болезней, несчастных случаев и болезненных переживаний в жизни женщин предполагает, что уязвимость, раздражительность и чувствительность – основная триада женских качеств.

Подобным обобщениям можно привести только одно оправдание, а именно гипотезу Фрейда о том, что фундаментального различия между патологическими и «нормальными» явлениями не существует; что патологические феномены только отчетливее, как под увеличительным стеклом, демонстрируют процессы, протекающие у всех людей. Нет ни малейших сомнений, что этот принцип расширил горизонт, но нужно осознавать и его ограничения. Их следовало бы, например, обсудить при рассмотрении эдипова комплекса. Вначале его существование и последствия были отчетливо выявлены при неврозе. Эти знания обострили наблюдательность психоаналитиков, и они стали часто замечать и более слабые на него намеки. Затем был сделан вывод, что эдипов комплекс – повсеместное явление, которое у невротических лиц просто более выражено. Этот вывод является спорным, поскольку этнологическими исследованиями показано, что особой конфигурации, обозначаемой термином «эдипов комплекс», при значительно отличающихся культурных

---

[109] В своем сообщении Давид М. Леви приводит примеры девочек, фантазирующих о собственном избиении во время мастурбации. Он утверждает, что ему неизвестно о прямой связи между мазохистскими феноменами и отсутствием генитальных манипуляций.

условиях, вероятно, не существует[110]. Таким образом, данное предположение необходимо сузить до утверждения, что этот особый эмоциональный паттерн в отношениях между родителями и детьми возникает только при определенных культурных условиях.

Тот же принцип, пожалуй, и в самом деле был применен к проблеме женского мазохизма. Дойч и Радо были поражены частотой, с которой они обнаруживали мазохистскую концепцию женской роли у женщин-невротиков. Я думаю, что любой аналитик мог бы произвести такие же наблюдения или помочь провести их более точным образом. Мазохистские феномены у женщин можно выявить путем непосредственного и прицельного наблюдения там, где в противном случае они могли бы остаться незамеченными: в социальных столкновениях с женщинами (вне психоаналитической практики), в изображении женского характера в литературе или при изучении женщин, в чем-то чуждых нам нравов, например русской крестьянки, которая не чувствует любви мужа, пока он ее не побьет. Перед лицом таких доказательств психоаналитик приходит к выводу, что он столкнулся со всеобщим явлением, действующим на психобиологической основе с постоянством закона природы.

Односторонность или позитивные ошибки в результатах частных исследований вызваны пренебрежением культурными или социальными факторами – исключением из общей картины женщин, живущих в цивилизации с иными обычаями. В дискуссиях, стараясь доказать, как глубоко проник мазохизм в женскую натуру, постоянно ссылаются на русскую крестьянку при царском и патриархальном режимах. Однако сегодня эта крестьянская женщина превратилась в самоутверждающуюся советскую женщину, которая, несомненно, изумилась бы, если бы побои посчитали знаком любви. Изменения скорее произошли в культуре, а не в отдельных женщинах.

Если говорить более обобщенно, то, где бы ни возникал вопрос о частоте явления, он подразумевает социологические аспекты проблемы, а отказ психоаналитиков заниматься ими еще не исключает возможность их существования. Этот пробел может привести к неверной оценке анатомических различий и их индивидуальной переработки как причинных факторов данного явления, которое на самом деле частично или даже полностью социально обусловлено. Только синтез обоих условий может привести к полному пониманию.

Что касается данных, то для социологического и этнологического подходов были бы уместны следующие вопросы:

I. Как часто встречается мазохистская установка по отношению к женским сексуальным функциям в различных социальных и культурных условиях?

II. Как часто по сравнению с мужчинами встречаются общие мазохистские установки или их проявления у женщин в различных социальных и культурных условиях?

Если бы оба исследования выявили при любых социальных и культурных условиях наличие мазохистской концепции женской роли и явное преобладание общих мазохистских феноменов у женщин по сравнению с мужчинами, то тогда, и только тогда, был бы оправдан дальнейший поиск психологических причин этих явлений. Если, однако, такой всеобщий женский мазохизм не обнаружится, то от социолого-этнологического исследования хотелось бы получить ответы на следующие вопросы:

1. При каких особых социальных условиях распространен мазохизм, связанный с женскими функциями?

2. При каких особых социальных условиях общие мазохистские установки встречаются у женщин чаще, чем у мужчин?

Задача психоанализа в такого рода исследовании состояла бы в том, чтобы снабдить антропологов психологическими данными. За исключением перверсий и фантазий при мастурбации, мазохистские наклонности и их удовлетворение бессознательны. Антрополог не может их исследовать. Что ему нужно, так это критерии, по которым он мог бы

---

110 *Bohm F.,* Zur Geschichte des Odipuskomplex. – Int. Zeitschr. f. Psychoanal., I (1930).

идентифицировать и наблюдать внешние проявления, с высокой вероятностью указывающие на наличие мазохистских влечений.

Что касается вопроса о мазохистских проявлениях в женских функциях, предоставить эти данные сравнительно просто. Основываясь на психоаналитическом опыте, достаточно уверенно можно говорить о мазохистских тенденциях:

1) при значительной распространенности функциональных менструальных расстройств, таких как дисменорея и меноррагия;

2) при значительной распространенности психогенных нарушений при беременности и родах, таких как страх деторождения, нервное возбуждение перед родами, боли, или при применении разного рода средств, чтобы избежать боли;

3) при значительной распространенности установок в отношении половой жизни, подразумевающих, что это унижение женщин или их эксплуатация.

Эти указания следует принимать не как безусловные, а скорее с двумя оговорками:

а) похоже, в психоанализе стало обычным считать, что боль, страдание или страх перед страданием вызываются мазохистскими влечениями или приводят к мазохистскому удовлетворению. Поэтому необходимо отметить, что подобные предположения требуют доказательств. Александер, например, предполагает, что люди, взбирающиеся на горы с тяжеленными рюкзаками, – мазохисты, тем более что на автомобиле или на поезде они могли бы добраться до вершины горы гораздо проще. Быть может, это и так, но чаще всего причины таскать тяжелые рюкзаки вполне реалистические;

б) страдание или даже причинение себе боли у многих первобытных племен может быть выражением магического мышления и имеет смысл предотвращения опасности, не имея ничего общего с индивидуальным мазохизмом. Поэтому такие данные можно интерпретировать, только обладая основательными знаниями о структуре прошлого племени.

Что касается вопроса относительно данных, указывающих на общую мазохистскую установку, то задача психоанализа здесь гораздо труднее, поскольку понимание этого феномена в целом пока еще ограниченно. Фактически оно не продвинулось дальше утверждения Фрейда, что мазохизм каким-то образом связан с сексуальностью и моралью. Однако остаются открытыми вопросы: является ли мазохизм изначально сексуальным явлением, распространяющимся на сферу морали, или моральным явлением, распространяющимся на сферу сексуальности? Является ли моральный и эрогенный мазохизм двумя отдельными процессами или только двумя типами проявлений лежащего в их основе общего процесса? Или, быть может, мазохизм – это собирательное обозначение весьма сложных феноменов?

Применение одного и того же термина к значительно различающимся явлениям, по-видимому, оправдано тем, что все они обладают некоторыми общими свойствами: тенденциями создавать в фантазиях, сновидениях или в реальной жизни ситуации, предполагающие страдание, или испытывать страдание в ситуациях, которые для обычного человека такого содержания не имеют. Страдание может относиться к телесной или душевной сфере. В нем достигается некоторое удовлетворение или разрядка напряжения, и именно поэтому к нему и стремятся. Удовлетворение или разрядка напряжения могут быть сознательными или бессознательными, сексуальными или несексуальными. Несексуальные функции могут быть самыми разными: успокоения от страха, искупления грехов, позволения совершить новые, стратегии добиться цели, недостижимой другим способом, проявления в косвенной форме враждебности.

Понимание широты спектра мазохистских явлений скорее сбивает с толку и вызывает желание спорить, нежели ободряет, и эти общие утверждения, разумеется, мало чем способны помочь антропологу. Однако в его распоряжении будут более конкретные данные, если отбросить все научные тревоги об условиях и функциях и сделать основой его исследования только те лежащие на поверхности установки, которые можно наблюдать у пациентов с явно выраженными и широко распространенными мазохистскими тенденциями,

проявляющимися в психоаналитической ситуации. Для этой цели, стало быть, достаточно перечислить такие установки, не прослеживая в деталях их индивидуальные условия. Излишне говорить, что не все, что присутствует у каждого пациента, относится к данной категории; однако синдром в целом настолько типичен (как признает любой психоаналитик), что если некоторые из этих тенденций проявятся в начале лечения, то можно с уверенностью предсказать всю картину, хотя, разумеется, детали могут и различаться. Детали относятся к последовательности появления, удельному весу отдельных тенденций, а также к особенностям формы и интенсивности защит, выстраиваемых против этих тенденций.

Давайте рассмотрим, какие факты можно наблюдать у пациентов с широко распространенными мазохистскими тенденциями. На мой взгляд, основные черты поверхностной структуры их личности таковы:

Существует несколько способов, которыми можно найти успокоение от глубокого страха. Самоотречение – один способ, запрет – другой, отрицание страха и оптимизм – третий, и так далее. Быть любимым – особый способ успокоения, используемый мазохистской личностью. Поскольку его тревога является скорее свободно плавающей, он нуждается в постоянных знаках внимания и симпатии, а так как он никогда не верит в эти знаки дольше минуты, то его потребность в любви и симпатии непомерна. Поэтому, если говорить в целом, он очень эмоционален в отношениях с людьми, легко привязывается к ним, потому что ожидает, что они дадут ему необходимое успокоение, и легко разочаровывается в людях, потому что никогда не получает и не может получить от них ожидаемого. Ожидание или иллюзия «большой любви» часто играет важную роль в его жизни. Одним из наиболее общих способов достижения любви является сексуальность, поэтому он склонен переоценивать ее и цепляется за иллюзию, что в ней – решение всех жизненных проблем. Насколько это является сознательным или насколько легко он вступает в реальные сексуальные отношения, зависит от его запретов на этот счет. Если у него были сексуальные отношения или попытки их создать, то в его прошлом обнаруживается множество «несчастных любовей»: его бросали, разочаровывали, унижали и плохо с ним обращались. Во внесексуальных отношениях во всех градациях проявляется та же тенденция: от беспомощного поведения или чувства беспомощности, от самопожертвования и смирения – до изображения из себя мученика и ощущения того, что его унижают, эксплуатируют и плохо с ним обращаются или действительного унижения, эксплуатации и плохого обращения. Несмотря на то что ему кажется, что он действительно беспомощен или что жизнь и впрямь жестока, в психоаналитической ситуации можно увидеть, что это не факты, а лишь проявления упорной тенденции, которая заставляет его все видеть или устраивать подобным образом. Более того, в психоаналитической ситуации эта тенденция проявляется в качестве бессознательной аранжировки, побуждающей его провоцировать нападения, чувствовать себя погубленным, опозоренным, оскорбленным, униженным без всяких на то причин.

Поскольку любовь и симпатия других людей жизненно для него важны, он легко попадает в крайнюю зависимость, которая отчетливо проявляется и в его отношениях с аналитиком.

Ближайшая причина того, почему он никогда не верит в хорошее к себе отношение (вместо того, чтобы держаться за него как дающее желанное успокоение), состоит в его крайне заниженной самооценке; он чувствует себя ничтожным, нелюбимым и не достойным любви. С другой стороны, именно этот недостаток уверенности в себе и заставляет его считать, что взывать к жалости и выставлять напоказ свои чувство неполноценности, слабость и страдание – это единственные средства, благодаря которым он может завоевать необходимую ему любовь. Очевидно, что снижение его самооценки вызвано параличом того, что можно назвать «адекватной агрессивностью». Под ней я подразумеваю способность к работе, включающую в себя следующие атрибуты: инициативность, настойчивость, доведение дела до конца, достижение успехов, умение отстаивать свои права, способность постоять за себя, умение сформировать и выразить свои взгляды, понимание собственных

целей и способность планировать в соответствии с ними свою жизнь[111]. У мазохистской личности на этот счет имеются разнообразные запреты, которые в целом связаны с чувством небезопасности или даже беспомощности в жизненной борьбе и которые объясняют последующую зависимость от других людей и склонность искать у них поддержки или помощи.

Психоанализ раскрывает тенденцию к отказу от всякого рода конкуренции как очевидную причину их неспособности к самоутверждению. Таким образом, их запреты являются результатом усилий сдерживать себя, чтобы избежать риска соревнования.

Враждебные чувства, неизбежно возникающие на основе таких саморазрушительных тенденций, также не могут выражаться свободно, поскольку они воспринимаются как угроза спокойствию, сопутствующему сознанию того, что тебя любят, – основному источнику защиты от тревоги. Поэтому слабость и страдание, и без того уже выполняющие многие функции, выступают здесь еще и как средство выражения враждебности.

Использование этого синдрома наблюдаемых установок в антропологическом исследовании может стать источником серьезной ошибки; дело в том, что мазохистские установки не всегда проявляются как таковые – нередко они скрываются за защитами, обнаруживаясь лишь после устранения последних. Поскольку анализ этих защит явно остается за рамками такого исследования, они будут приняты за «чистую монету», а сами мазохистские установки ускользнут от наблюдения.

Рассматривая затем наблюдаемые мазохистские установки безотносительно их глубинной мотивации, я бы предложила антропологам искать данные для ответа на следующие вопросы – при каких социальных или культурных условиях мы чаще обнаруживаем у женщин, чем у мужчин:

1) проявление запретов на прямое выражение требований или агрессии;

2) отношение к себе как к слабому, беспомощному или низшему существу и явное или неявное требование за это компенсаций и привилегий;

3) эмоциональную зависимость от противоположного пола;

4) проявление тенденций жертвовать собой, подчиняться, ощущать, что тобой пользуются или тебя эксплуатируют, перекладывать ответственность на противоположный пол;

5) использование слабости и беспомощности как средств привлечения и подчинения себе противоположного пола[112].

Помимо этих формулировок, которые являются непосредственным обобщением опыта психоаналитической работы с мазохистичными женщинами, я могу также представить некоторые обобщения относительно причинных факторов, предрасполагающих к проявлению мазохизма у женщин. Проявления этих феноменов следует ожидать в любом культурном комплексе, включающем в себя один или несколько из следующих факторов:

1) блокировку выходов для открытого проявления чувств и сексуальности;

2) ограничение количества детей, так как рождение и воспитание детей приносит женщине разного рода удовлетворение (дает выход нежности, потребности достижения, повышает самооценку), и это становится еще более важным, когда наличие и воспитание детей являются мерилом социальной оценки;

---

[111] Среди психоаналитиков особый акцент на патогенетической важности этих запретов делает в работе «Судьба и невроз» Х. Шульц-Хенке.

[112] Читателя-психоаналитика, возможно, удивит, что, перечисляя все эти факторы, я не ограничилась теми, которые оказывают влияние только в детстве. Следует, однако, принять во внимание, во-первых, что девочка ощущает влияние этих факторов только опосредованно – через семью, в частности через влияние, которое они оказали на женщин ее окружения, и во-вторых, что, хотя мазохистская установка (как и другие невротические установки) создается в основном в детстве, в обычном случае (то есть если условия в детстве не настолько суровы, что только они одни формируют характер) решающими являются условия последующей жизни.

3) оценку женщины как существа в целом более низкого, чем мужчина (поскольку это подрывает ее уверенность в себе);

4) экономическую зависимость женщин от мужчин или семьи, так как это приводит к эмоциональной адаптации путем эмоциональной зависимости;

5) ограничение женщин сферами жизни, которые в основном построены на эмоциональных связях: семьей, религией или благотворительностью;

6) избыток женщин брачного возраста, особенно если замужество предоставляет основную или единственную возможность для сексуального удовлетворения, рождения детей, обретения уверенности в себе и социального признания[113]. Это условие является важным, поскольку приводит (как и условия 3 и 4) к эмоциональной зависимости от мужчин и, если говорить в целом, к развитию, которое является не автономным, а смоделированным и сформированным в соответствии с существующей мужской идеологией. Оно является важным и потому, что вызывает у женщин необычайно сильную конкуренцию, отказ от которой представляет собой существенный фактор в возникновении мазохистских феноменов.

Все эти перечисленные факторы пересекаются; например, сильная сексуальная конкуренция у женщин будет еще сильнее, если другие выходы для соревновательных устремлений (допустим, в профессиональной сфере) окажутся одновременно заблокированными. По-видимому, за отклонения в развитии ответственен не один какой-либо фактор, а скорее совокупность факторов.

Особо следует обсудить тот факт, что когда в культурном комплексе присутствуют некоторые или все перечисленные элементы, то могут возникнуть определенные устойчивые представления относительно «природы» женщины, такие, как доктрина о том, что женщина прирожденно слаба, эмоциональна, наслаждается зависимостью, ограничена в способности к самостоятельному труду и независимому мышлению. Возникает искушение включить в эту категорию и убеждение психоаналитиков, что женщина по своей природе – мазохистка. Совершенно очевидно, что функция такой идеологии состоит в том, чтобы не только примирить женщин с их подчиненной ролью, представляя ее как неизменную, но также заставить поверить, что она представляет собой исполнение их желаний или похвальный и желательный идеал, к которому надо стремиться. Влияние, оказываемое этой идеологией на женщин, существенно усиливается еще и тем, что женщин, обладающих этими специфическими чертами, мужчины выбирают гораздо чаще. Это означает, что эротические возможности женщины зависят от ее соответствия образу того, что составляет ее «истинную природу». Поэтому, наверное, не будет преувеличением сказать, что при такой социальной организации мазохистские установки (или скорее мягкие формы мазохизма) поощряются у женщин, но не одобряются у мужчин. Такие качества, как эмоциональная зависимость от противоположного пола, погруженность в «любовь», сдерживание экспансивного, автономного развития и т. п., считаются весьма желательными у женщин, но к ним относятся с презрением и насмешками, если обнаруживают у мужчин.

Очевидно, что эти культурные факторы оказывают мощное влияние на женщин; и в самом деле, настолько мощное, что даже сложно увидеть, каким образом в нашей культуре женщина может избежать участи в той или иной мере не стать мазохисткой, испытав на себе воздействие одной только культуры, не говоря уже о сопутствующих факторах в анатомо-физиологических свойствах женщины и их психологических эффектах.

---

[113] Мне приходит в голову, что социальная регуляция, такая, как устройство браков семьями, сильно смягчила бы действие этого фактора. Это рассуждение также проливает свет на предположение Фрейда о том, что женщины в целом ревнивее мужчин. Утверждение, возможно, справедливо для немецкой и австрийской культуры. Однако то, что оно выводится из чисто индивидуальных анатомо-физиологических источников (зависти к пенису), представляется неубедительным. Хотя это и может быть именно так в частных случаях, но обобщение, сделанное без учета социальных условий, вызывает то же самое принципиальное возражение, которое было приведено раньше.

Однако некоторые авторы (и среди них Хелен Дойч), обобщив психоаналитический опыт работы с невротическими женщинами, считают, что культурные комплексы, о которых я здесь говорила, сами являются следствием этих анатомо-физиологических свойств. До тех пор пока не проведены упомянутые антропологические исследования, спорить с такими обобщениями бесполезно. Давайте, однако, рассмотрим факторы в соматической организации женщин, которые и в самом деле способствуют принятию ими мазохистской роли. Анатомо-физиологические факторы у женщин, способные подготовить почву для произрастания мазохистских явлений, на мой взгляд, таковы:

а) большая в целом физическая сила мужчин по сравнению с женщинами. Согласно этнологическим данным, это различие между полами является приобретенным. Тем не менее сегодня оно существует. Хотя слабость и не тождественна мазохизму, сознание своей меньшей физической силы может породить эмоциональную концепцию мазохистской женской роли;

б) возможность изнасилования также может вызывать у женщин фантазии о нападении, подчинении, унижении;

в) менструации, дефлорация и деторождение как процессы, связанные с болью и кровью, также с легкостью могут использоваться в качестве выхода для мазохистских устремлений;

г) биологические различия в половом акте также служат мазохистским проявлениям. Садизм и мазохизм не имеют ничего общего с половым актом, но женская роль в половом акте (в женщину проникают) предоставляет больше возможностей для личных ложных истолкований (когда в них есть потребность) своей роли как мазохистской, а мужской – как садистской.

Сами по себе эти биологические функции не имеют мазохистского значения для женщин и не ведут к мазохистским реакциям; но если имеют место мазохистские потребности иного происхождения[114], то эти функции легко вовлекаются в мазохистские фантазии, которые, в свою очередь, используют их для получения мазохистского удовлетворения. Помимо признания возможности некоторой предрасположенности женщин к принятию мазохистской концепции своей роли, любые дополнительные утверждения относительно связи ее конституции и мазохизма являются гипотетическими; а такие факты, как исчезновение всех мазохистских тенденций после успешного психоанализа и результаты наблюдений над женщинами-немазохистками (которые, в конце концов, существуют), остерегают нас переоценивать даже этот элемент предрасположенности.

Подведем итоги. Проблему женского мазохизма нельзя связывать исключительно с анатомо-физиолого-психическими особенностями женщины – ее необходимо рассматривать как во многом обусловленную культурным комплексом или социальной организацией, в которой развивалась конкретная мазохистичная женщина. Точный удельный вес этих двух групп факторов нельзя оценить до тех пор, пока мы не будем располагать результатами антропологических исследований, использующих надежные психоаналитические критерии и проведенных в нескольких культурах, значительно отличающихся от нашей.

Ясно, однако, что важность анатомо-физиолого-психических факторов была некоторыми авторами сильно преувеличена.

Статья 14. Изменения личности у девочек-подростков[115]

---

[114] Что я имею в виду под источниками мазохистской установки, будет изложено мной в следующем сообщении.

[115] Доклад, прочитанный на собрании Американской ортопсихиатрической ассоциации в 1934 г. Personality Changes in Female Adolescents. – American Journal of Orthopsychiatry, Vol. V, № 1 (1935), pp. 19-26.

При анализе взрослых женщин с невротическими расстройствами или проблемами характера часто обнаруживаются следующие два обстоятельства: 1. Хотя во всех случаях определяющие конфликты возникли у них в раннем детстве, первые личностные изменения произошли в подростковом возрасте. Тогда эти изменения зачастую не вызывали беспокойства у окружающих и не производили впечатления патологических проявлений, опасных для будущего развития или требующих лечения, а рассматривались как временные трудности, естественные для этого периода жизни, а то и как желательные и многообещающие признаки. 2. Наступление этих изменений примерно совпадает с началом менструаций. Эта зависимость осталась невыявленной либо потому, что пациентки не уловили такого совпадения, либо потому, что, даже подметив совпадение по времени, они не придали ему никакого значения, поскольку не обратили внимания или «забыли», какой психологический подтекст имела для них менструация. В отличие от невротических симптомов личностные изменения развиваются постепенно, что также способствует сокрытию и завуалированию существующей связи. Обычно лишь осознав эмоциональное воздействие, которое оказала на них менструация, пациентки непосредственно усматривают эту зависимость. Исходя из опыта я склонна выделить следующие четыре типа изменений:

1 – девочка вовлекается в сублимирующую деятельность, у нее развивается отвращение ко всему эротическому;

2 – девочка вовлекается в сферу эротики («мальчишница»), утрачивает интерес и способность к работе;

3 – девочка становится эмоционально «отстраненной», приобретает установку типа «мне все равно», ни к чему не может приложить свои силы;

4 – у девочки развиваются гомосексуальные наклонности.

Эта классификация неполна и, конечно же, не покрывает целого ряда существующих возможностей (например, превращения в проститутку или преступницу). Она охватывает только те изменения, которые мне удалось непосредственно наблюдать у пациенток, случайно обратившихся за лечением, или вывести путем умозаключения. Кроме того, деление условно, что неизбежно для любого выделения поведенческих типов, поскольку в них содержится ложная посылка, будто существуют четко очерченные типы, тогда как в действительности возможны все виды переходов и сочетаний.

Первая группа состоит из девушек, проявлявших естественное любопытство к вопросам анатомических и функциональных различий между полами и к загадкам размножения, чувствовавших свою привлекательность для мальчиков и любивших с ними играть. В пубертатный период они внезапно погружаются в духовные проблемы, в занятия религией, этикой, искусством или наукой, теряя интерес к эротической сфере. Девочка, подвергшаяся такому изменению, обычно не обращается за лечением в это время, поскольку семья довольна ее серьезностью и отсутствием у нее склонностей к флирту. Трудности не бросаются в глаза. Они дадут о себе знать позже, особенно после замужества. Просмотреть патологическую природу этого изменения нетрудно по двум причинам: 1) в эти годы следует ожидать интенсивного развития интереса к той или иной духовной деятельности; 2) сама девочка по большей части не осознает, что в действительности испытывает отвращение к сексуальности. Она лишь чувствует, что теряет интерес к мальчикам, в большей или меньшей степени ей перестают нравиться танцы, свидания, флирт, и она постепенно отходит от всего этого.

Вторая группа являет собой противоположную картину. Одаренные, подающие надежды девушки в это время утрачивают интерес ко всему, кроме молодых людей, они не могут ни на чем сосредоточиться и бросают любую духовную деятельность, едва начав ею заниматься. Они полностью погружаются в эротическую сферу. Подобное превращение, как, впрочем, и противоположное ему, считается «естественным», и его оправдывают сходным образом с помощью рационализации: для девочки в этом возрасте «нормально» переключиться на молодых людей, танцы и флирт. Разумеется, это так, но как быть с наклонностями, проявляющимися впоследствии? Девушка навязчивым образом влюбляется

в одного парня за другим, по сути оставаясь безразличной к каждому из них, а убедившись, что она их покорила, либо бросает их, либо провоцирует их на то, чтобы они бросили ее. Она чувствует себя совершенно непривлекательной, несмотря на очевидные доказательства обратного, и обычно уклоняется от сексуальных контактов, объясняя такую установку с помощью рационализации, то есть социальными требованиями, хотя действительная причина состоит в том, что она фригидна, что и становится очевидным, стоит ей, наконец, отважиться на этот шаг. Она впадает в уныние и тревогу, коль скоро рядом нет мужчины, восхищающегося ею. Но при этом ее отношение к работе вовсе не является – как намекали бы ее защитники – «естественным» следствием того, что прочие ее интересы оттеснены на задний план ее чрезмерной увлеченностью молодыми людьми. В действительности девушка весьма амбициозна и глубоко страдает от того, что не способна хоть что-нибудь довести до конца.

У третьего типа девушек сдержанность касается обеих сфер – и работы, и любви. И вновь это не всегда лежит на поверхности. При беглом взгляде девушка может произвести впечатление вполне благополучного человека. Она не испытывает затруднений при установлении социальных контактов, у нее есть друзья как среди девушек, так и среди юношей; она достаточно развита, свободно рассуждает на сексуальные темы; претендует на то, что для нее не существует запретов, а иногда вступает в те или иные сексуальные отношения, не вовлекаясь в них эмоционально. Она отстранена, отдалена, она – сторонний наблюдатель себя и других, созерцатель жизни. Она может обманываться насчет собственной отстраненности, но, по крайней мере временами, она остро сознает, что у нее нет глубокой, настоящей эмоциональной привязанности ни к кому и ни к чему. Ничто не имеет для нее особого значения. Существует разительное несоответствие между ее жизненной энергией и способностями, с одной стороны, и ее сдержанностью – с другой. Обычно она чувствует, что жизнь ее пуста и скучна.

Четвертую группу охарактеризовать легче всего. Она наиболее известна. Здесь девочка вообще отворачивается от мальчиков и увлекается девочками, устанавливая с ними интенсивные дружеские контакты, сексуальный характер которых может осознаваться, а может и нет. Если она прозреет насчет сексуального характера своих наклонностей, такая девочка, возможно, испытает сильное чувство вины, как если бы она была преступницей. Ее отношение к работе может быть очень разным. Самолюбивая, а иногда и очень способная, она зачастую испытывает затруднения в вопросах самоутверждения, у нее бывают «нервные срывы», чередующиеся с периодами активной деятельности.

Таковы четыре очень разных типа, однако даже поверхностное наблюдение, если оно проведено достаточно тщательно, показывает, что у всех них тем не менее есть общие тенденции: неуверенность в своей женской состоятельности, конфликтное или враждебное отношение к мужчинам и неспособность любить – что бы это слово ни означало. Если только они не отказываются от женской роли совсем, они восстают против нее или же исполняют ее в искаженном виде. В любом случае, сексуальность здесь повинна гораздо больше, чем они признают. «Не все те свободны, кто смеется над своими цепями» (Шиллер).

Психоаналитическое наблюдение выявляет еще более поразительное сходство между ними, поразительное настолько, что заставляет на время забыть обо всех их различиях.

Все они в общем-то испытывают вражду как к мужчинам, так и к женщинам, но в их установке по отношению к мужчинам и к женщинам есть различие. В то время как враждебность к мужчинам варьируется у них по интенсивности и мотивации и сравнительно легко выявляется, в отношении к женщинам имеет место абсолютно деструктивная и, следовательно, глубоко затаенная враждебность. Возможно, они смутно и подозревают о ее существовании, но совершенно не представляют себе ни ее реального размаха, ни ее неистовства и безжалостности, ни тем более того, что с этим связано.

Все они решительно занимают оборонительную позицию по отношению к мастурбации. В лучшем случае они, возможно, припомнят, что, будучи малыми детьми, занимались мастурбацией, а то и вовсе станут отрицать, что она когда-либо играла в их

жизни какую-то роль. На уровне сознания они здесь совершенно честны. Они действительно не занимаются ею или занимаются в весьма завуалированной форме, не испытывая осознанного желания делать это. Как выявляется позже, у них бывают сильные побуждения такого рода, но последние полностью отделены от остальной личности и тем самым скрыты от нее, в силу того что они смешаны с сильнейшими чувствами вины и страха.

Чем объясняется их чрезвычайная враждебность к женщинам? История их жизни позволяет понять ее лишь отчасти. С их стороны раздаются упреки в адрес матери за недостаток тепла, защиты, понимания, за предпочтение брата, за чересчур строгие требования к тому, что касается сексуальности. Все это более или менее подтверждается фактами, однако пациентки и сами чувствуют, что степень их враждебности несоразмерна с имеющимися у них подозрительностью, протестом и ненавистью.

Истинный смысл раскрывается, однако, в их отношении к женщине-аналитику. Если опустить технические подробности и не только индивидуальные различия, но и различия в способах защиты, характерные для обсуждаемых типов, постепенно вырисовывается следующая картина: они убеждены, что женщина-аналитик их не любит, что на самом деле она недоброжелательно настроена по отношению к пациенткам, что ее задевает, если они счастливы и удачливы, и что особенно она осуждает их сексуальную жизнь, старается воспрепятствовать ей или по крайней мере испытывает желание сделать это.

По мере того как обнаруживается, что все это – реакция на чувство вины и проявление страха, постепенно начинаешь понимать, что и в самом деле у них есть некоторые основания для тревоги, ибо их поведение по отношению к аналитику во время анализа действительно продиктовано открытым вызовом и стремлением расстроить аналитику его планы, причем им даже не важно, если в то же время они помешают себе достичь собственных целей.

Фактически, однако, такое поведение – это всего лишь выход имеющейся враждебности в реальную жизнь. В полном объеме она обнаруживается только при погружении в мир фантазий, представленных в сновидениях и грезах. Здесь царствует враждебность в ее наиболее жестоких архаичных формах.

Ожившие в фантазиях грубые, примитивные импульсы позволяют понять всю глубину чувства вины по отношению к матери и материнскому образу. Более того, они в конце концов позволяют понять, почему мастурбация была полностью прекращена и даже в настоящее время по-прежнему вызывает чувство отвращения. Фантазии сопровождали мастурбацию и, следовательно, пробудили в связи с ней чувство вины. Другими словами, чувство вины касалось не физического процесса как такового, а фантазий. Но подавить можно было только физический процесс и желание его осуществить. Фантазии продолжали жить в глубине души, и, вытесненные в раннем возрасте, они сохранили инфантильный характер. Не отдавая себе отчета в их существовании, пациентка продолжает отвечать на них чувством вины.

Впрочем, физической стороной мастурбации тоже нельзя пренебрегать. Она служит источником сильнейших страхов, суть которых – в опасении навредить себе, причем непоправимо. Содержание этого страха осталось неосознанным, зато нашло многочисленные способы выражения, замаскированные либо под всевозможные ипохондрические страхи, касающиеся всех частей тела с головы до ног; либо под опасения за то, что с пациентками как с женщинами не все в порядке; либо под опасения, что они никогда не смогут выйти замуж и иметь детей; либо, наконец, под общий для всех случаев страх перед тем, что они непривлекательны. Хотя эти страхи непосредственно восходят к физической стороне мастурбации, они тоже становятся понятными только с учетом ее психологического значения.

На самом деле смысл страха заключается в следующем: «Поскольку у меня бывают жестокие разрушительные фантазии относительно матери и других женщин, мне надо опасаться того, что и они захотят разделаться со мной тем же способом. Око за око, зуб за зуб».

Из-за того же самого страха перед возмездием они не чувствуют себя свободно и с

женщиной-аналитиком. Несмотря на присутствующую в сознании уверенность в ее порядочности и надежности, они не могут не чувствовать глубокой обеспокоенности тем, что занесенный над ними меч непременно упадет. Они не могут избавиться от ощущения, что аналитик злостно и намеренно старается их помучить. Им приходится лавировать между опасностью рассердить ее и опасностью разоблачить свои враждебные импульсы.

Поскольку они живут в постоянном страхе перед неизбежным нападением, легко понять, почему они чувствуют жизненную необходимость защищаться. И они защищаются, уклоняясь от ударов и сами стараясь нанести удар аналитику. Их враждебность, таким образом, в своем поверхностном слое представляет собой защиту. Сходным образом большая часть их ненависти к матери тоже представляет собой чувство вины перед ней, и, чтобы избавиться от страха, связанного с этой виной, они восстают против нее.

Когда все это проработано, первичные источники враждебности к матери становятся доступны эмоциональному восприятию. С самого начала они прослеживались в таком факте: за исключением представительниц второй группы, все-таки вступающих в конкуренцию с другими девушками, хотя и с колоссальным чувством тревоги, все они старательно избегают соперничества. Стоит только в поле их зрения появиться другой женщине, как они немедленно ретируются. Убежденные в собственной непривлекательности, они чувствуют себя неполноценными в сравнении с любой другой девушкой, находящейся рядом. В этой борьбе можно заметить, что и с женщиной-аналитиком они осуществляют ту же тенденцию избегать проявлений соперничества. Но за безнадежным чувством неполноценности по отношению к ней скрывается реально существующая конкурентная борьба. Даже если в конце концов им ничего больше не остается, как сознаться в намерении состязаться, они идут на это только в отношении интеллекта и способности к работе и в то же время всячески избегают сравнений, которые указали бы на то, что они конкурируют как женщины. Например, они последовательно вытесняют из своего сознания уничижительные мысли о внешности и одежде аналитика и приходят в полное замешательство, если такого рода мысли выходят на поверхность.

Конкуренции им приходится избегать в связи с тем, что в детстве у них имело место особенно сильное соперничество с матерью или старшей сестрой. А естественную конкуренцию дочери с матерью или старшей сестрой, как правило, значительно усиливает один из следующих факторов: преждевременное сексуальное развитие и осознание своей принадлежности к женскому полу; запугивание девочек в раннем возрасте, мешающее им чувствовать себя уверенно; супружеские конфликты между родителями, вынуждающие дочь занять сторону того или другого родителя; откровенная или завуалированная неприязнь со стороны матери; демонстрация чрезмерно нежного отношения к маленькой девочке со стороны отца, которое может колебаться от окружения ее постоянным вниманием до откровенно сексуальных посягательств. Схематично обобщив факты, мы находим, что сложился порочный круг: ревность и соперничество по отношению к матери и сестре; враждебные побуждения, оживающие в фантазиях; чувство вины и страх перед нападением и наказанием; защитная враждебность; усилившиеся страх и вина.

Как я уже говорила, вина и страх, проистекающие из этих источников, прочнее всего привязаны к фантазиям по поводу мастурбации. Однако они не ограничиваются этими фантазиями, а в большей или меньшей степени распространяются на все сексуальные желания и отношения. Они переносятся на сексуальные отношения с мужчинами и создают вокруг них атмосферу вины и тревоги. Именно они в значительной мере повинны в том, что отношения пациенток с мужчинами не приносят удовлетворения.

Есть также и другие причины, несущие ответственность за этот результат, – причины, которые надо тесно увязывать с установкой пациенток к самим мужчинам. Я упомяну о них очень кратко, поскольку вряд ли они непосредственно связаны с теми моментами, которые я хочу подчеркнуть в этом сообщении. Может быть, у них затаилась старая обида на мужчин, проистекающая из давнего разочарования и выливающаяся в тайное желание отомстить им. Кроме того, чувствуя себя непривлекательными, они предвосхищают неприязнь со стороны

мужчин и реагируют враждебностью. Коль скоро они отвернулись от своей женской роли из-за того, что она полна конфликтов, у них часто развиваются мужские устремления, и они переносят свою установку соперничества на отношения с мужчинами, соревнуясь теперь с ними, а не с женщинами, в мужских областях деятельности. Если эта мужская роль им вполне подходит, у них может развиться сильная зависть к мужчинам, сопровождаемая стремлением принизить их способности.

Что происходит, когда девочка с такой структурой характера вступает в период половой зрелости? При наступлении половой зрелости наблюдается нарастание либидинозного напряжения; сексуальные желания все настойчивее дают о себе знать и неизбежно упираются в барьер, состоящий из реакций вины и страха. Все это усиливается из-за возможности действительного сексуального опыта. Начало менструаций в это время для девочки, опасающейся того, что мастурбация нанесла ей вред, эмоционально означает очевидное доказательство того, что вред ей действительно причинен. Интеллектуальное знание о менструации ничего не меняет, потому что понимание находится на поверхностном уровне, а страхи – на глубинном, а потому они друг с другом не соприкасаются. Положение обостряется. Желания и искушения сильны, но силен и страх.

Кажется, что жить под бременем осознанной тревоги больше невыносимо. «Лучше бы мне умереть, чем пережить настоящий приступ тревоги», – говорят пациентки. Поэтому в ситуациях, подобных этим, жизненная необходимость вынуждает нас изыскивать средства защиты, то есть мы автоматически стараемся изменить свою жизненную позицию таким образом, чтобы либо избежать тревоги, либо обезопасить себя от нее.

В соответствии с базальными конфликтами, представленными в каждом из четырех обсуждаемых типов, эти типы олицетворяют разнообразные способы избавления от тревоги. Различия в типах обязаны своим происхождением разнообразию избранных ими путей. В них развиваются противоположные черты характера и склонности, хотя цель у них общая – оградить себя от той же самой тревоги. Девушка из первой группы защищается от нее, вообще избегая конкуренции с женщинами и почти полностью уклоняясь от исполнения женской роли. Ее соревновательный порыв отрывается от первоначальной почвы и переносится в некую духовную область. Соревнование за лучший характер, высшие идеалы или за то, чтобы стать лучшей студенткой, настолько далеко от соперничества из-за мужчины, что ее страхи значительно ослабевают. В то же самое время ее стремление к совершенству помогает ей преодолеть чувство вины.

В силу своей радикальности такое решение проблемы дает на время значительные преимущества. Годами девушка может чувствовать себя совершенно удовлетворенной. Оборотная сторона дает о себе знать, как только она вплотную соприкоснется с мужчинами, особенно если выйдет замуж. Тогда можно наблюдать, как удовлетворенность и уверенность в себе внезапно исчезают, и довольная, веселая, способная, независимая девушка превращается в неудовлетворенную женщину, терзаемую чувством своей неполноценности, легко впадающую в депрессию и сторонящуюся активного участия в семейной жизни. В сексуальном отношения она фригидна, и вместо любовной установки к мужу у нее преобладает соревновательная.

Девушка из второй группы не отказывается от конкуренции с другими женщинами. Настороженное неприятие других женщин побуждает ее одерживать над ними победу при каждой представившейся возможности, в результате чего, в отличие от девушки из первой группы, у нее возникает довольно сильная неопределенная тревога. Чтобы оградить себя от тревоги, она льнет к мужчинам. Если ранее упомянутые девушки ретируются с поля боя, эти последние ищут союзников. Их ненасытная жажда восхищения со стороны мужчин вовсе не свидетельствует о том, будто им органически присуща большая потребность в сексуальном удовлетворении. В действительности они тоже доказывают свою фригидность, стоит им только вступить в реальные сексуальные отношения. То, что мужчины служат для них своего рода успокоением, становится очевидным, как только им не удается заполучить одного или нескольких ухажеров; тогда их тревога выплескивается наружу, они чувствуют

себя покинутыми, беззащитными, потерянными. Завоевывать восхищение мужчин нужно им также для того, чтобы успокоиться насчет собственной «нормальности», опасение за которую, как я уже говорила, является результатом страха перед тем, что им повредила мастурбация. Их чувства вины и страха, связанные с сексуальностью, слишком велики, чтобы допустить возможность удовлетворительных отношений с мужчинами. Поэтому лишь все новые победы над мужчинами могут приносить им успокоение[116].

Четвертая группа девушек – потенциально гомосексуальных – пытается решить проблему путем сверхкомпенсации своей деструктивной враждебности к женщинам. «Я не ненавижу тебя, я тебя люблю». Происшедшее изменение можно было бы описать как полное, слепое отрицание ненависти. Насколько они преуспевают в этом, зависит от индивидуальных факторов. Обычно в их сновидениях просматривается высокая степень насилия и жестокости по отношению к девушке, к которой на уровне сознания они испытывают влечение. Неудача в отношениях с девушками приводит их в отчаяние и нередко ставит на грань самоубийства, свидетельствуя о том, что их агрессия обращается против них самих.

Подобно девушкам из первой группы, они полностью уклоняются от своей женской роли с той лишь разницей, что у них более определенно развивается представление, будто они – мужчины. На несексуальном уровне их отношения с мужчинами часто бесконфликтны. Более того, если первая группа вообще отказывается от сексуальности, то эти девушки отказываются только от гетеросексуальных интересов.

Выход из положения, к которому прибегает третья группа, фундаментально отличается от всех прочих. В то время как другие стремятся достичь успокоения за счет эмоциональной привязанности к чему-либо, будь то собственные достижения, мужчины или женщины, их главный путь – приостановка эмоциональной жизни и тем самым уменьшение своих страхов. «Не включайся ни во что эмоционально, тогда тебя не обидят». Такой принцип отстраненности является, пожалуй, наиболее эффективной и прочной защитой от тревоги, но и цена за нее, похоже, тоже очень высока, поскольку она обычно означает затухание жизненности и спонтанности проявлений, а также заметное уменьшение запаса наличной энергии.

Каждый, кто знаком с тем, насколько запутанна и сложна динамика психических процессов, приводящих к *якобы* простому результату, не допустит ошибки, приняв эти положения о четырех типах личностных изменений за полное раскрытие их динамики. Мое намерение заключалось не в том, чтобы дать объяснение явлениям гомосексуальности или отстраненности, например, а в том, чтобы рассмотреть их лишь с одной точки зрения: как проявление различных способов решения или псевдорешения сходных конфликтов, лежащих в их основе. Какое решение избирается, зависит не от свободного волеизъявления девушек, как можно было бы предположить, исходя из термина «избирается»; оно жестко обусловлено ходом событий в детстве и реакций девочек на них. Обстоятельства способны воздействовать с такой принудительной силой, что возможным оказывается единственное решение. Тогда мы сталкиваемся с тем или иным типом в его чистой, четко очерченной форме. В иных же случаях опыт, приобретенный в отрочестве и после него, побуждает отказаться от одного пути и испробовать другой. Например, девушка, представляющая женский вариант донжуана, какое-то время спустя может стать аскетом. Более того, встречаются различные попытки решения, предпринятые одновременно. Так, например, у «мальчишницы» может проявиться склонность к отстраненности, хотя и совсем иначе, чем в третьей группе. Возможны и незаметные переходы между первой и четвертой группами. Разнообразие картины и сочетание типичных тенденций не составит особой трудности для нашего понимания, коль скоро мы уяснили себе основную функцию различных установок,

---

116 Более точное описание механизма, действующего у женщин этого типа, дано в статье «Переоценка любви» (с. 148-177 в этой книге).

представленных в «чистых» типах.

Еще несколько замечаний о профилактике и лечении. Надеюсь, даже из этого предварительного описания ясно, что любая профилактическая мера, предпринятая в период полового созревания, такая как просвещение по поводу менструаций, носит слишком запоздалый характер. Просвещение воспринимается на интеллектуальном уровне и не достигает глубоко затаенных инфантильных страхов. Профилактика может быть действенной лишь в том случае, если она начинается с первых дней жизни. Я думаю, что это можно разъяснить, сформулировав ее цель следующим образом: надо воспитывать в детях смелость и стойкость, вместо того чтобы их запугивать. Однако подобные общие формулы способны скорее ввести в заблуждение, нежели помочь, потому что их ценность всецело зависит от того, какой конкретный смысл извлекает из них человек, что следовало бы обсудить подробно.

Теперь что касается лечения: легкие затруднения часто проходят сами собой при благоприятных жизненных обстоятельствах. Но у меня есть сомнения, что изменения, представленные в четко выраженных типах личности, способен уловить психотерапевт, пользующийся менее деликатным инструментом, чем психоанализ, поскольку, в отличие от любого единичного невротического симптома, эти нарушения свидетельствуют о ненадежном фундаменте личности в целом. Не следует забывать, однако, что при всем при том жизнь может оказаться лучшим лекарем.

Статья 15. Невротическая потребность в любви[117]

Тема, которую я хочу сегодня обсудить, – невротическая потребность в любви. Наверное, я не представлю вам новых наблюдений, поскольку вы уже знакомы с клиническим материалом, который не раз излагался в той или иной форме. Предмет столь обширен и сложен, что я вынуждена ограничиться лишь несколькими моментами. Я по возможности вкратце остановлюсь на описании соответствующих феноменов и более подробно – на обсуждении их значения.

В этом контексте под термином «невроз» я подразумеваю не ситуационный невроз, а невроз характера, который начинается в раннем детстве и в той или иной мере охватывает всю личность.

Когда я говорю о невротической потребности в любви, я имею в виду явление, которое встречается в наше время в различных формах и с разной степенью осознания чуть ли не в каждом неврозе и выражается в чрезмерной потребности невротика в том, чтобы его любили, ценили, признавали и поддерживали, чтобы ему помогали и советовали, а также в чрезмерной чувствительности к фрустрации этих потребностей.

В чем состоит различие между нормальной и невротической потребностью в любви? Я называю нормальным то, что обычно для данной культуры. Все мы хотим быть любимыми и наслаждаемся, когда нас любят. Это обогащает нашу жизнь и дает нам ощущение счастья. В этих пределах потребность в любви, или, точнее, потребность быть любимым, не является невротическим феноменом. У невротика потребность быть любимым чрезмерна. Если официант или продавец газет менее приветливы, чем обычно, это может испортить ему настроение. Это может случиться и на вечеринке, если все не будут к нему дружелюбны. Нет необходимости приводить еще примеры, поскольку эти явления хорошо всем известны. Различие между нормальной и невротической потребностью в любви можно сформулировать следующим образом.

Если для здорового человека важно быть любимым, уважаемым и ценимым теми

---

[117] Лекция, прочитанная на собрании Немецкого психоаналитического объединения 23 декабря 1936 г. Das neurotische Liebesbedurfnis. – Zentralbl. f. Psychother., 10 (1937), S. 69-82. В основу лекции положена книга автора «Невротическая личность нашего времени».

людьми, которых он ценит сам или от которых он зависит, то невротическая потребность в любви является навязчивой и неразборчивой.

Эти реакции лучше всего наблюдать при анализе, поскольку в отношениях между пациентом и аналитиком имеется одна особенность, отличающая их от других человеческих отношений. При анализе относительное отсутствие эмоциональной вовлеченности врача и свободное ассоциирование пациента позволяют наблюдать эти реакции более легко, чем в повседневной жизни. Хотя неврозы могут различаться, мы снова и снова видим, сколь многим пациент готов пожертвовать, чтобы заслужить одобрение аналитика, и насколько он чувствителен ко всему, что может вызвать его неудовольствие.

Среди всех проявлений невротической потребности в любви я хочу выделить одно, весьма обычное для нашей культуры. Это переоценка любви. Я имею в виду, в частности, тип невротических женщин, которые чувствуют себя несчастными, неуверенными и подавленными до тех пор, пока рядом нет преданного человека, который бы их любил или о них заботился. Я имею в виду также женщин, у которых желание выйти замуж принимает форму навязчивости. Они застревают на этом моменте в жизни – выйти замуж – словно загипнотизированные, даже если сами абсолютно не способны любить, а их отношение к мужчинам крайне негативное. Такие женщины не способны развивать свой творческий потенциал и таланты.

Важной особенностью невротической потребности в любви является ее ненасытность, выражающаяся в крайней ревности: «Ты должен любить только меня!» Мы можем наблюдать это явление во многих браках, любовных отношениях и в дружбе. Ревность, как я ее здесь понимаю, представляет собой не реакцию, основанную на рациональных факторах, а ненасытность и требование быть единственным предметом любви.

Другим выражением ненасытности невротической потребности в любви является потребность в безусловной любви. «Ты обязан любить меня, как бы я себя ни вела». Это важный фактор, особенно в начале анализа. В таком случае у нас может возникнуть впечатление, что пациент ведет себя провоцирующе, но не путем первичной агрессии, а, скорее, вопрошая: «Будешь ли ты по-прежнему принимать меня, даже если я веду себя отвратительно?» Такие пациенты обижаются на малейший нюанс в голосе аналитика, словно говоря: «Вот видишь, все же ты меня не терпишь». Потребность в безусловной любви выражается также в их требовании быть любимыми, ничего не давая взамен: «Любить того, кто отвечает взаимностью, просто, но поглядим, сможешь ли ты меня любить, если ничего не получишь взамен». Даже то, что пациент должен платить аналитику, служит для него доказательством, что основное намерение врача не в том, чтобы помочь – иначе бы он не стал брать вознаграждение за лечение пациента. Это может зайти так далеко, что даже в собственной сексуальной жизни им может казаться: «Ты любишь меня только потому, что получаешь от меня сексуальное удовлетворение». Партнер должен доказывать свою настоящую любовь, жертвуя своими моральными ценностями, репутацией, деньгами, временем и т. п. Любое невыполнение этих абсолютных требований воспринимается как отвержение.

Наблюдая ненасытность невротической потребности в любви, я спрашивала себя: действительно ли невротическая личность жаждет любви или же она стремится к материальным приобретениям? Не является ли требование любви лишь прикрытием тайного желания что-либо получить от другого, будь то расположение, время, деньги, подарки и т. п.?

На этот вопрос нельзя ответить общими словами. Существует широкий спектр индивидуальных различий: от людей, действительно жаждущих любви, признания, помощи и т. п., – до невротиков, которые, похоже, вовсе не заинтересованы в любви, а лишь желают воспользоваться другим, взять от него все, что только можно. Между этими двумя крайностями существуют все виды оттенков и переходов.

Здесь будет уместно следующее замечание. Есть люди, которые сознательно отреклись от любви, говоря: «Все эти разговоры о любви – полная чепуха. Дайте мне что-нибудь

реальное!» Такие люди глубоко озлоблены на жизнь и считают, что любви просто не существует. Они полностью вычеркнули ее из своей жизни. Справедливость моего предположения подтверждается анализами таких индивидов. Если они подвергаются анализу достаточно долго, то начинают верить, что доброта, дружба и любовь действительно существуют. И тогда, словно в системе сообщающихся сосудов, их ненасытная страсть к материальным вещам исчезает. Подлинное желание быть любимым выступает на передний план, сначала едва заметное, затем все более и более сильное. Бывают случаи, в которых связь между ненасытным желанием любви и жадностью в целом легко увидеть. Когда люди с такой невротической чертой характера вступают в любовные отношения, но затем эти отношения по внутренним причинам рвутся, они становятся ненасытными в еде, прибавляя до двадцати и более фунтов в весе. Но они же теряют лишний вес, вступая в новые любовные отношения, и этот цикл может повторяться множество раз.

Другим признаком невротической потребности в любви является крайняя чувствительность к отвержению, которая так часто встречается у лиц с истерическими чертами характера. Они воспринимают буквально все как отвержение и реагируют сильнейшей ненавистью. У одного моего пациента был кот, который, бывало, не отвечал на его ласку. Однажды в гневе он просто швырнул кота в стенку. Это типичный пример ярости, которую может вызвать отвержение в какой бы то ни было форме.

Реакция на реальное или воображаемое отвержение не всегда очевидна; гораздо чаще она является скрытой. При анализе скрытая ненависть может проявиться в недостаточной продуктивности, в сомнениях в целесообразности анализа или в других формах сопротивления. Пациент может сопротивляться, восприняв интерпретацию как отвержение. Вы уверены, что дали ему реалистичный взгляд на вещи, а он не видит ничего, кроме критики и осуждения.

Пациенты, у которых обнаруживается непоколебимое, хотя и бессознательное убеждение, что такой вещи, как любовь, не существует, как правило, испытали тяжелое разочарование в детстве, которое и заставило их раз и навсегда вычеркнуть из своей жизни любовь, привязанность и дружбу. Такое убеждение одновременно предохраняет от переживания действительного отвержения. Приведу пример. В моем кабинете находится скульптура моей дочери. Однажды одна моя пациентка спросила меня – признавшись, что давно хотела задать этот вопрос, – нравится ли мне скульптура. Я сказала: «Поскольку она изображает мою дочь, то нравится». Пациентка была потрясена моим ответом, потому что – сама того не сознавая – считала любовь и привязанность лишь пустыми словами, в которые никогда не верила.

Если эти пациенты защищают себя от действительного переживания отвержения, заранее предполагая, что их нельзя полюбить, то другие защищаются от разочарования путем сверхкомпенсации. Они извращают факты, представляя действительное отвержение как выражение признания. Недавно я столкнулась с этим у трех моих пациентов. Один пациент без особого энтузиазма пытался устроиться в какое-то учреждение, но ему там сказали, что эта работа не для него – типичный американский вежливый отказ. Он же истолковал это как то, что он слишком хорош для этой работы. У другой пациентки были фантазии, что после сеансов я подхожу к окну, чтобы проводить ее взглядом. Потом она призналась в сильном страхе оказаться мной отверженной. Третий пациент был одним из тех немногих людей, к которым я не испытывала уважения. И хотя ему снились сны, в которых отчетливо проявлялось его убеждение в том, что я его осуждаю, в сознании ему удалось убедить себя, что он мне очень нравится.

Если мы понимаем, как велика эта невротическая потребность в любви, сколько жертв нужно невротику от других и как далеко он готов зайти в своем иррациональном поведении, чтобы другие его любили и ценили, были с ним доброжелательны, давали советы и оказывали помощь, то мы должны спросить себя, почему ему так трудно всего этого добиться.

Ему никогда не удается достичь той степени любви, в которой нуждается. Одной

причиной является ненасытность его потребности в любви, для которой – за редким исключением – все будет мало. Если мы пойдем глубже, то обнаружим и другую причину, скрытую в первой. Это неспособность невротической личности любить.

Дать определение любви очень трудно. Здесь мы можем ограничиться достаточно общим и ненаучным определением как способности спонтанно отдавать себя другим людям, делу или идее, вместо того чтобы брать все себе эгоцентрическим образом. В целом невротик к этому не способен из-за тревоги и скрытой, явной враждебности, которая возникает у него в ранней жизни вследствие плохого обращения с ним самим. В процессе развития эта враждебность значительно возрастает. Однако из страха перед ней он снова и снова ее вытесняет. В результате, либо из-за страха, либо из-за враждебности, он становится неспособным отказаться от себя, подчиниться. По этой же причине он не способен встать на место другого. Он мало считается с тем, сколько любви, времени и помощи может или хочет дать ему другой человек. Поэтому он болезненно воспринимает как отвержение желание другого человека побыть одному или его интерес к другим целям или к другим людям.

Невротик, как правило, не отдает себе отчета в своей неспособности любить. Он не знает, что не умеет любить. Однако степень осознания этого может быть разной. Некоторые невротики открыто говорят: «Нет, я не умею любить». Однако гораздо чаще невротик живет иллюзией, что он величайший из влюбленных и обладает огромной способностью к самоотдаче. Он будет уверять нас: «Мне весьма легко делать все для других, я не умею делать этого лишь для себя». Но он поступает так не из-за материнского, как он считает, заботливого отношения к другим, а по иным причинам. Это может быть связано с его жаждой власти или страхом, что другие его не примут, если он не будет им полезен. Более того, у него может быть глубоко укоренившийся запрет на то, чтобы сознательно желать чего-либо для себя и быть счастливым. Эти табу в сочетании с тем, что по вышеуказанным причинам невротик может порой сделать что-то и для других людей, усиливают его иллюзию, что он умеет любить и действительно глубоко любит. Он держится за этот самообман, поскольку тот выполняет важную функцию оправдания его собственных претензий на любовь. Было бы невозможно требовать так много любви от других, если бы он осознавал, что по сути они ему безразличны.

Эти рассуждения помогают нам понять иллюзию «большой любви» – проблему, на которой сегодня я останавливаться не буду.

Мы начали обсуждать, почему невротику трудно добиться привязанности, помощи, любви и т. д., которых он так сильно жаждет. До сих пор мы обнаружили две причины: его ненасытность и его неспособность к любви. Третьей причиной является чрезмерный страх отвержения. Этот страх может быть так велик, что не позволяет обратиться к другим людям с вопросом или даже оказать им любезность, потому что невротик живет в постоянном страхе того, что другой человек может его отвергнуть. Он даже боится делать подарки – опять-таки из страха отвержения.

Как мы видели, реальное или мнимое отвержение вызывает у невротической личности этого типа сильнейшую враждебность. Страх отвержения и враждебная реакция на отвержение заставляют его все больше и больше замыкаться в себе. В менее тяжелых случаях благодаря участию и дружелюбию он на какое-то время может почувствовать себя лучше. Более тяжелые невротики вообще не способны принять человеческого тепла. Их можно сравнить с умирающим от голода человеком со связанными за спиной руками. Они убеждены, что их нельзя полюбить, и это убеждение непоколебимо. Приведу пример. Один из моих пациентов хотел припарковаться перед отелем, к нему направился швейцар, чтобы помочь. Но когда мой пациент увидел приближающегося швейцара, то в страхе подумал: «Боже мой, должно быть, я припарковался в неположенном месте!» Если же какая-нибудь девушка проявляла дружелюбие, он истолковывал ее дружелюбие как сарказм. Все вы знаете, что если такому пациенту сделать искренний комплимент, например по поводу его ума, он будет убежден, что вы так поступаете из терапевтических соображений, и поэтому не поверит в искренность ваших слов. Это недоверие может быть в большей или меньшей

степени сознательным.

Дружелюбие может вызвать сильную тревогу в случаях, близких к шизофрении. Мой друг, имеющий большой опыт работы с шизофрениками, рассказал мне о пациенте, который иногда просил его о внеочередном сеансе. Мой друг делал недовольное лицо, рылся в записной книжке и ворчал: «Ладно, так и быть, приходите…» Он поступал так каждый раз, потому что знал, какую тревогу может вызвать дружелюбие у таких людей. Подобные реакции часто возникают и при неврозах. Пожалуйста, не надо путать любовь с сексуальностью. Одна пациентка как-то сказала мне: «Я совсем не боюсь секса, я ужасно боюсь любви». И в самом деле, она едва могла выговорить слово «любовь» и делала все, что было в ее силах, чтобы держать внутреннюю дистанцию от людей. Она легко вступала в сексуальные отношения и даже достигала полноценного оргазма. Эмоционально, однако, она оставалась дистанцированной от мужчин и говорила о них с такой отстраненностью, с которой обычно обсуждают автомобили.

Этот страх перед любовью в какой бы то ни было форме заслуживает более подробного обсуждения. По сути такие люди защищаются от своего чрезмерного страха перед жизнью, своей базальной тревоги, запираясь на все замки, и сохраняют чувство своей защищенности тем, что замыкаются в себе.

Отчасти их проблема состоит в страхе перед зависимостью. Поскольку эти люди действительно зависят от любви других, которая нужна им, как кислород для дыхания, опасность оказаться в мучительной зависимости и в самом деле очень велика. Их страх перед любой формой зависимости тем более велик, потому что они убеждены во враждебности к ним других людей.

Мы часто можем наблюдать, как один и тот же человек целиком и полностью зависим в один период своей жизни и отчаянно борется со всем, что имеет хоть какое-то сходство с зависимостью, – в другой. Одна молоденькая девушка до начала анализа несколько раз завязывала любовные отношения более или менее сексуального характера, и все они закончились полным разочарованием. Всякий раз она была глубоко несчастна, погружалась в свои страдания, и ей казалось, что можно жить только для этого человека, словно без него вся жизнь не имела смысла. На самом же деле она совершенно не была привязана к этим мужчинам и ни к кому из них настоящего чувства не испытывала. После нескольких таких переживаний ее установка изменилась на противоположную, на сверхтревожный отказ от любой возможной зависимости. Чтобы избежать опасности, исходящей из этого источника, она полностью отключила свои чувства. Все, чего она теперь хотела, – это получить власть над мужчинами. Иметь чувства или показывать их стало для нее слабостью и поэтому подлежало осуждению. Этот страх проявился в следующем: она начала проходить со мной анализ в Чикаго, затем я переехала в Нью-Йорк. У нее не было причин, чтобы не отправиться со мной, поскольку она вполне могла работать и в Нью-Йорке. Однако сам факт, что ей пришлось отправиться туда из-за меня, настолько не давал ей покоя, что она три месяца донимала меня, жалуясь, какое ужасное место Нью-Йорк. Мотив был такой: никогда не уступать, никогда ничего не делать для другого, потому что уже одно это означает зависимость и, стало быть, опасно.

Таковы наиболее важные причины, по которым невротику так трудно найти удовлетворение. Тем не менее я бы хотела вкратце указать те пути, которыми он может его достичь. Я имею в виду факторы, с которыми все вы хорошо знакомы. Основные средства, которыми невротик пытается достичь удовлетворения, следующие: привлечение внимание к своей любви, апелляция к жалости и угрозы.

Смысл первого можно выразить так: «Я так сильно тебя люблю, поэтому ты должен любить меня тоже». Это может принимать разные формы, но основная позиция одна и та же. Это очень распространенная установка в любовных отношениях.

Вы также знакомы и с апелляцией к жалости. Это предполагает полное неверие в любовь и убежденность в изначальной враждебности других людей. При определенных обстоятельствах невротик ощущает, что он может чего-то добиться, только подчеркивая

свою беспомощность, слабость и невезение.

Последний путь представляет собой угрозы. Его прекрасно выражает берлинская поговорка: «Люби меня, или я тебя убью». Мы наблюдаем эту установку достаточно часто как в анализе, так и в повседневной жизни. Это могут быть открытые угрозы причинить вред другому или себе, покончить с собой, подорвать репутацию и т. п. Они могут, однако, быть и замаскированными – выражаясь, например, в форме болезни, – когда то или иное желание любви не удовлетворено. Существует бесчисленное множество способов, которыми могут выражаться бессознательные угрозы. Мы наблюдаем их в самых разных взаимоотношениях: в любовных связях, браках, а также в отношениях между врачом и пациентом.

Как можно понять эту невротическую потребность в любви с ее чрезмерной интенсивностью, навязчивостью и ненасытностью? Существует несколько возможных истолкований. Можно было бы счесть это не более чем инфантильной чертой, но я так не думаю. По сравнению со взрослыми дети действительно больше нуждаются в поддержке, помощи, защите и тепле – Ференци написал несколько хороших статей по этому поводу. Это так, потому что дети более беспомощны, чем взрослые. Но здоровый ребенок, растущий в семье, где с ним хорошо обращаются и где он чувствует себя желанным, где по-настоящему теплая атмосфера, – такой ребенок не будет ненасытным в своей потребности в любви. Если он упадет, то может подойти к матери за утешением. Но ребенок, вцепившийся в мамин передник, – уже невротик.

Можно было бы также подумать, что невротическая потребность в любви является выражением «фиксации на матери». Это, похоже, подтверждается сновидениями, в которых прямо или символически проявляется желание припасть к материнской груди или вернуться в лоно матери. В биографии этих людей действительно обнаруживается, что они или не получили достаточно любви и тепла от матери, или что уже в детстве их привязанность к матери приняла чуть ли не форму навязчивости. Похоже, что в первом случае невротическая потребность в любви является выражением стойкого стремления к материнской любви, которую не удалось получить в раннем возрасте. Это, однако, не объясняет, почему такие дети столь упорно держатся за требование любви, вместо того чтобы поискать другие возможные решения – например, полностью удалиться от людей. Во втором случае можно подумать, что это непосредственное повторение цеплянья за мать. Такое истолкование, однако, просто отбрасывает проблему на более раннюю стадию, в более раннюю фазу, не проясняя ее. По-прежнему остается без объяснения то, почему этим детям прежде всего было так необходимо цепляться за своих матерей. В обоих случаях вопрос остается без ответа. Какие же динамические факторы сохраняют в дальнейшей жизни установку, приобретенную в детстве, или не позволяют отойти от этой инфантильной установки?

Во многих случаях очевидным истолкованием кажется то, что невротическая потребность в любви есть проявление необычайно выраженных нарциссических черт. Как я указывала ранее, такие люди действительно не способны любить других. Это настоящие эгоцентрики. Я полагаю, однако, что слово «нарциссический» следует употреблять весьма осторожно. Между себялюбием и эгоцентризмом, основанным на тревоге, имеются существенные различия. Невротики, которых я имею в виду, могут как угодно относиться к себе, но только не хорошо. Как правило, они относятся к себе как к злейшему врагу и открыто презирают себя. Как я покажу в дальнейшем, им нужно быть любимыми, чтобы почувствовать себя в безопасности и повысить свою поврежденную самооценку.

Еще одним возможным объяснением является страх утраты любви, который Фрейд рассматривал в качестве специфической особенности женской психики. Действительно, в этих случаях страх потерять любовь очень велик. Однако я задаю вопрос: не нуждается ли в объяснении само это явление? Я думаю, что его можно понять, если мы узнаем, какое значение придает человек тому, что его любят.

Наконец, мы должны спросить, не является ли чрезмерная потребность в любви на самом деле либидинозным феноменом? Фрейд, несомненно, ответил бы утвердительно, потому что, согласно его представлениям, любовь в своей основе есть сексуальное желание,

сдержанное в отношении цели. Хотя мне кажется, что эта концепция, мягко говоря, не доказана. Этнологические исследования указывают на то, что связь между нежностью и сексуальностью представляет собой сравнительно позднее культурное приобретение. Если рассматривать невротическую потребность в любви как изначально сексуальное явление, то было бы трудно понять, почему оно встречается также у тех невротиков, которые живут удовлетворительной половой жизнью. Более того, эта концепция неизбежно привела бы нас к тому, чтобы рассматривать в качестве сексуальных феноменов не только стремление к дружеской привязанности, но и желание получать советы, стремление к защите и признанию.

Если акцент делается на ненасытности невротической потребности в любви, то весь феномен являлся бы – в терминах теории либидо – выражением «орально-эротической фиксации» или «регрессии». Эта концепция означает готовность свести весь комплекс психологических явлений к физиологическим факторам. Я считаю, что такое предположение не только несостоятельно, но и делает понимание психологических явлений еще более сложным.

Не говоря уже о надежности таких объяснений, все они страдают от того, что фокусируются лишь на частном аспекте явления, то есть либо на стремлении к любви, либо на ненасытности, зависимости и эгоцентризме. Из-за этого становится трудно увидеть явление в целом. Мои наблюдения в аналитической ситуации свидетельствуют, что все эти многочисленные факторы представляют собой лишь разные проявления и выражения одного феномена. Мне кажется, что мы можем понять явление в целом, если рассматривать его как один из способов защиты от тревоги. Действительно, эти люди страдают от чрезмерной базальной тревоги, и вся их жизнь показывает, что бесконечный поиск ими любви является еще одной попыткой успокоить эту тревогу.

Наблюдения, проведенные в аналитической ситуации, отчетливо показывают, что потребность в любви возрастает, когда на пациента давит какая-то особая тревога, и что она исчезает, когда эту связь он осознает. Поскольку анализ неизбежно пробуждает тревогу, становится понятным, почему пациент снова и снова пытается вцепиться в аналитика. Мы можем наблюдать, например, как пациент, находясь под гнетом вытесненной ненависти к аналитику и исполненный из-за этого тревоги, начинает в такой ситуации искать его любви или дружбы. Я полагаю, что значительная часть того, что называют «позитивным переносом» и интерпретируют как воспроизведение изначальной привязанности к отцу или к матери, на самом деле является желанием найти успокоение и защиту от тревоги. Девиз таков: «Если ты меня любишь, то не обидишь». Как неразборчивость при выборе объекта любви, так и навязчивость и ненасытность желания становятся понятны, если рассматривать их как выражение потребности в успокоении. Я полагаю, что значительной части зависимости, в которую так легко попадает пациент при анализе, можно избежать, если выявить эти связи и раскрыть их во всех деталях. По моему опыту, добраться до сути реальных проблем тревоги можно гораздо быстрее, если проанализировать потребность пациента в любви как попытку оградить себя от тревоги.

Очень часто невротическая потребность в любви проявляется в форме сексуальных заигрываний с аналитиком. Пациент выражает своим поведением или посредством сновидений, что влюблен в аналитика и стремится к того или иного рода сексуальным контактам. В некоторых случаях потребность в любви проявляется в основном или даже исключительно в сексуальной сфере. Чтобы понять это явление, необходимо помнить, что сексуальные желания не обязательно выражают действительные сексуальные потребности и что сексуальность может также представлять собой форму контактов с другим человеком. Мой опыт показывает, что невротическая потребность в любви тем с большей готовностью принимает сексуальные формы, чем более нарушены эмоциональные отношения с другими людьми. Когда сексуальные фантазии, сновидения и т. п. проявляются на ранних этапах анализа, я воспринимаю их как сигнал того, что данный человек полон тревоги и что его отношения с другими людьми в своей основе неудовлетворительны. В таких случаях

сексуальность является одним из немногих, быть может, даже единственным мостиком к другим людям. Сексуальные желания по отношению к аналитику, истолкованные как основанные на тревоге потребности в контакте, быстро исчезают; это открывает путь к проработке тревог, которые нужно было успокоить.

Связи такого рода в ряде случаев помогают нам понять возрастание сексуальных потребностей. Сформулируем проблему вкратце: вполне понятно, что люди, у которых невротическая потребность в любви выражается языком сексуальности, склонны вступать в одну связь за другой, как будто под принуждением. Это происходит потому, что их отношения с другими людьми слишком нарушены, чтобы их можно было перевести в другую плоскость. Вполне понятно также, что эти люди тяжело переносят половое воздержание. Все, что я до сих пор говорила о людях с гетеросексуальными наклонностями, относится и к людям с гомосексуальными и бисексуальными тенденциями. Большая часть того, что проявляется в виде тенденций, или интерпретируется подобным образом, на самом деле является выражением невротической потребности в любви.

И наконец, связь между тревожностью и чрезмерной потребностью в любви помогает нам лучше понять феномен эдипова комплекса. Фактически все проявления невротической потребности в любви можно обнаружить в том, что было описано Фрейдом в качестве эдипова комплекса: чрезмерная привязанность к одному из родителей, ненасытность потребности в любви, ревность, чувствительность к отвержению и сильнейшая ненависть в ответ на отвержение. Как вы знаете, Фрейд понимает эдипов комплекс как феномен, детерминированный, по сути, филогенетически. Однако наш опыт работы со взрослыми пациентами заставляет нас поразиться, насколько эти детские реакции, столь хорошо исследованные Фрейдом, вызываются тревогой, точно так же, как это мы наблюдаем в последующей жизни. Этнологические исследования ставят под сомнение, что эдипов комплекс является биологически детерминированным феноменом, – факт, на который уже указывали Бём и другие. В историях детства невротиков, которые особенно сильно были привязаны к отцу или матери, всегда обнаруживается множество таких факторов, способных вызывать у детей тревогу. По всей видимости, в этих случаях взаимодействуют следующие факторы: запугивание при одновременном снижении самооценки, которые приводят к возникновению враждебности. Я не могу здесь подробно останавливаться на причинах того, почему вытесненная враждебность с легкостью вызывает тревогу. В самых общих словах можно сказать, что у ребенка тревога возникает потому, что он чувствует, что выражение им враждебных импульсов угрожало бы безопасности его существования.

Этим последним замечанием я вовсе не намерена отрицать существование и важность эдипова комплекса. Я только хочу задать вопрос, является ли этот феномен универсальным и в какой мере он обусловлен влиянием невротичных родителей.

И наконец, я хочу вкратце пояснить, что я понимаю под чрезмерной базальной тревогой. В смысле «страха Творца» – это общечеловеческое явление. У невротика эта тревога является чрезмерной. Кратко ее можно описать как чувство беспомощности во враждебном и подавляющем мире. По большей части человек не осознает эту тревогу как таковую. Он сознает только ряд тревог самого разного содержания: страх перед грозой, страх улиц, страх покраснеть, страх заразиться, страх экзаменов, страх перед железной дорогой и т. п. Разумеется, в каждом конкретном случае строго детерминировано, почему у человека именно этот страх, а не другой. Но если мы посмотрим глубже, то увидим, что все эти страхи проистекают из чрезмерной базальной тревожности.

Существуют различные способы защитить себя от такой базальной тревожности. В нашей культуре наиболее распространены следующие. Во-первых, невротическая потребность в любви, девиз которой: «Если ты меня любишь, то не обидишь». Во-вторых, подчинение: «Если я уступаю, всегда делаю то, чего ждут другие, никогда ничего не прошу, никогда не сопротивляюсь, то никто меня не обидит». Третий способ был описан Адлером и в особенности Кюнкелем. Речь идет о навязчивом стремлении к власти, успеху и обладанию под девизом: «Если я более сильный, более успешный, то меня не обидишь». Четвертый

способ представляет собой эмоциональный уход от людей, чтобы быть в безопасности и независимым. Одним из важнейших последствий такой стратегии является попытка настолько подавить чувства, чтобы стать неуязвимым. Еще одним способом является навязчивая страсть к накопительству, которая в таком случае относится не столько к стремлению к власти, сколько к стремлению к независимости от других.

Очень часто мы обнаруживаем, что невротик избирает не один из этих способов, а пытается достичь цели и унять свою тревогу разными, зачастую совершенно противоположными способами. Это приводит его к неразрешимым конфликтам. В нашей культуре наиболее важный невротический конфликт – это конфликт между навязчивым, бездумным стремлением всегда быть первым и потребностью быть всеми любимым.